

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

Х

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

Х

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

Печатается по распоряжению директора ИИМК М. И. Артамонова

Ответственный редактор С. Н. Бибиков

І. ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНУМЕ ИНСТИТУТА

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДИЩА ВАРАХША И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ ¹

(Доклад, прочитанный на заседании Института 14 І 1941)

Среди городищ и тепе, разбросанных в большом количестве по всей территории Бухарского оазиса, Варахша представляет значительный интерес. Этот относительно небольшой город (площадь городища равняется приблизительно 10 га) являлся центром значительного в свое время района, представляющего теперь безжизненную, лишенную воды и населения окраину песчаной пустыни Кызыл-кум. В древности Варахша была одной из резиденций правителей всей Бухарской области. Пустынный район, как показало рекогносцировочное обследование его, произведенное автором в 1937 г., включает территорию площадью около 500 кв. км, на которой разбросано несколько десятков больших и малых тепе — остатков укрепленных поселений, большое количество разной формы и направления валов, остатков оросительных систем и пр. Обследованный нами район расположен к западу от границы современного Бухарского оазиса; орошался он в древности низовыми частями действующих и в настоящее время больших оросительных систем Хайрабад, Самджан (Ромитан) и Гау-Хитфар.

Поверхность всего этого района представляет, как уже сказано, заросшую пустынными травами равнину, подвергающуюся местами сильному выветриванию, в результате которого степь имеет весьма своеобразный холмистый вид; местами она покрыта песчаными барханами или сплошными песками, особенно в своей западной части.

Все городища и тепе, а также и степь на большом пространстве вокруг них (вокруг Варахши, например, радиусом на 3—4 км), почти сплошь усеяна остатками древней культурной жизни в виде большого количества черепков глиняной посуды, кусков жженого кирпича и стекла. Среди этих остатков нередко встречаются монеты и другие изделия из металла.

Этот материал при исследовании его в 1937 г. дал нам возможность выделить крайнюю западную часть — семь относительно небольших тепе, — отличающуюся по характеру сохранившегося на поверхности археологического материала.

¹ Предлагаемая статья посвящается предварительным результатам археологического исследования, произведенного в 1937—1939 гг. экспедицией Узбекистанского комитета по охране памятников материальной культуры с участием в 1938—1939 гг. Узбекистанского музея искусства, а в 1939 г. Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра.

На всей остальной части древней культурной полосы, на ряду с древними разновидностями керамики (характерной посуды с красным ангобом, иногда красным лаком, датируемой временем около начала н. э.), встречается множество осколков изделий, относящихся к IX—XI вв. Такую датировку основной массы подтверждают нумизматические находки. Среди них имеются монеты различных династов, правивших страной до арабского завоевания, монеты, пока еще очень мало известные в нумизматической литературе и остающиеся не приуроченными к определенному месту и времени.¹

Большая же часть собранных нами монет (всего найдено несколько сотен) падает на монеты арабского халифата, саманидов и ранних караканидов, преимущественно бухарского чекана, до XI в. включительно.

Выделенный нами западный участок отличается тем, что на нем не обнаружено никаких остатков керамики времени, близкого к арабскому завоеванию или после него. Отсутствует стекло, глазурированная посуда, жженный кирпич. Весь комплекс предметов, находящихся на поверхности, может быть датирован временем не позднее государства кушанов (I—III вв. н. э.). Только одно тепе (Кызыл-тепе), занимающее наиболее восточное положение в этой группе, дает материал переходного типа, который может быть отнесен к IV—VII вв. н. э.

В результате предварительного топографического исследования территории и изучения керамического и нумизматического материала с достаточной наглядностью выявилось, что вся эта площадь орошалась с помощью упоминавшихся выше оросительных систем в весьма отдаленные времена, предшествовавшие возникновению государства кушанов. Более определенная дата земледельческого освоения площадей может быть установлена только исследованием нижних культурных слоев таких городищ, как Баш-тепе, Урта-тепе и Аяк-тепе, занимающих участок на крайнем западе. Самыми древними предметами, найденными близ этих тепе, являются несколько втульчатых, трехгранных бронзовых (медных?) наконечников стрел „скифского“ типа.

Хронологическое определение этапов запустения этой обширной территории значительно легче. Группа западных бугров была покинута жителями, несомненно, еще в досасанидское или сасанидское время. Только на Кызыл-тепе жизнь задержалась, повидимому, на несколько столетий позднее. Вся же остальная часть древней культурной полосы опустела почти одновременно, скорее всего в XI в. Это можно заключить и из имеющейся исторической литературы, например о Варахше, описанной Наршахи.² Автор Худуд-ал-алем, перечисляя города и селения Бухары, уже совершенно не упоминает названия имени Варахши; у арабских географов она упоминается как селение по дороге в Хорезм.

В связи с тем обстоятельством, что подобные же районы древней культуры, заброшенные частью в раннесасанидское время, частью позднее, уже после арабского завоевания, имеются во многих других частях Средней Азии,³ — большой интерес вызывает постановка вопроса о причинах этого явления, связанного, несомненно, с процессами внутреннего социально-экономического порядка: завоевательными походами и набе-

¹ См., например, последнюю сводку литературы по этому разделу нумизматики у Ж. де-Моргана (*Manuel de numismatique orientale de l'antiquité et du moyen âge*, т. I, Paris, 1923—1936, стр. 416—427, 459, 461).

² Мухамед Наршахи. История Бухары. Литогр. изд. Каган, 1904, стр. 20—21.

³ См. работы С. П. Толстова об исследовании таких районов в Каракалпакии. То же явление отмечено в некоторых районах Ферганской долины.

гами, увеличением расхода воды для полива и, наконец, факторами естественно-историческими — наступление пустыни и засоление почв. Важно также выяснить время наиболее интенсивного расширения земледельческих площадей, основанных на искусственном орошении, и дальнейшие их изменения — имеем ли мы дело с сокращением фонда орошенных земель или с их перемещением и, быть может, даже увеличением. При отсутствии соответствующих письменных источников, эти вопросы, важные для понимания древнейшей истории Средней Азии, как нам кажется, должны быть освещены почти исключительно археологическими исследованиями.

Археологическая разведка 1937 г., произведенная на городище Варахша, дала настолько интересный материал, что вызвала необходимость постановки стационарных раскопочных работ, которые и выполнялись в течение двух сезонов в 1938 и 1939 гг.¹

Одной из первых задач, поставленных при раскопочных работах, явилась попытка проследить последовательность культурных наслоений городища, для чего в самом его центре был заложен шурф, доведенный до материковых отложений. Общая глубина залегания слоев оказалась почти 10 м, что, конечно, само по себе свидетельствует о большой древности городища, в особенности если принять во внимание, что верхние слои, соответствующие последним временам существования поселения, совершенно выветрились.

К сожалению, археологический материал, полученный из шурфа, был незначителен и мало пригоден для датировки отдельных наслоений. Он весь заключался в мелких осколках преимущественно грубой керамики (хумы), не дававших возможности установить форму сосудов. Однако можно отметить, что типичная керамика с красным ангобом и лощением, которую принято относить к кушанскому времени, находится на глубине 6—8 м, относясь к третьему (сверху) из четырех культурных слоев, на которые удалось разделить всю массу керамического материала.²

Одновременно с работой над описываемым шурфом нами была совершена экскурсия в труднодоступную западную окраину древней культурной полосы, где на бугре Баш-тепе был также заложен небольшой шурф, показавший здесь глубину культурных наслоений около 5 м и полное сходство культурных остатков с двумя нижними горизонтами шурфа на городище Варахша, что указывает, возможно, на возникновение этих поселений в один и тот же период.

Наиболее интересный материал, главным образом историко-культурного значения, дал другой раскоп на городище, заложенный к западу от возвышающейся на южной стороне его небольшой цитадели (рис. 1). Здесь до начала раскопок была видна группа доходящих до южного края городища отлогих холмов неправильной формы. В этих холмах уже на поверхности, выглаженной ветром и перекатывающимся через городище песком, прослеживались толстые стены, сложенные из сырцового кирпича, и несколько больших и малых помещений. В результате разведки 1937 г. мы пришли к убеждению, что холмы являются остатками древнего дворца бухар-худатов, доарабских правителей Бухарской

¹ В работах, кроме автора статьи, участвовали в качестве научных сотрудников В. Д. Жуков, А. Кахаров, П. А. Гончарова и С. К. Кабанов, реставратор ИИМК П. А. Смелов, художник-архитектор Ю. П. Гремячинская. Архитектурные замеры производились частично архитектором Б. Н. Засыпкиным, фотографирование — Л. И. Ремпелем.

² Данные предварительные, так как обработка материалов еще продолжается. Деление на культурные горизонты пока дается условно, в особенности в отношении нижних слоев.

области. Об этом дворце, находившемся в Варахше, и истории его постройки сообщает некоторые сведения Наршахи.¹ Последующие работы в 1938 и 1939 гг. вполне подтвердили наше предположение. Большое здание со многими помещениями (единственное большое здание на городище, насколько это возможно проследить) оказалось богато украшенным стенными росписями и резной штукатуркой декоровкой. Плана здания в целом нам до сего времени выяснить не удалось. Раскопки помещений с многочисленными остатками архитектурного убранства требовали крайне осторожной работы и оказались очень трудоемкими. В основном наши работы заключались в следующем.

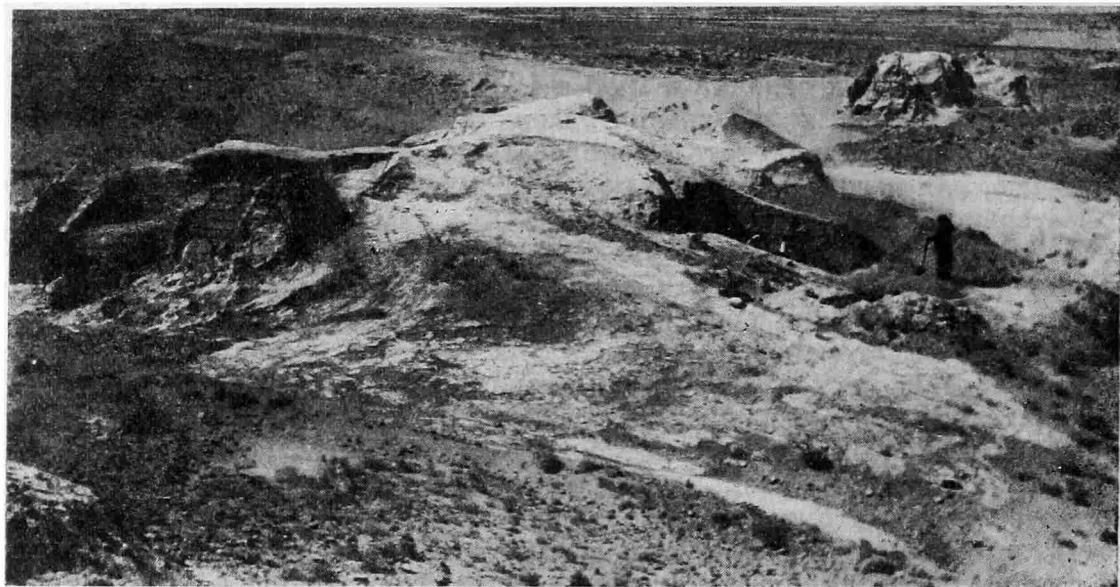

Рис. 1. Варахша. Общий вид развалин здания в начале раскопок.

В юго-западной части развалин вскрыты четыре расположенных рядом продолговатых помещения, соединенных между собой проходом вдоль южной стены. Слабо сохранившиеся остатки перекрытия в одном из этих помещений свидетельствуют о том, что они были перекрыты сводами из сырцового кирпича, но под пятами сводов, кроме того, для какой-то цели были проложены поперечные балки. Ширина помещений около 2 м. Интересно отметить, что эти помещения не имели прямого выхода наружу, кроме широкой лестницы из сырцового кирпича, заполняющей значительную часть одного из этих помещений. Судить о том, были ли здесь световые отверстия, невозможно, так как верхние части стен сохранились очень плохо.

Все помещения были заполнены завалом из строительного мусора: кусков сырцового и жженого кирпича и алебастра с примесью песка. Завал этот достигал толщины около 3 м. Нижний слой, под завалом, на 15—25 см от глиняного пола состоял из лёссовой земли с большим количеством костей птиц и животных и довольно многочисленных железных трехперых наконечников стрел и черепков грубой посуды. В самом завале подобные предметы не встречались, за исключением черепков светлой грубой посуды. На трех фрагментах этой посуды

¹ История Бухары, стр. 20—21. — См. мою статью в журн. „Искусство“ (1938, № 5, стр. 148 и сл.).

были замечены остатки сделанных тушью надписей, повидимому согдийских.¹ Особенно интересными оказались найденные в очень большом количестве в этом завале фрагменты штуковой архитектурной декорровки (свыше 5000), в некоторых местах составлявшие основной материал завала.

Размеры и характер раскопанных помещений, большая толщина стен с высоким к тому же рельефом алебастровой резьбы (лепки) не позволяют предположить, что штуквая орнаментация находилась в этих помещениях. Некоторые части одних и тех же фрагментов, подходящие одна к другой при складывании, были найдены в разных помещениях. Наиболее вероятным кажется предположение, что помещение, украшенное штукатуром, находилось во втором этаже, над раскопанными продолговатыми помещениями, которые и были заполнены обломками и строительным мусором при разрушении здания.

Фрагменты штукатурки показывают, что основой для него служила стена из жженого кирпича крупных размеров. Сам этот кирпич, в виде больших плит, половинок, четвертей, клинчатый и сформованный в виде полукружия, также встречался в завале. В тех местах, где алебастровый рельеф достигал большой толщины (до 30 см), он поддерживался еще дополнительно деревянными штырями, вделанными в стену.

Материалом для штукатурки служил очень хорошего качества алебастр, сходный с тем, который применяется в настоящее время в строительстве Бухары. Он использовался в двух видах — серый, неочищенный, грубого размола (тез-ганя, по терминологии современных бухарских мастеров) и белый, очищенный, мелко растолченный и просеянный (гуль-ганя). Техника штукатурки заключалась в накладывании его иногда тонким, иногда толстым слоем на стену, в лепке фигур, изображавшихся высоким рельефом, и в обработке резцом.

Изучение большого числа фрагментов, относящихся к одному и тому же орнаментальному мотиву, убедительно доказывает, что не только никакой формовки, но даже и нанесения рисунка по шаблонам, повидимому, мастерами не практиковалось.² Поверхность штукатурки везде оставлена белой, без всяких следов какой-либо подкраски, кроме одного фрагмента, изображающего голову птицы, где глаз подкрашен охристо-красной краской.

Среди этих фрагментов найдено несколько кусков штукатурки, резко отличающихся своим видом от основной массы. Это — плоская, толстая алебастровая штукатурка с ровной, гладкой поверхностью, на которой вырезан углубленный рисунок, очень примитивный. На одном фрагменте уцелели как будто остатки орнаментальной розетки, на другом — спиральная линия, оканчивающаяся трилистником. В отличие от того штукатурки, который описан выше, эти фрагменты сохранили хорошо заметную подкраску углубленных частей рисунка охристо-красной и синей ультрамаринового тона красками, при оставшейся, повидимому, белой плоской поверхности штукатурки. Два фрагмента из этой группы помогли объяснить их происхождение. На поверхности их наложен новый слой алебастровой штукатурки, по которому выполнена резьба, обычная для большей части фрагментов. Следовательно, в них, повидимому, мы имеем остатки бо- лее

¹ Окончательно уяснить характер надписей и их содержание не удалось вследствие гибели этих черепков во время пожара в Ташкенте вместе со сделанными с них зарисовками и фотографиями.

² Этим наша резьба по штукатурке отличается от техники подобного вида декорровки, обнаруженной в Иране. См., напр., Oskar Renner. Sassanian Architecture. Survey of Persian Art, London and New York, 1938, т. I, стр. 528, рис. 148.

старой и значительно более скромной декоровки того здания, которое затем подверглось основательному ремонту.

Рис. 2. Варахша. Резной штук. Один из орнаментальных мотивов.

Фрагменты резного штукатурки второго по времени стиля дают исключительно большое разнообразие как орнаментальных, так и изобразительных

мотивов. В орнаменте мы видим простейшее сочетание геометрических элементов: квадратов, ромбов, треугольников, зигзагообразных линий, кружков и т. д. В более сложных мотивах эти простейшие элементы предстают в сочетании с розетками, простыми и двойными рядами перлов (рис. 2); но особенно богата и разнообразна группа мотивов растительного характера (рис. 3), где встречаются пальметты, полупальметты, листья, розетки, спирально закрученные листья, какие-то плоды, несколько напоминающие ананас, стилизация виноградной лозы с листьями и гроздьями и, наконец, очень своеобразно трактованный, но тем не

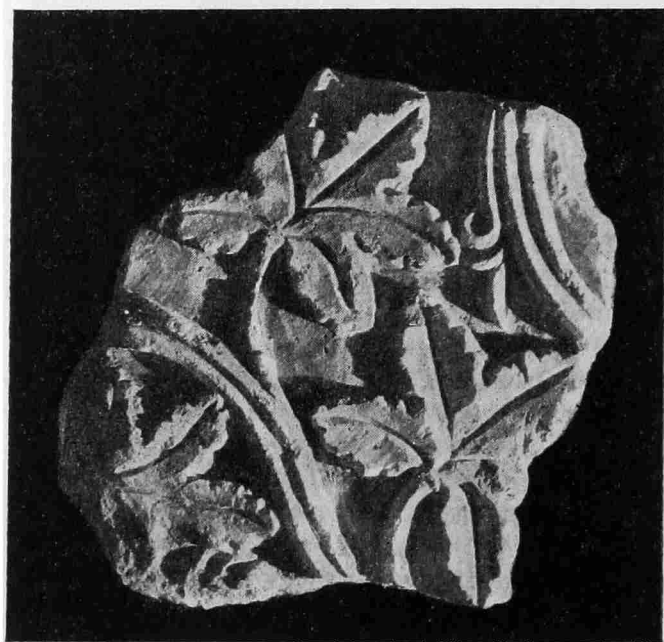

Рис. 3. Варахша. Резной штук. Мотив виноградной лозы.

менее совершенно несомненный лист аканфа.

Весь орнамент изображен плоско, невысоким рельефом. Стилистический анализ этого орнамента показывает те культурные взаимодействия,

в результате которых сложилось это искусство, впитавшее в себя древневосточные элементы, какие-то неизвестные нам, повидимому местные, и, наконец, эллинистические. Они особенно ярко выражены в орнаментальном мотиве с листьями аканфа из занесенного греками эллинистического искусства. Лист аканфа мы встречаем и в парфянских памятниках Ирана,¹ и в искусстве Гандхары² и, наконец, на территории Узбекистана в известном скульптурном карнизе и капителях из Айрытама и Термеза.

Из сравнения этих памятников с варахшским можно прийти к заключению, что в этом последнем варианте мотива аканфа мы имеем дело с дальнейшей его схематизацией, превращением в абстрактный орнаментальный мотив.

Аналогию многим мотивам орнамента варахского штука можно найти в искусстве Ирана, Бактрии, Гандхары и Восточного Туркестана.

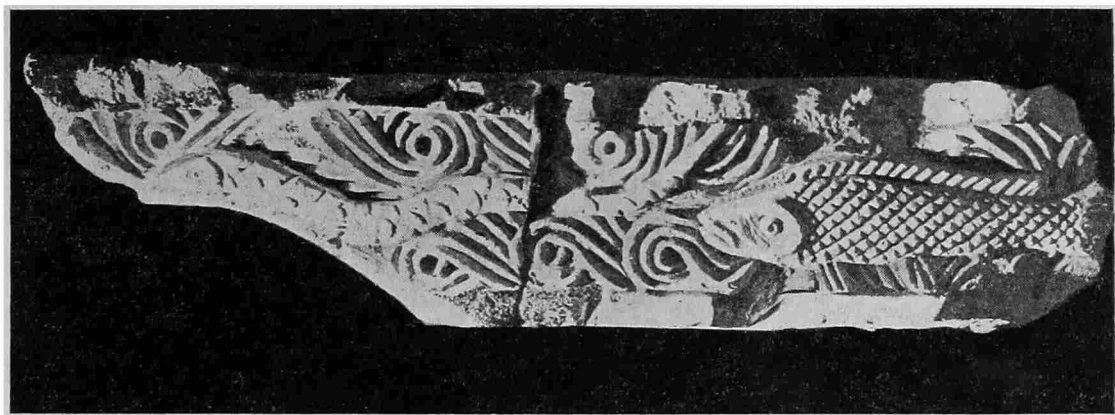

Рис. 4. Варахша. Резной штука. Изображение водоема с плавающей рыбой.

Изобразительные мотивы в штуке даны или плоско, так же как орнамент, или же высоким рельефом, почти переходящим в объемную скульптуру. Здесь мы имеем изображения пейзажа, элементы которого сохранились в виде больших стволов, ветвей и сложных групп листьев. Судя по масштабам этих обломков, изображения деревьев должны были быть весьма значительными, не меньше двух метров высоты. В качестве второго элемента пейзажа укажем изображения водоемов с плавающими в них цветущими водорослями, рыбами, змеями (рис. 4) и водяными птицами. Волны изображены волнистыми, иногда спирально закручивающимися линиями.

Животный мир представлен в резном штуке изображениями лани или оленя, сохранившимися только в мелких относительно обломках, коня, лягушки или жабы и птиц. Особенно замечательным представляется фриз из идущих в одну сторону (вправо) куропаток, реконструируемый из большого количества найденных фрагментов.

Изображения голов человека дошли до нас в двух различных типах. Одни изображения плоские, представляющие лицо безбородого юноши (или женщины) с короткими волосами, зачесанными назад и свисающими подрезанной прядкой на лоб. Волосы схвачены головным обручем —

¹ F. Sarre. Die Kunst des alten Persien. Berlin, 1923, табл. 63.

² A. Foucher. L'art gréco-bouddhique de Gandhara, т. I. Paris, 1905, рис. 111, 112, 113, 115.

диадемой (рис. 5). Повидимому, эти изображения лиц, повернутых то вправо, то влево, то en face, представляли собой маски, включенные в какой-то орнамент с растительными элементами.

Совсем другое впечатление производят головы, изображенные высоким рельефом. Несмотря на ту же стандартную полуулыбку губ, крайне схематичное изображение глаза и общую как бы эскизность резьбы, каждая из голов имеет свой индивидуальный характер. Особенно интересны в этом отношении две мужские головы. Одна из них изображает мужчину с откинутыми назад волосами и клиновидной прямой бородой (рис. 5).

Рис. 5. Варахша. Резной шtuk.

С л е в а — голова юноши или женщины, изображенная плоским рельефом; с п р а в а — голова мужчины.

На другом изображении волосы закручены отдельными локонами-пряжками, голова увенчана диадемой с круглым украшением впереди, борода короткая, курчавая и раздвоенная. При сравнении этих двух голов невольно является предположение, что в них мастер стремился передать какое-то определенное лицо, реальное или мифическое, определенный иконографический тип, может быть даже старался получить примитивное портретное сходство.

Из прочих фрагментов человеческих фигур отметим прекрасно сделанные изображения нескольких рук, с манерным изящным изгибом пальцев. Одна из этих рук держит веревочную петлю, повидимому лассо, другая — круглый маленький щит. Интересны изображения обнаженных юношеских(?) торсов, украшенных нитями перлов, перекинутыми через одно плечо.¹ Но

¹ Вестник древней истории, т. 3, 1940. Подобные украшения встречаются в искусстве Восточного Туркестана (С. Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 г. СПб., 1914, табл. VII, А3а — фигуры бодисатв из Шикшина).

Рис. 6 Варахша. Фрагмент росписи

особенно важной была находка большого мужского торса. Своеобразная трактовка складок одежды из тонкой ткани, особенно на руках и ногах фигуры, свидетельствует об определенных эллинистических элементах, но схематизированных и по-своему стилизованных.

Характерные для всего древнего искусства Востока изображения гибридных существ представлены в варахшской резьбе по штуку торсом крылатого коня, украшенного попоной и подвеской-бубенчиком на шее, и несколькими фрагментами фигур птицеженщины с женской грудью и головой, туловищем и лапами птицы. Судя по многочисленным фрагментам таких лап, эти птицеженщины, представляющие разновидность известных гарпий, сирсы, симургов, киннари, сидели на упомянутых выше изображениях деревьев.¹

Второй раскоп производился к северо-востоку от описанных помещений с резным штуком в том месте, где на поверхности было прослежено большое, приблизительно квадратное помещение со стороной около 10 м. В 1938 г. был вскрыт северо-западный угол этого помещения. Уже при начале работы было обнаружено, что западная стена, сложенная из сырцового кирпича, покрыта стенной росписью; это заставило отказаться от продолжения работы в том же году, так как в составе экспедиции не было соответствующих специалистов, оборудования и материалов для фиксации стенной живописи. На первый раз мы ограничились вскрытием небольшого пробного куска и собрали образцы в виде фрагментов штукатурки с росписью, осыпавшихся со стен. В следующем году работа была продолжена с участием реставратора ИИМК им. Н. Я. Марра П. А. Смелова и архитектора-художника Ю. П. Гремячинской. Было вскрыто и расчищено приблизительно $\frac{2}{3}$ западной стены с фиксацией и соответствующей регистрацией красками на бумаге сохранившихся на стене фрагментов росписи.

Сырцовая стена помещения покрыта глиняной штукатуркой с примесью мелкой соломы и измельченного камыша. Такой же штукатуркой покрыта скамья-лежанка, идущая вдоль стены, и пол помещения. Штукатурка сделана очень тщательно, но содержащиеся в ней камыш и солома перегнили, поэтому она стала несколько рыхлой, пористой, что чрезвычайно затруднило работу по закреплению уцелевших остатков росписи.

Северная стена помещения не обнаружена. Вместо нее грубая кладка из сырцового кирпича явно более позднего происхождения, начинающаяся к тому же не на уровне пола, а несколько выше. Помещение заполнено очень плотной лёссовой массой, залегающей правильными слоями через 25—30 см. Это лёссовое заполнение помещения представляет собой искусственную его забивку, имевшую целью на остатках старого здания, как на платформе, возвести новое. Остатков этого последнего почти не сохранилось. В глиняной забивке помещения не встречено никакого

¹ Здесь нет нужды перечислять общеизвестные изображения как крылатого коня (пегаса), так и человекоптицы. В качестве ближайших аналогий назовем только фигуры крылатого коня в резном штуке Ктезифона (E. K u h n e l. Baud-kar und Kleinfunde. Die Ausgrabungen der zweiten Ktesiphon-Expedition 1931/32, рис. 37), такие же изображения на различных сасанидских вещах, например на тканях (Fr. S a r g e, ук. соч., стр. 49—51, табл. 98 и 99). Изображения kinnari нередки в буддийском искусстве (С. Ф. О л ь д е н б у р г. Гандкарские скульптурные памятники. Зап. Коллегии востоковед., т. V, 1930, стр. 175. — A. G r ü n w e d e l. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkestan. Berlin, 1912, стр. 17, рис. 30 и др.). Последний мотив оказался столь живучим, что мы встречаем его не только на средневековых бронзовых вещах Средней Азии, но даже на современных табакерках из тыквы (Нос-каду), часто украшаемых изображением „симурга“ — птицеженщины.

археологического материала, пригодного для датировки времени уничтожения старого и постройки нового здания.

Росписи сохранились фрагментарно. Имеются многочисленные выпад краски, обнаруживающие гладкую поверхность глиняной штукатурки, разрушения самой штукатурки, корневища, кротовины, наплывы засохшей грязи. Кроме того, некоторые части росписей умышленно были уничтожены в древности каким-то острым орудием. Тем не менее на стене сохранилось еще достаточно элементов, чтобы судить о композиции живописи и ее характере.

Краска наложена непосредственно на глиняную штукатурку без предварительной подгрунтовки. Только в некоторых местах под красной и другими красками есть тонкий белый подслой. Краски, надо полагать, употреблялись водяные с примесью какого-то клеящего вещества, теперь уже разложившегося. Поэтому красочный слой легко шелушится, осыпается и мажется, что заставило нас в первую же очередь принять меры к фиксации красочного слоя введением в него слабого раствора растительного клея (камедь). Краски росписи (охристо-красная, белая, красная, черно-коричневая и желтая, главным образом, повидимому, минерального происхождения) в общем хорошо сохранили свой тон и яркость, за исключением, пожалуй, одного случая в окраске листьев цветка, фрагмент изображения которого найден был в глиняной забийке; по нему можно догадываться об изменении зеленого цвета в буро-желтый.

Композиционно роспись делится горизонтально на две отдельные части, разделяемые между собой небольшим выступом стены и орнаментальной каймой, в которой изображена извивающаяся лента, помещенная над этим выступом.

В верхней части, сохранившейся плохо, было представлено шествие животных, идущих в одну сторону — влево. От этих животных в настоящее время уцелели только ноги. Справа — ноги коня, окрашенные в красноватые тона, левее — гепарда с желтыми с черными крапинками ногами, еще левее — черно-белые пятнистые ноги какого-то копытного животного, дальше следует наиболее сохранившееся изображение тигра, желто-белого с черными полосками. У этой фигуры уцелели не только ноги, но и нижняя часть корпуса. Интересно отметить, что на фигуре тигра заметны остатки изображенной на нем белой попоны с черным рисунком. Крайняя слева фигура животного вскрыта только частично. Она изображает также какое-то копытное животное, повидимому оленя.

На нижнем поясе живописи, в той части, которая была нами открыта, — две сходные композиционные группы. Центром каждой из них являлся белый слон, украшенный попоной, ошейником с подвесками и какими-то цепочками из кружков на голове. На голове правого из этих слонов изображен человек в коротких штанах с плащом за спиной. Торс фигуры оставлен обнаженным. Человек вооружен длинным копьем, которым он поражает нападающее чудовище, огромного желто-оранжевого льва, поднявшегося на задние лапы (рис. 6). От фигуры второго человека, который находился на этом же слоне, остались только незначительные следы, в виде плохо сохранившейся кисти руки, вооруженной длинным прямым мечом. Позади слона было изображено второе чудовище, видимо, сходное с первым.

На втором левом слоне также сидит полуобнаженный человек, стреляющий из лука в нападающего спереди белого грифона, стоящего также на задних лапах (рис. 7). Сзади на слона нападает второй такой же грифон, от которого сохранилась только нижняя часть туловища с задними ногами и хвостом, оканчивающимся орнаментальной полупальметтой.

Рис. 7. Варахша. Фрагмент росписи

Фигура второго человека, находившегося на слоне, была позднее уничтожена. Сохранилась только рука, украшенная двумя браслетами и вооруженная копьем. Рука обнажена, через нее перекинут развевающийся шарф. Масштаб изображения этой второй фигуры значительно больше по сравнению с фигурой стрелка из лука. Надо полагать, здесь был изображен или царь, или какое-нибудь божество.

Сюжет росписи относится к числу распространеннейших в искусстве Ирана: борьба человека или мифического героя с чудовищем отражает дуалистическую идеологию, представления о вечной борьбе доброго и злого начала.

По целому ряду признаков — изображения слона и грифона, характер рисунка и, наконец, общее стилистическое сходство — роспись Варахши сближается с опубликованной А. Штейном стеной живописью храмов в Миране близ Лоб-нора, датируемой им. кушанским временем.¹ В то же время большая зависимость живописи Мирана от эллинистического искусства Греко-Бактрии и Гандхары по сравнению с варахшской заставляет отнести последнюю к несколько более позднему времени.²

Рядом с помещением, на стенах которого обнаружены описанные росписи, нами было раскопано еще одно небольшое помещение. Западная и восточная стены этого помещения не имеют никакой облицовки, оставая открытой прекрасно сохранившуюся кладку из сырцового кирпича. Южная стена оштукатурена глиной с саманом. По этой штукатурке процарапан пальцами простой узор в виде „елочек“. Вдоль трех стен идет широкая лежанка, повышающаяся уступом на южной стороне. Северной стены, так же как и в предыдущем помещении, нет; вместо нее — позднейшая грубая закладка из сырцового кирпича. Помещение было забито утрамбованной глиной.

Севернее этого помещения вскрыто еще одно большое помещение, пол которого выложен сырцовым кирпичом, обмазанным сверху глиной. Относительно хорошо сохранившаяся южная стена сложена частично из крупного жженого, частично из сырцового кирпича. Рядом раскопана часть еще одного помещения. Пол этого помещения выложен жженым кирпичом. В полу была обнаружена небольшая яма, внутри которой было найдено несколько кусков очень интересных терракотовых плит с изображениями (рис. 8).

Характер кладки стен этих последних двух помещений и употребление плиточного кирпича в кладке стен и для настилки полов резко отличает их от помещений, описанных выше, и заставляет думать, что в них мы имеем остатки позднейшего здания.

Кроме описанных раскопок, нами была сделана еще небольшая разведка в северо-западной части дворцового комплекса, давшая нам еще

¹ Serindia, т. I, стр. 492 и сл.; т. III, стр. 1390—1391.

² Кроме упомянутых росписей Мирана, известно очень много буддийских росписей в Восточном Туркестане и Бамиане (см. труды С. Ф. Ольденбурга, Грюнведела, Штейна, Лекока, Годара, Хаккена и др.). Интересные образцы росписи I в. н. э. обнаружены в Куш-Ходжа, в Сеистане (A. Stein. Innermost Asia. Oxford, 1928, т. II, стр. 909 и сл.), позднее исследованные и описанные Херцфельдом (Archaeological History of Iran. London, 1935, стр. 68 и сл.). К сожалению, публикация этого памятника, так же как и интересной мемориальной сасанидской живописи в Духтари-Нуширван (A. Godard, Y. Godard, G. Hackin. Les antiquités bouddhiques de Bamiyan. Paris et Bruxelles, 1928, стр. 74), недостаточна для того, чтобы можно было судить об их характере. В самом Иране росписей обнаружено не было. В Средней Азии пока были открыты два памятника живописи: кусок стеной росписи с городища Афрасиаб, копия которого хранится в Гос. Эрмитаже, и фрагмент согдийского щита из замка на горе Муг, с изображением всадника.

несколько фрагментов резного штука, сходного с предыдущим, и кусков глиняной штукатурки с остатками росписи. Из последних обращает на себя внимание один фрагмент, на котором хорошо сохранилась позолота.

В результате раскопочных работ, производившихся на территории дворца, можно считать установленным, что здесь мы имеем остатки зданий двух периодов. От новейшего здания, быть может того самого дворца, который выстроил, по сообщению Наршахи, один из послед-

них бухар-худатов, осталось очень мало, хотя именно к нему мы склонны отнести большие помещения, раскопанные нами на северной стороне развалин. Этот дворец, как известно, был разрушен по распоряжению одного из саманидов, приказавшего использовать деревянные части здания для постройки своего дворца в Бухаре. Таким образом, это здание было разрушено. Остальное закончил ветер, в течение тысячелетия развеявший разваленные остатки стен. Раскапывавшееся нами помещение с росписями никак не могло быть этим зданием, так как забивка утрамбованной глиной свидетельствует не о разрушении, а о перестройке, о возведении нового здания на развалинах старого.

Таким образом, возведение этих помещений не может относиться к VII в., а должно было быть значительно раньше.

Как я уже упомянул, по характеру сырцового кирпича и кладки помещения, заполненные фрагментами штука, были построены приблизительно в одно время с по-

Рис. 8. Варахша. Фрагмент терракотовой плиты с изображением.

мещением с росписью. Эта одновременность может быть признана пока только еще весьма относительной, поскольку наши работы прямых указаний на это не дают.

С другой стороны, наличие фрагментов штука двух различных, резко отличающихся стилей свидетельствует о длительном существовании того здания, которое было им украшено, и о большом ремонте, произведенном в нем.

Принимая во внимание весьма недостаточные археологические материалы, которые нам дали раскопки, а также данные стилистического анализа и сличения как остатков резного штука, так и стеновых росписей с более или

менее надежно датированными памятниками Восточного Туркестана, Гандхары и Бамиана, а также Ирана и Месопотамии, мы склонны ориентировочно датировать открытые нами памятники III—IV вв., т. е. тем периодом, когда после распада государства великих кушанов должны были приобрести значение династии местных владетелей, к которым, надо полагать, относился также и род бухар-худатов. На древность этого рода указывает Наршахи, а по китайским известиям, и один из бухар-худатов, сообщавший в 626 г., что его семья царствует уже в двадцать втором поколении, т. е. что начало правления династии должно было приблизительно соответствовать указанной нами дате.

Конечно, все попытки установить более или менее определенную дату нужно считать пока только лишь предварительными. Памятники декоративного искусства, обнаруженные в Варахше, пока еще не имеют близких аналогий и открывают новую страницу в наших знаниях о культуре и искусстве древних поселений долины Зарафшана.

В. А. Шишкин

II. ДОКЛАДЫ НА ЗАСЕДАНИИ СЕКТОРОВ ИИМК

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЖИЛИЩА В БУРЕТИ

(по раскопкам 1936—1940 гг.)

(Доклад, прочитанный в секторе палеолита и неолита 3 III 1941)

В 1936 г., спустя восемь лет после открытия на р. Белой, левобережном притоке Ангары, Мальтинской стоянки, было обнаружено второе поселение того же времени и типа уже в самой Ангарской долине, около села Буреть.¹ Исследования палеолитического поселения в Бурети, начатые разведкой 1936 г., продолжались в следующем 1937 г., а затем в 1939 и 1940 гг. (на средства Иркутского музея при поддержке ИИМК и местного Краеведческого общества б. ВСОРГО).²

Эти работы дали обширный и разнообразный палеонтологический и археологический материал, во всем существенном сходный с мальтинским, но вместе с тем во многом дополняющий наши представления о культуре того времени.

Особенно интересны и важны для понимания наиболее древней культуры в северной Азии материалы из раскопок в Бурети, раскрывающие характер этого поселения в целом и структуру отдельных жилищ, из которых оно состояло.

С самого начала, в соответствии с разработанной советскими исследователями методикой изучения палеолитических „стоянок“ открытого типа, работы в Бурети имели основной целью проследить и точно фиксировать расположение культурных остатков в их взаимной связи.

Работы 1937 г. намеренно были ограничены предварительным обследованием места находок 1936 г. и прилегающей территории, причем было заложено более сорока шурфов (почвенных выемок до уровня культурного слоя). Шурфы позволили точнее проследить распространение культурных отложений и наметить в общих чертах границы поселения, а в соответствии с этим был выработан и общий план раскопок на ближайшие годы. Охватить раскопками сразу всю площадь поселения не было возможности: она была слишком велика для этого. Нужно было наметить для первоочередного исследования определенную часть этой площади. Как показало

¹ А. П. Окладников. Буреть, новая палеолитическая стоянка на Ангаре. Сов. Археол. V, стр. 290—293.

² Он же. Палеолитические находки в Бурети (1936 и 1937 гг.). Бюлл. Комиссии по изуч. четвертичн. периода, № 6—7. Итоги работ второго пленума Комиссии ископаемого человека Советской секции МАИЧП (INQUA), М.—Л., 1940, стр. 119.— Он же. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья (к исследованиям в Бурети 1936—1939 гг.). Краткие сообщ. ИИМК АН СССР, 1940, V, стр. 59—62.

обследование территории, занятой поселением, наиболее богатые и интересные материалы должны были дать раскопки той части поселения, которая располагалась в его середине, по направлению к долине Сухого ручья (от раскопа 1936 г.).

Здесь были обнаружены бивни мамонта, рога северного оленя, а также плиты известняка, показывавшие, что центральная часть поселка и средоточие его жизни действительно помещались в этом участке. Но было бы рискованно начать исследования именно с центральной части поселка; нужно было, напротив, подойти к ней, уже накопив известный опыт в изучении особенностей данного памятника. Поэтому раскопки 1939 г. ограничились периферией поселения; они были начаты у самого нижнего конца площади стоянки (по направлению к Сухой пади и Ангаре), где еще шурфами 1937 г. удалось проследить две больших плиты известняка и отдельные отщепы. По всем данным, что впоследствии и подтвердилось, они должны были принадлежать другому комплексу, самостоятельному по отношению к центру и потому вполне удобному для раскопки, как особый объект исследования.

В 1940 г. раскопками была охвачена уже центральная часть стоянки, заключенная между большим раскопом 1939 г. и малым 1936 г. Таким образом, все три раскопа оказались соединенными вместе, и в результате была вскрыта большая часть площади, заключающей по данным предварительного обследования 1937 г. культурные остатки (рис. 9). Не исследованным остался только небольшой участок по склону от раскопок 1936 и 1940 гг., где в шурфах изредка встречались обработанные камни (грубые отщепы, преимущественно из кварцита).

Оказалось, что культурные остатки действительно группируются здесь определенным и вполне закономерным образом — крупными скоплениями, довольно резко ограниченными в своем распространении „пятнами“.

Первое такое скопление было обнаружено и зачищено в 1936 г. Оно находилось на восточном краю поселения, выше всех остальных, и сильно пострадало от размыва, которым в этом участке была особенно затронута терраса.

Как уже отмечалось, культурные остатки, найденные в 1936 г. в скоплении № 1, были немногочисленны, но группировались характерным образом, будучи как бы обрезанными по контуру. Здесь удалось найти рога северного оленя, остатки двух черепов джигетая, спинные позвонки крупного животного, лежавшие в анатомической связи, и под ними — статуэтку из бивня мамонта. Тут же находились типичные верхнепалеолитические орудия из камня, сходные с мальтинскими. Размывом была уничтожена, повидимому не меньше чем на половину, нижняя часть комплекса, так что статуэтка должна была находиться примерно в центре всего скопления. Вместе с костями животных были найдены сопровождавшие их плиты известняка. Общая площадь уцелевшей части скопления 12 кв. м.

Скопление № 2, раскрытое раскопками 1940 г., находилось рядом с описанным, в 4 м от него вниз по склону и по направлению к Сухой пади.

Скопление № 3, помещалось в непосредственной близости ко второму еще ниже по склону, на расстоянии всего каких-нибудь 1—1.5 м от него. Наконец, скопление № 4 найдено было в 1939 г. ниже всех остальных, близ третьего.

Все четыре отмеченных скопления культурных остатков располагались, следовательно, в ближайшем соседстве друг с другом и в тесной взаимной связи.

Они следовали друг за другом по одной прямой, вдоль террасы, соответствовавшей когда-то древнему берегу. Как показали раскопки 1936—1940 гг., это были остатки четырех отдельных жилищ, составлявших небольшой поселок, расположенный вдоль берега Ангары, сейчас значительно отступившей к югу и образовавшей еще три террасы: пойменную и две надпойменных (4- и 6-метровые).

Одновременность существования всех четырех жилищ определяется прежде всего общностью фауны и тождеством инвентаря, а затем стратиграфическими условиями. Культурные остатки связаны с одним и тем же лёссовидным суглинком, перекрытым сверху черным гумусным горизонтом, в котором изредка встречаются следы неолитической культуры в виде отщепов и черепков глиняной посуды.

Культурные остатки, найденные в скоплении № 4, соответствующие самому нижнему жилищу, оказались несколько многочисленнее и богаче, чем в первом. Но, как и первое скопление, оно тоже сильно пострадало. В отличие от первого скопления в нем уцелел очаг, представлявший собою небольшое углубление, заполненное зольной массой зеленовато-серого цвета с примесью мелких кремешков, красной охры и мельчайших древесных угольков. Вблизи очага помещалась статуэтка женщины, вырезанная из бивня мамонта, разрозненные изделия из кремня и единичные кости. Основная же масса культурных остатков залегала ниже по склону. Здесь были большие каменные плиты, само положение которых явно свидетельствует, что они двигались вниз по склону, медленно оплывая вместе с массой лёссовидного суглинка, в которой были заключены. Замечательно, что под самой крупной плитой (дл. 1 м, шир. 0.7 м) находился обломок бедра мамонта с уцелевшим верхним эпифизом. Несколько выше уцелел в неприкосновенности большой „кусок“ разрушенного комплекса. Он состоял из рогов северного оленя, расположенных характерным образом, так же как в других скоплениях, „наперекрест“, а рядом с ними лежали бусы из камня, подвески из рога, шило из мамонтовой кости и обработанные кремни.

Совершенно такая же картина неравномерного движения остатков комплекса наблюдается, кстати, при оплывании и неолитических погребений на Ангаре. Размыв в скоплении № 1, сползание вниз по склону в скоплении № 4 сильно нарушили, таким образом, первоначальную картину расположения культурных остатков. Тем не менее ясно, что это были самостоятельные комплексы.

Хорошо видны и некоторые общие для них структурные черты. Так, уже с самого начала обращали на себя внимание рога северного оленя, как наиболее многочисленные, явно преобладающие на поселении остатки. Нельзя было не заметить и постоянного сочетания костей с камнями, с более или менее крупными плитами местного известняка. Особенно интересно, что рога оленя и здесь почти всегда налегали один на другой, перекрещиваясь друг с другом. Существенна была и находка бедра мамонта под большой плитой.

Значение этих деталей стало ясным, однако, когда была раскопана центральная часть поселения с находившимися в ней остатками жилищ №№ 2 и 3.

Скопление № 3, как оказалось при раскопках 1940 г., было отчасти затронуто работами 1939 г., когда на крайних внизу с восточной стороны раскопа квадратах были обнаружены зубы носорога, фрагменты рогов северного оленя, камни и обломки нефритоподобной породы темнозеленого цвета. Уже тогда показалось необычным, по сравнению со скудостью находок на всей остальной площади раскопа, прослеженное здесь отно-

сительное обилие рогов северного оленя. В 1940 г. выяснилось, что это была лишь незначительная часть многочисленных культурных остатков, принадлежавших другому, соседнему с четвертым скоплением, т. е. комплексу № 3, и сплывших с него вниз по склону. Комплекс № 3, когда была снята вся покрывавшая его сверху масса земли и суглинка и зачищена поверхность, представлял большую грудку костей, расположенных на первый взгляд в хаотическом беспорядке, как бы в виде огромной кучи кухонных отбросов. Здесь были и относительно мелкие обломки костей и крупные массивные кости, в том числе целые черепа и нижние челюсти носорога, рога первобытного быка. Кроме костей, там же оказались плиты известняка. Больше же всего было рогов северного оленя, причудливо перепутанных, перекрещенных своими длинными стержнями и отростками.

При внимательном изучении во всей этой грудке костей и камней, оказался, однако, определенный и вполне отчетливый порядок.

Как уже отмечалось, она была очень компактной и имела четкие контуры, будучи резко отграниченной от окружавшего ее „пустого“ пространства. Наиболее определенными эти границы были в верхней по склону части комплекса. В нижней же его части они были несколько нарушены сползанием, причем кости здесь как бы осели и провисли по крутому склону древней впадины. Выше кости располагались почти на одной горизонтальной плоскости, которая затем снова круто поднималась вверх, окаймляя, как стеной, скопление с восточной и в особенности северо-восточной стороны. С этой же стороны скопление костей было ограждено большими плитами известняка, поставленными на ребро, стоямя. Три плиты стояли рядом друг с другом, по одной линии, плотно соприкасаясь боковыми гранями впритык. Снаружи к ним прилегали ребра мамонта и четвертая массивная плита известняка.

К этой, восточной, „стенке“ под прямым углом примыкала другая, северная, выраженная, впрочем, не столь хорошо. Это были: массивная плита, вплотную примыкавшая к восточной стенке, но расположенная перпендикулярно ей, голень и рог быка, ниже которых лежала довольно тонкая каменная плитка, и целый череп носорога.

Несколько далее по той же линии находились каменные плиты и поставленное почти вертикально, нижним эпифизом вниз, бедро мамонта. Эта последняя группа камней и костей была, повидимому, самостоятельной и лишь примыкала к описываемому обширному комплексу.

С юга к северной стенке примыкали еще три больших плиты известняка. Две плиты лежали рядом, слегка наклонно, почти плашмя и притом так, что края одной заходили за другую. Первоначально эти плиты, повидимому, стояли таким же образом, как и отмеченные выше плиты северной стенки. Внутри скопления около плит помещалось несколько целых черепов носорога и остальные кости животных.

Таким образом, занимавшее ровную горизонтальную площадку скопление костей животных было с трех сторон ограждено стеной из плит. Вероятно, в состав стен входили и все черепа носорога. По крайней мере, в этом нельзя сомневаться по отношению к черепу, лежавшему на северной границе комплекса. Остальные же черепа могли упасть и сползти ближе к середине скопления в последующее время.

Перед нами, следовательно, была не грудка кухонных отбросов, а остатки довольно сложного и крупного сооружения, основным строительным материалом для которого послужили камни и кости животных.

О назначении этой постройки ясно свидетельствует очаг, совершенно аналогичный найденному в 1939 г. посреди комплекса № 4. Это было жилище.

Особенно интересно, в связи с этим, назначение и происхождение сплошной груды костей, заполнявших середину комплекса № 3. Она перекрывала очажную яму и рассеянные около нее изделия. Пол жилища был, следовательно, под ними. Но жить на полу, сплошь усеянном крупными и острыми обломками костей, вряд ли было удобно. Остается только предположить, что перед нами не что иное, как остатки крыши разрушенного жилища.

По своей структуре описанное жилище в принципе совершенно сходно с остальными двумя жилищами, исследованными в 1936 и 1939 гг., остатки которых сохранились значительно хуже. Так же как жилище № 3, последние (№№ 1 и 4) имели ровный пол, а внутреннее пространство их содержало множество костей животных и больше всего рогов северного оленя. Планомерность исследования и точная фиксация в процессе раскопок остатков жилых сооружений, найденных в Бурети, позволяют теперь полнее представить общий характер жилищ этого рода и их устройство.

Первоначально это были, очевидно, прочные надземные сооружения, огражденные у основания стенками из каменных плит, поставленных на ребро, а также больших костей, в том числе, как мы видели, черепов носорога. В основании жилища чаще приближались по своей форме, очевидно, к овалу. Размер их был относительно невелик. Судя по скоплению № 3, сохранившемуся лучше всех остальных, площадь их не превышала 25 кв. м. В состав крыши входили также кости животных, в особенности оленьи рога.

Исследование комплекса № 2 дало еще более интересные результаты (рис. 10).

Первое, что обратило на себя внимание сразу же после снятия покровных пластов земли и суглинка, были симметрично расположенные вдоль края скопления по одной прямой линии, головки бедренных костей мамонта. В дальнейшем оказалось, что здесь лежали три бедренных кости мамонта. Они были расположены слегка наклонно вниз по склону, строго параллельно и с равными интервалами. Концы костей, обращенные вниз по склону, были разбиты, верхние же эпифизы их оказались совершенно целыми. Кроме такого правильного и симметричного расположения, самой замечательной особенностью этих трубчатых костей оказалось то, что они сопровождалась каменными плитами. Плиты ограждали с боков и как бы зажимали уцелевшие верхние эпифизы костей, мешая им тем самым сдвинуться в сторону. Это были специально устроенные крепления, имевшие целью удержать трубчатые кости в определенном положении.

В дальнейшем оказалось, что отмеченные три бедра мамонтов не были изолированы. Рядом с бедром № 3, крайним из трех, образовавших северный ряд, лежал большой обломок плечевой кости мамонта. Он относился к небольшому соседнему углублению, которое оказалось заполненным костями животных и камнями. В середине углубления наклонно торчала трубчатая кость мамонта, обломком которой и был кусок плечевой кости мамонта, найденный рядом с бедром № 3. У нижнего конца кости, в углублении, находились плотно зажимавшие его плитки известняка. Рядом обнаружены ребро мамонта и крупный обломок широкой лопасти оленьего рога.

Остатки таких же бедренных костей мамонта, окаймлявших с определенными интервалами весь комплекс снаружи, вдоль его внешней стороны, были прослежены и дальше, в количестве трех. Как и все остальные, они сопровождалась каменными плитами. Вдоль южной стороны лежали разделенные определенными интервалами обломки больших

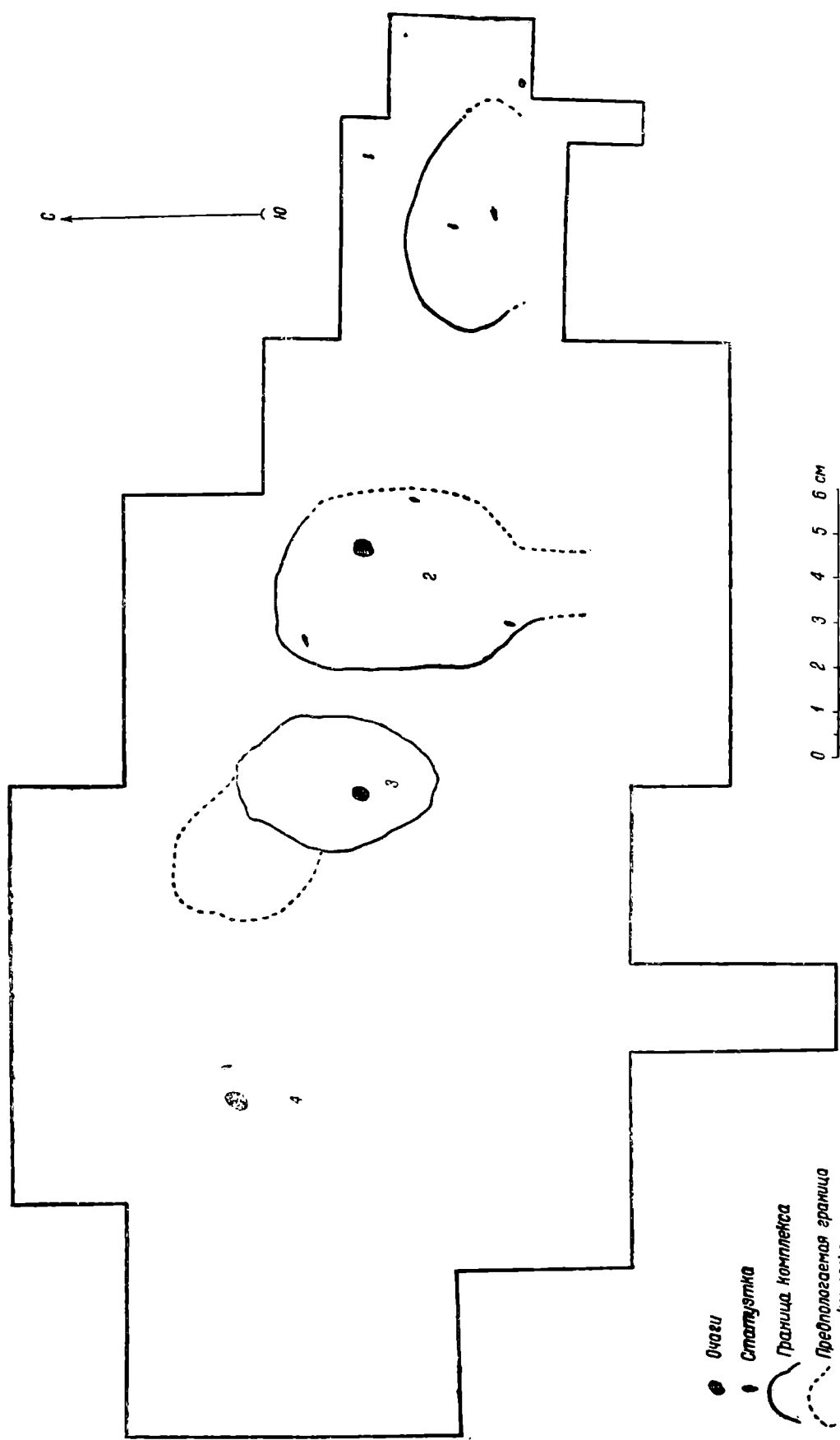

Рис. 9. План раскопанной части поселения Буреть.

трубчатых костей и плиты. Они сохранились здесь хуже, так как вниз по склону сильнее сказались размыв и сползание суглинка, но это несколько не повлияло на их расположение, показывающее, что здесь, повидимому, помещался выход.

Дальше, вдоль восточного края комплекса, лежала часть черепа мамонта и затем, в двух местах, снова помещались трубчатые кости мамонта, сопровождаемые плитами.

Рядом с тремя бедренными костями, окаймлявшими комплекс сверху, т. е. с севера, лежал ориентированный таким же образом, как они, череп носорога. Этот череп носорога и часть черепа мамонта, очевидно, имели то же назначение, что и бедренные кости мамонта.

Все это, несомненно, остатки основного костяка, „столбов“, древнего жилища, на которые опиралась кровля.

Трудно сказать, конечно, как именно были устроены столбы жилища № 2 в Бурети. Первое впечатление от северного ряда бедренных костей мамонта было таким, что их можно было принять не за столбы в собственном смысле этого слова, а скорее за „упоры“ или своего рода контрфорсы, на которых держались настоящие деревянные столбы, чтобы они не могли скользить вниз по склону.

Следует, однако, считаться и с тем, что в процессе разрушения жилища его стены и столбы, находившиеся вверху по склону, должны были упасть вниз. В таком случае, оставаясь плотно закрепленными одним концом в яме, другим, верхним концом эти бедренные кости должны были описать дугу около 60° и оказаться именно в том положении, которое и было зафиксировано раскопками. Первоначально же они должны были служить столбами. Возможно также, что бедренные кости мамонта служили лишь нижней частью столбов, к которой были прикреплены относительно тонкие, но более длинные деревянные части.

Во всяком случае ясно, что в Бурети раскопками 1940 г. четко прослежена определенная система столбов палеолитического жилища.

По своему характеру полуподземное жилище № 2, таким образом, отлично от всех остальных, остававшихся надземными и не имевших ограждения из столбов. Оно вообще имело более монументальный характер и потребовало больше труда для своего сооружения.

Впрочем, и в остальных жилищах наблюдались сходные черты устройства, одни и те же в основе архитектурные элементы, но выраженные не столь определенно, не в такой законченной форме. В остатках № 4 под большой плитой лежала бедренная кость мамонта, которая могла служить „столбом“. Настоящий „столб“ найден был и в северо-западном углу жилища № 3. Жилища №№ 1 и 3 тоже, повидимому, были связаны с небольшими углублениями.

Отмеченные для жилища № 2 ряды столбов ограждали, как показано выше, внутреннее углубленное пространство, на дне которого находились различные предметы домашнего обихода и, повидимому, остатки очажка.

Такие факты в палеолите Сибири наблюдаются впервые, но для верхнего палеолита вообще они вполне закономерны, так как применение кости в качестве строительного материала отмечалось не раз. В Пжедмосте, Гонцах, Чулатове, Елисеевичах встречались, например, вертикально поставленные кости мамонта, находившиеся должно быть в какой-то конструктивной связи с жилыми постройками. В Пжедмосте лопатками мамонта были обставлены стены ямы, вырытой в лёссе. В Гонцах 30 лопаток и черепа мамонта были расставлены по краям большого скопления костей, соответствовавшего в плане древнему жи-

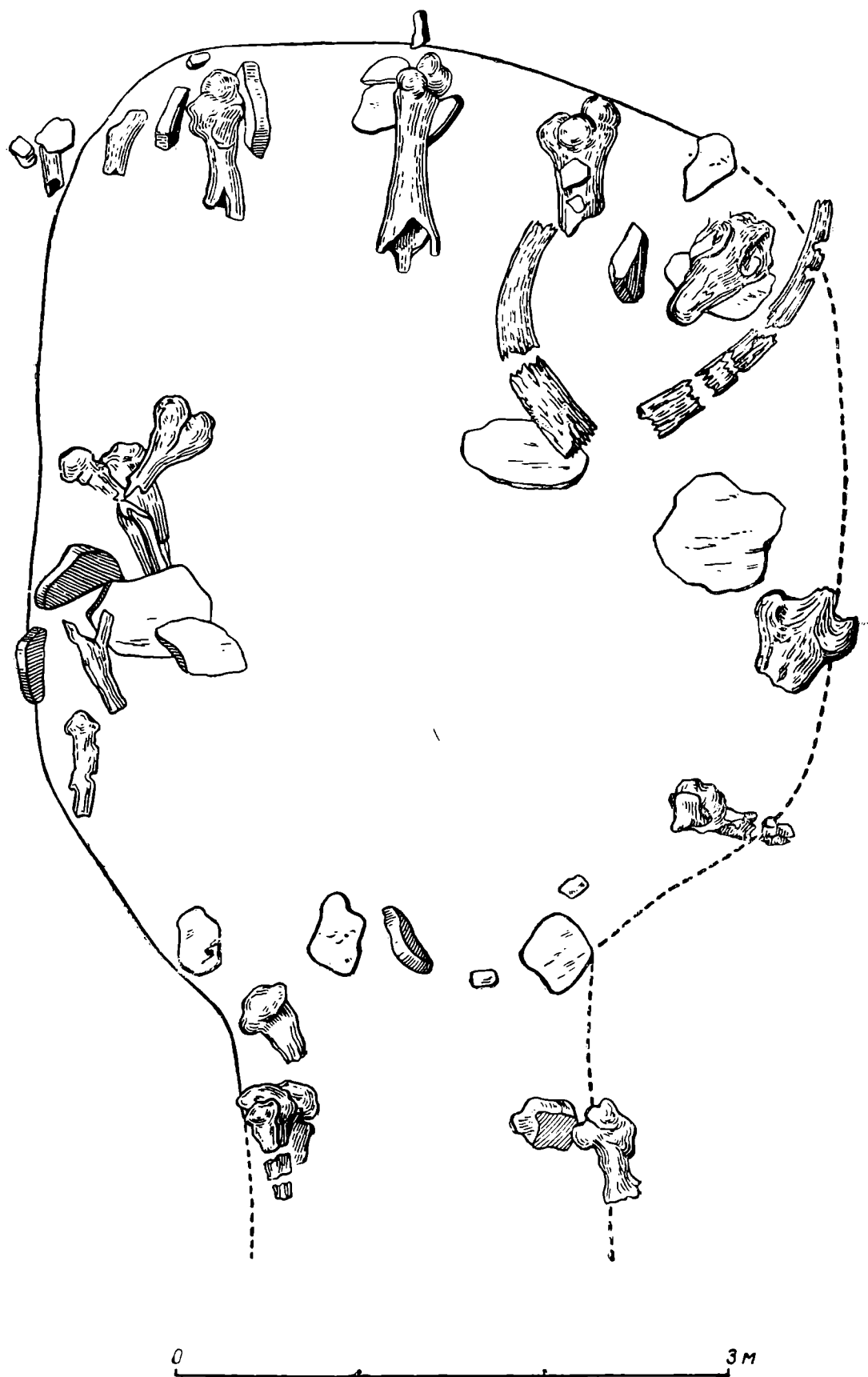

Рис. 10. Буреть. План жилища № 2.

лищу. В Елисеевичах лопатки мамонта оказались расставленными таким же образом вдоль стен довольно длинного и узкого „хода“.¹ Неясно, однако, для чего эти лопатки были поставлены. Всего вероятнее, они могли служить опорой для рыхлых лёссовых стен, угрожавших обвалом.

Употребление же костей животных в качестве столбов или упоров для них, как это наблюдалось в Бурети, до сих пор как будто в других стоянках, даже и там, где найдены ямы для столбов (Ланг-Маннерсдорф), еще не отмечалось.

Не менее интересны для выяснения характера основных архитектурных элементов жилища № 2 в Бурети культурные остатки, помещавшиеся внутри жилища.

Так же как и в жилище № 3, здесь находилось много костей животных, в особенности рогов северного оленя. Рассматривая их как вероятные остатки упавшей крыши, можно и здесь найти некоторый порядок, обнаружить своего рода закономерность, позволяющую полнее понять архитектуру нашего палеолитического жилища. Прежде всего кости животных не громоздятся внутри жилищ кучей, как естественно было бы ожидать от скопления кухонных отбросов. Они рассеяны довольно равномерно по всей поверхности древнего пола.

Еще важнее, что среди них преобладают крупные рога северного оленя, совершенно непригодные в пищу и не имеющие в массе никаких следов обработки. Более того, подавляющее большинство этих рогов вообще не имело прямого отношения к охотничьему промыслу, так как у них сохраняются в нетронutom состоянии розетки с естественной поверхностью, которой они прикреплялись к черепу. Рога не были, таким образом, добыты людьми во время охоты на зверя, а попросту подобраны ими, после того как свалились сами собой, в процессе естественной ежегодной смены. Все эти рога могли служить только строительным материалом.

Выбор именно рогов северного оленя для сооружения кровли жилищ столь же понятен, как и употребление бедренных костей мамонта для устройства столбов или черепов носорога для той же цели, равно как и для укрепления стен вместе с плитами известняка. Рога северного оленя обладали необходимой длиной, а вместе с тем они были достаточно тонкими и эластичными. Кроме того, они имели и длинные боковые отростки, которые позволяли прочно соединять один роговой стержень с другим. По сравнению со всеми другими костями, имевшимися в распоряжении палеолитических строителей, рога северного оленя представляли поэтому наилучший материал для устройства прочной и легкой крыши.

Наблюдения над расположением рогов внутри жилищ позволяют также несколько детальнее восстановить конструкцию крыши. Уже в 1936 г., как сказано выше, было отмечено, что рога лежали не в полном беспорядке, а перекрещиваясь друг с другом. Та же своеобразная картина наблюдалась и позже при раскопках 1939 и 1940 гг., особенно выразительной она была в жилищах №№ 2 и 3. Правда, вообще все четыре комплекса являются лишь остатками древних жилых сооружений, при разрушении которых именно крыша должна была пострадать больше всех остальных частей. Кроме того, и эти два ком-

¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Л., 1938, стр. 380—381. — К. М. Поликарпович. Работы по палеолиту в Западной области. Сов. археол., V, стр. 287.

плекса были сильно искажены в результате последующего размыва и сползания. Но тем большего внимания заслуживает повторяющаяся, закономерная правильность в расположении рогов на ряде участков, В ряде случаев рога лежали перекрещиваясь под прямым углом, с определенными промежутками между стержнями и их отростками, в виде своего рода сетки. Естественно предположить основу крыши палеолитических жилищ в Бурети именно такой, т. е. в виде каркасной сетки из перекрещенных и взаимно скрепленных не только обмоткой, но и своими переплетающимися отростками рогов северного оленя.

Наиболее близкими к находкам в Бурети в этом отношении являются мальтинские. Судя по числу рогов с сохранившимися розетками, М. М. Герасимов полагает, что им были найдены в 1928—1932 гг. на Мальтинской стоянке остатки по крайней мере 407 северных оленей.¹ Такое количество остатков северного оленя показалось В. И. Громову „чрезмерно большим“, „по крайней мере в 10 раз больше нормального“. По его словам, „данные М. М. Герасимова заслуживают особого внимания, так как подобного явления не наблюдалось еще ни на одной стоянке (кроме Западной Европы), и, несомненно, требуют своего объяснения и подтверждения“. Даже на богатейшей по костным остаткам сибирской стоянке, Афонтовой Горе, писал В. И. Громов, ничего похожего не наблюдалось.²

Новые находки в Бурети, вообще значительно уступающей Мальте по количеству находок, однако, показывают, что подсчет М. М. Герасимова во всяком случае близок к действительности. Его материалы вызвали недоумение прежде всего потому, что вследствие технических затруднений раскопки в Мальте не могли быть поставлены достаточно широко и систематично, а своеобразная конструкция обнаруженных там остатков жилищ не была тогда выяснена во всех деталях и с необходимостью полнотой.

По мнению В. И. Громова, причиной такой небывалой концентрации костей северного оленя, как в Мальте, могла быть только „какая-либо специальная отсортировка“. Как можно заключить из раскопок в Бурети, эта специальная отсортировка костей, при которой выделялись именно рога, имела место на самом деле и была вызвана особой конструкцией палеолитических жилищ Мальты и Бурети. Нельзя не вспомнить далее, в качестве очень близкой аналогии тому, что наблюдалось в Бурети и Мальте, замечательных находок в Шуссенриде. Как известно, Фраас обнаружил там сравнительно небольшую яму (длиной 10—11 м), на дне которой вместе с костями других животных лежало множество рогов северного оленя. По подсчетам Фрааса, здесь были остатки, принадлежавшие не менее чем 400—500 особям северного оленя.

Груды костей, заполнявшие углубление древнего жилища в Шуссенриде, конечно, не были простыми кухонными отбросами. Не исключено, что они тоже в значительной своей части (особенно оленьи рога) первоначально были использованы в качестве строительного материала для крыши древней землянки.³

¹ М. М. Герасимов. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте. Палеолит СССР. Изв. ГАИМК, вып. 118, Л., 1935, стр. 101.

² В. И. Громов. Некоторые новые данные о фауне и геологии палеолита Восточной Европы и Сибири. Там же, стр. 250.

³ O. Fraas. Die neuesten Erfunde an der Schussenquelle bei Schussenried. Jahreshefte des Vereins für vaterländische Naturkunde in Württemberg. Jahrg. XXIII, 1867. — Он же. Note sur une station récemment découverte sous les sources de la Schoussen près de Schoussenried dans le royaume de Württemberg. Congrès Intern. d'Anthrop. et

Изложенные здесь краткие сведения не исчерпывают вновь добытого материала, но все же дают достаточно полное общее представление об остатках жилищ в Бурети.

До сих пор при раскопках палеолитических поселений в Сибири, да и не только в Сибири, мы имели дело обыкновенно лишь с полом жилища и заполнявшей его внутренность довольно „аморфной“ массой культурного слоя. В Бурети до нас, повидимому, впервые в относительно сохранном виде дошли остатки „столбов“, а вместе со столбами и кровля палеолитических жилых сооружений.

Чтобы полнее понять устройство и детальнее представить облик палеолитических жилищ, остатки которых обнаружены в Бурети, следует обратиться к сравнительному этнографическому материалу. У оседлых речных и приморских племен Азии и Северной Америки в недавнем прошлом повсеместно встречались прочные жилища типа землянок или полуземляных сооружений, во многом сходные с палеолитическими.¹ Наибольшую близость к описанным жилищам Бурети обнаруживают старинные жилища оседлых приморских племен в северо-восточной части Сибири и соседних областях американского континента — эскимосов и чукчей.

Это тоже постоянные и прочные постройки, в той или иной мере углубленные в землю, основным материалом для сооружения которых служат кости животных, а иногда и камни.

Наиболее древние из них относятся к так наз. пунукской стадии в развитии культуры оседлого приморского населения этой части Арктики, когда заметно увеличивается добыча китов, доставлявших обильный костный материал для построек подобного рода.² Но они существовали и значительно позже у эскимосов, коряков и чукчей. В XVII в. (1655 г.) известный русский землепроходец казак С. Дежнев сообщал, что на материке против островов Диомиды — Гвоздева имеются особого рода жилища: „становые тут у чукошь делано — что башни из кости китовой“.³

В 1732 г. служивый Иван Федоров к северу от мыса Чаплина нашел: „две юрты пустые, деланы в земле китовыми костями“, но уже „старые и разрытые“.⁴

В дальнейшем остатки таких же жилых построек неоднократно обнаруживались в приморских областях Арктики и другими путешественниками, в большинстве случаев тоже заброшенные, развалившиеся. В Америке центральные эскимосы прежде жили в зимних полуподземных домах „кармангах“ (qarmang), построенных из камня и китовых ребер и, кроме того, часто связанных с искусственным углублением. Китовые ребра употреблялись для сооружения каркаса крыши. Они располагались веером и так, что нижние концы их широко расходились по задним

d'Archéol. préhist. C., r. de IV-e session, Copenhagen, 1869. — П. П. Ефименко. Первобытное общество. Л., 1938, стр. 490—491.

¹ В. И. Иохельсон. Древние и современные подземные жилища племен северо-восточной Азии и северо-западной Америки. Ежегодн. Русск. антропол. общ. при СПб. унив., т. II, 1905—1907, СПб., 1908.

² А. М. Золотарев. Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии. Изв. Воронежск. Гос. пед. инст., т. IV, 1938, стр. 73—87. — Н. В. Коллинс. Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska, Smithsonian. Misc. Coll., т. 96, Washington, 1937. — O. Geist and F. Rainey. Archaeological Excavations at Kukulik, St. Lawrence Island, Alaska. Miscell. on Public. of the Univ. of Alaska, т. II, Washington, 1936.

³ Л. С. Берг. Известия о Беринговом проливе до Беринга и Кука. Зап. по гидрогр., т. II (XIII), вып. 2, 1919, стр. 91.

⁴ Первый поход русских к Америке. Зап. Гидрогр. департ., т. X, 1854, стр. 78—117.

стенам дома, а верхние сходились на естественной арке из большого ребра кита в передней части жилища. Сверху крышу обтягивали шкурами моржей, выкладывали мохом и дерном.

Иногда дома-карманги строились таким образом, что стены их возводились из китовых костей, сходящихся вверх и также покрытых сверху шкурами.¹

В. Г. Богоразу удалось собрать обстоятельные сведения о полуподземных жилищах на Чукотском полуострове, в которых, по словам чукчей, жили их собственные предки три поколения тому назад.

Жилища эти назывались валькар, т. е. „дома из челюстей кита“, в соответствии с материалом, из которого они были построены. Для устройства валькара выкапывалась яма и примыкавший к ней длинный входной туннель, который был глубже, чем собственно жилье. Им пользовались только зимой, летом же он наполнялся водой. Если в жилище обитали летом, то входили в него сверху через специальное отверстие в верхней части одной из стен, выдававшихся из ямы. Остов жилища устраивался из китовых костей, заменявших столбы, стропила и балки. Столбы укреплялись камнями, а сверху весь остов дома был покрыт травой и дерном.² Такое устройство имела одна старинная землянка, еще сохранявшаяся, но уже как дом для собраний, во время пребывания Богоразы в селении Нунигрен на Чукотском полуострове.

Задолго до Богоразы очень тщательное описание зимней чукотской юрты, называемой „ктайгит“ или „клеграт“, оставил старинный исследователь д-р Мерк в своем „Описании чукчей, их обычаев и образа жизни“ (*Beschreibung der Tschuktschei, von ihren Gebräuchen und Lebensart, aufgesetzt von G. Merk*).³ По словам Мерка, в чукотское земляное жилище ведет туннель. Стены последнего образованы из положенных друг на друга китовых позвонков, прикрытых сверху в виде потолка китовыми челюстями, лежащими поперек или наискось туннеля. Промежутки между ними заполнены китовыми ребрами и мелкими костями. Из этого туннеля непосредственно внутрь жилища идет другой, с низким потолком, где можно стоять только согнувшись.

Сама юрта всегда имеет четырехугольную в плане форму. Ширина и длина ее составляют 10—14 футов, а высота в середине около 8 футов и больше. Пол жилища углублен в землю на 5 футов, а сверх того над уровнем почвы по всем четырем стенам выкладывается земляная стена высотой до трех футов. Земляная насыпь, по словам Мерка, „переложена мелкими костями до самой поверхности, а между ними уложены еще позвонки, а у иных [землянок] и камни“. Кроме того, внутри ямы, вдоль всех ее четырех стен, поставлены стоймя китовые челюсти длиной до 7 футов, заменяющие столбы. Крыша землянки устроена следующим образом: на китовых костях, окружающих яму, в качестве столбов покоятся еще четыре китовых челюсти, уложенные параллельно друг другу от входа к задней стене. Поперек этих балок по всему потолку уложены китовые ребра. Поверх каркаса из ребер имеется дерновый покров. Снаружи крыша земляной юрты имеет вид купола; она „закруглена и возвышается над уровнем почвы на несколько футов“. Сбоку крыши находится входное отверстие, через которое можно

¹ Fr. Boas. The Central Eskimo. Report Bureau of Ethnol., Smithson. Inst., 1884—1885, Washington, 1888, стр. 547.

² W. Bogoras. The Chukchee, pt. I. Publication of the Jesup North Pacific Expedition, т. VII, Leiden, 1904, стр. 181.

³ См. Ю. Бронштейн и Н. Шнакенбург. Записки д-ра Мерка и Экспедиции Библинга — Сарычева 1785—1792 гг. Сов. Арктика, № 4, 1940 г.

проникнуть в землянку, спустившись вниз по лесенке, очевидно, в виде столба с зарубками. Внутри юрты, вдоль стен, по словам Мерка, были устроены нары из досок, опиравшиеся на китовые ребра, помещенные во всех четырех углах.

Сходство жилищ типа чукотского валькара с палеолитическими из Бурети и в особенности с жилищем № 2, как видно из приведенных описаний, поразительно. Оно простирается вплоть до деталей. И в том и в другом случае жилища углублены в землю, а основным строительным материалом являются кости и отчасти камни.

В жилищах Бурети, как и в чукотском валькаре, небольшое сравнительно углубление жилища нередко окружалось особой стенкой, сложенной из плит и костей, в особенности же из громоздких черепов носорогов, с успехом заменявших здесь позвонки китов. Очевидно именно поэтому в Бурети обнаружено больше всего черепов носорога (13!), в то время как черепа других животных очень редки.

Вокруг ямы жилища № 2 стояли такие же столбы из костей, материалом для которых вместо челюстей кита служили самые длинные и самые массивные кости из имевшихся в распоряжении жителей поселка — бедра мамонтов. Костяные подпорки жилья — „столбы“ — в чукотских валькарах подпирались камнями. То же самое имело место и в Бурети (рис. 11).

Яма жилища № 2 также имела сходную форму с ямами чукотских валькаров. Из нее, как и из глубины чукотского полуподземного жилища, вел короткий коридор наружу, к реке. В связи с этим интересно, что дома древних оседлых жителей морского побережья Сибири и мыса Ванкарем, как и у современных эскимосов, были обязательно ориентированы входом к воде, к морю.

Эластичному и легкому каркасу крыши из ребер кита на чукотском валькаре здесь вполне должна была соответствовать сетка из переплетенных и связанных ремнями оленьих рогов. Как и крыша валькара, верхушка палеолитического жилища должна была сверху иметь вид небольшого, слегка возвышающегося над уровнем почвы земляного холмика. Общие размеры этих жилищ являются близкими друг к другу.

Площадь валькара, по наблюдениям Мерка, была примерно 25 кв. м. Площадь жилища № 2 в Бурети достигала почти такого же размера.

Глубина западины-пола жилища № 2 была близка метру, высота „столбов“ (если они находились в вертикальном положении) тоже около метра. Следовательно, высота потолка и здесь не могла быть меньше чем 2—2.5 м.

Очень близок и характер поселения в целом. Как пишет Мерк, землянки чукчей „устраиваются всегда на возвышенном месте или на холме, по несколько штук рядом, а вблизи на тех же местах стоят их летние яранги. Зимних юрт всегда приходится одна на несколько летних яранг, так как в одной юрте собираются все родичи“.

В Бурети жилища также располагались рядом (рис. 11). Не исключено, что зимним жильем было только одно из них, № 2, а другие служили летними жилищами, как чукотские яранги. Возможно, тем не менее, что они тоже были зимними юртами, а летние жилища располагались поблизости. По крайней мере таким летним жилищам в виде легких шатров могли принадлежать отдельные кострища, обнаруженные в Мальте.

Сходство нашего палеолитического поселка с поселениями чукчей и эскимосов недавнего прошлого, несомненно, простиралось и дальше, в область бытового уклада. Существенным указанием на это могут

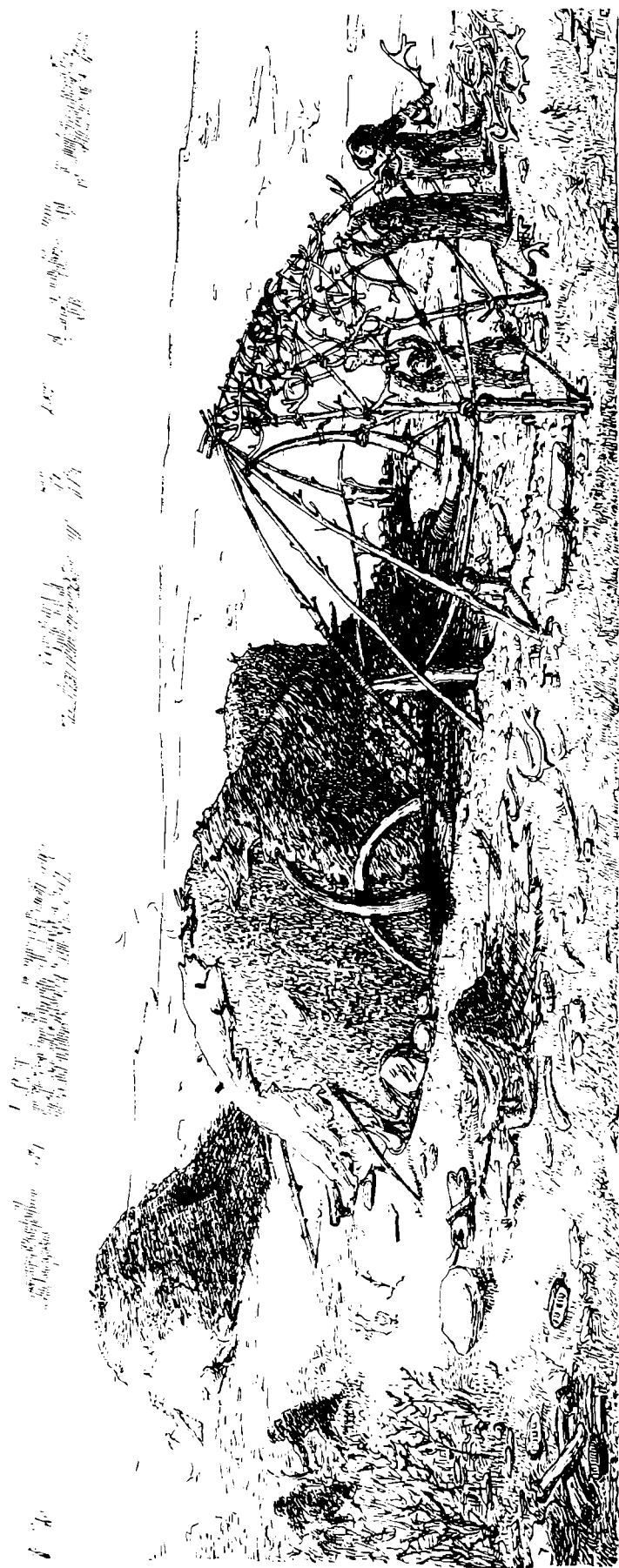

Рис. 11. Реконструкция палеолитического поселения Буреть (рис. В. Д. Запорожской).

служить находки, наравне с обычными, обнаженных и одетых женских статуэток, вроде обнаруженной в 1936 г. в Бурети, костюм которой по основным своим чертам напоминает чукотско-эскимосскую глухую одежду из шкур с откидным капюшоном на голове. Как и современные жители Арктики, обитатели палеолитического поселка в своих душных и густо заселенных земляных жилищах сидели полуобнаженными или совсем раздетыми, т. е. такими же, как их видели и изображали палеолитические художники. Только лишь выходя из жилья, навстречу пурге и ледяному ветру тундры, они надевали тяжелый меховой костюм, наглухо закрывавший все тело за исключением лица.

Сходство арктической чукотско-эскимосской культуры с культурой верхнего палеолита Сибири и Западной Европы, как известно, не исчерпывается совпадением в характере жилищ, поселений и домашнего бытового уклада. Оно охватывает хозяйство (охота), производственный и бытовой инвентарь (гарпуны, метательные доски, „выпрямители копий“ или орудия для разминания ремней, жировые лампы), наконец, искусство (реалистически трактованные изображения животных), религию (культ женского божества и связанные с ним изображения женщин из кости и дерева). Многие исследователи, от Бойд-Даукинса, Г. де-Мортилье и Э. Лартэ и до К. Расмуссена (1933), склонялись поэтому к предположению о наличии генетической связи между верхнепалеолитическим населением Запада и современными арктическими племенами, как прямыми потомками мадленцев, откочевавших на север вслед за стадами северных оленей, когда климат Европы изменился к лучшему.

В действительности это совсем не так. Как мне уже приходилось высказываться в докладе на Сессии ИАЭ АН СССР, посвященной памяти В. Г. Богораза, сходство эскимосской и верхнепалеолитической культуры Запада, даже сибирского раннего мадлена, судя по памятникам типа Мальты и Бурети, условно. Эскимосы и родственные им племена Арктики ушли далеко вперед по сравнению с мадленцами. Они давно уже знали гончарство, лук и стрелы, искусство шлифовать камень. В их культуре нет и признаков прямого наследия от западного палеолита. Поворотные гарпуны эскимосов, например, коренным образом отличаются от палеолитических, представляя в высшей степени сложный по структуре и своеобразный по форме инструмент.

Искусство эскимосов сближается с палеолитическим лишь отчасти. Древнейшие же образцы эскимосско-чукотского искусства на берингоморской стадии, для которых характерен совершенно особый и высоко-развитой, почти изощренный орнаментальный стиль, в корне отличны от палеолитических художественных изделий.

По своему происхождению древняя эскимосская культура связана не с Западом, а с Юго-востоком и не с палеолитом, а с неолитом. Она представляет лишь крайнее с севера звено тихоокеанских береговых культур, принадлежавших оседлым племенам, главным занятием которых служило рыболовство в сочетании с морским зверобойным промыслом. Основные элементы древней эскимосской культуры распространены в Тихоокеанской зоне очень широко. Таковы: 1) охота на морского зверя и рыболовный промысел в хозяйстве; 2) соответствующий специфический по форме инвентарь в виде гарпунов поворотного типа с втулкой и шипами в основании; сюда же входят своеобразные шиферные наконечники, не известные в Сибири и вообще к северу от Амура и Китайской стены; 3) постоянные поселения с землянками, как основным типом жилищ; 4) спиральный или криволинейный орнамент; 5) культ женских божеств-прародительниц и связанные с ними „тотемические“ представле-

ния о браке богини с собакой. Эти элементы известны с глубокой древности в Камчатке, на Амуре, Курильских и Японских островах (древнеаинская культура), в южном Китае и отчасти даже еще южнее, вплоть до Филиппин и Новой Зеландии.

Приморским племенам тихоокеанских областей нетрудно было приспособиться к условиям Крайнего севера, так как они издавна жили рыболовством и морским зверобойным промыслом, умели строить теплые земляные жилища, необходимые в условиях Арктики, и, наконец, были превосходными мореходами, которым легче было, двигаясь вдоль побережья, освоить далекий Север. Значительно труднее было сделать это пешим охотникам и рыболовам континентальных областей Азии и Америки, хотя некоторые ученые и полагали, что эскимосская культура континентального происхождения.

Отсюда следует, что известная близость палеолитической культуры Европы и Северной Азии к чукотско-эскимосской объясняется только сходством естественно-географических условий конца ледникового периода с ныне существующими на Крайнем севере, а также и общей близостью хозяйственных укладов.

Что касается, в частности, сходства поселений и жилищ, то здесь большое значение имела сравнительно обильная охотничья добыча и заготовки мяса на зиму, обусловившие возникновение первичной оседлости в наиболее удобных местах. Жестокие холода Арктики, когда даже звери и птицы зарываются глубоко в снег, чтобы не погибнуть, привели к сооружению прочных земляных жилищ. То же самое имело место и в глубине Сибири в конце ледникового периода.

Из-за отсутствия строевого леса как на арктическом побережье в современности, так и в Сибири палеолитического времени, людям в одинаковой степени приходилось прибегать к иным строительным материалам в виде камня и кости, тем более, что обилие костей, все равно, будь то кости убитых животных или сухие рога, сброшенные тысячами стадами оленей, само по себе наталкивало на мысль о применении их в качестве строительного сырья.

Именно в таких, сходных с современными арктическими, условиях возникла и развивалась оригинальная архитектура первобытных охотников Сибири, памятниками которой являются найденные в Бурети остатки жилищ раннемадленского времени, обнаруживающие поэтому закономерное сходство с жилищами арктических племен недавнего прошлого.

А. П. Окладников

К ВОПРОСУ О ГЕОЛОГИЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ СТОЯНКИ БУРЕТЬ

(Из полевых наблюдений 1939—1940 гг.)

I

Территория, с которой связана стоянка Буреть, находится в пределах Средне-Сибирской плоской возвышенности. Возвышенность отличается сильно уплощенными формами рельефа и представляет собой древний пенеплен, сильно расчлененный позднейшей эрозией (рис. 12).

Основной водной артерией, определяющей морфологию страны, является река Ангара. На участке течения от Иркутска до нижней Бурети Ангара принимает слева три крупных притока — реки Иркут,

Китой и Белую. В местах впадения этих рек образовались излучины Ангара, из которых самой большой является излучина близ устья Белой. Ангара, как бы прижатая мощной струей Белой к правому берегу, в течение длительного времени усиленно подмывала его. В результате этого здесь ярко выражена асимметричность поперечного профиля долины Ангара; террасы нижнего комплекса в районе правобережья плохо сохранились, а иногда и совсем отсутствуют. В высоких обрывах возвышенностей правого берега обнажаются коренные породы района. Это дает возможность с достаточной полнотой познакомиться с его геологическим строением. За районом Средне-Сибирской плоской возвышенности уже давно закрепилось название платформы или плиты, что говорит об общем спокойном залегании осадочных пород древних формаций и о глубоко опущенном жестком фундаменте кристаллических пород докембрия. Последние нигде не выходят на поверхность, и поэтому древнейшими образованиями, обнажающимися в обрывах по берегам Ангара и Белой, являются среднекембрийские серые доломитизированные известняки, лежащие почти горизонтально или образующие гигантские пологие складки северо-восточного простирания. Исключением является классическая пономаревская флексура, прорезанная поперек простирания Ангарой около деревни Пономарево.

Другой серией пород являются юрские песчаники и конгломераты, занимающие в нашем районе наиболее возвышенные участки на правобережье и сравнительно низко опускающиеся в левобережной части Ангара. По мощности они значительно меньше известняков и доломитов Ст.₂. Четвертичные аллювиальные, элювиальные, делювиальные и эоловые отложения венчают разрез сверху.

Несмотря на сравнительную простоту, геологическое строение оказывает заметное влияние на морфологию участка. Это проявляется прежде всего в специфических чертах развития долинной сети. Нагорное правобережье, отличающееся значительными абсолютными высотами, достигающими 500—530 м над уровнем моря, расчленено густой сетью сухих, лишенных постоянных водотоков, и действующих долин, отличающихся вполне зрелыми чертами и прорезывающих толщи пород на глубину до 100 м. Такие относительные высоты создают полную иллюзию горного ландшафта даже при необычайной выравненности и плосковерхости водораздельных пространств. Многие из долин правых притоков открываются в долину Ангара навстречу течения последней. Это находится в связи с тремя направлениями тектонических трещин в известняках Ст.₂. Наличие тех же известняков обуславливает появление карстовых форм, особенно в левобережной части. Это или единичные небольшие блюдцеобразные понижения поверхности, или крупные воронки, образовавшиеся на глазах человека, или ряд таких образований, группирующихся в цепочки; в отвесных обрывах известняков на Белой и Ангаре нередко карстовые пещеры.

Во всех случаях карстовые формы замаскированы позднейшими процессами образования и сползания элювиальных и делювиальных отложений.

В ландшафтном отношении участок относится к району иркутско-балаганских лесостепей, протягивающихся вдоль по долине Ангара от Иркутска до Балаганска.

Иркутско-балаганские лесостепи отличаются бедностью количества осадков, которых выпадает около 350 мм за год.

До сих пор сохранились участки сосновых лесов, окружающих лесостепи с запада и востока. Пятна чистых сосновых боров, занимаю-

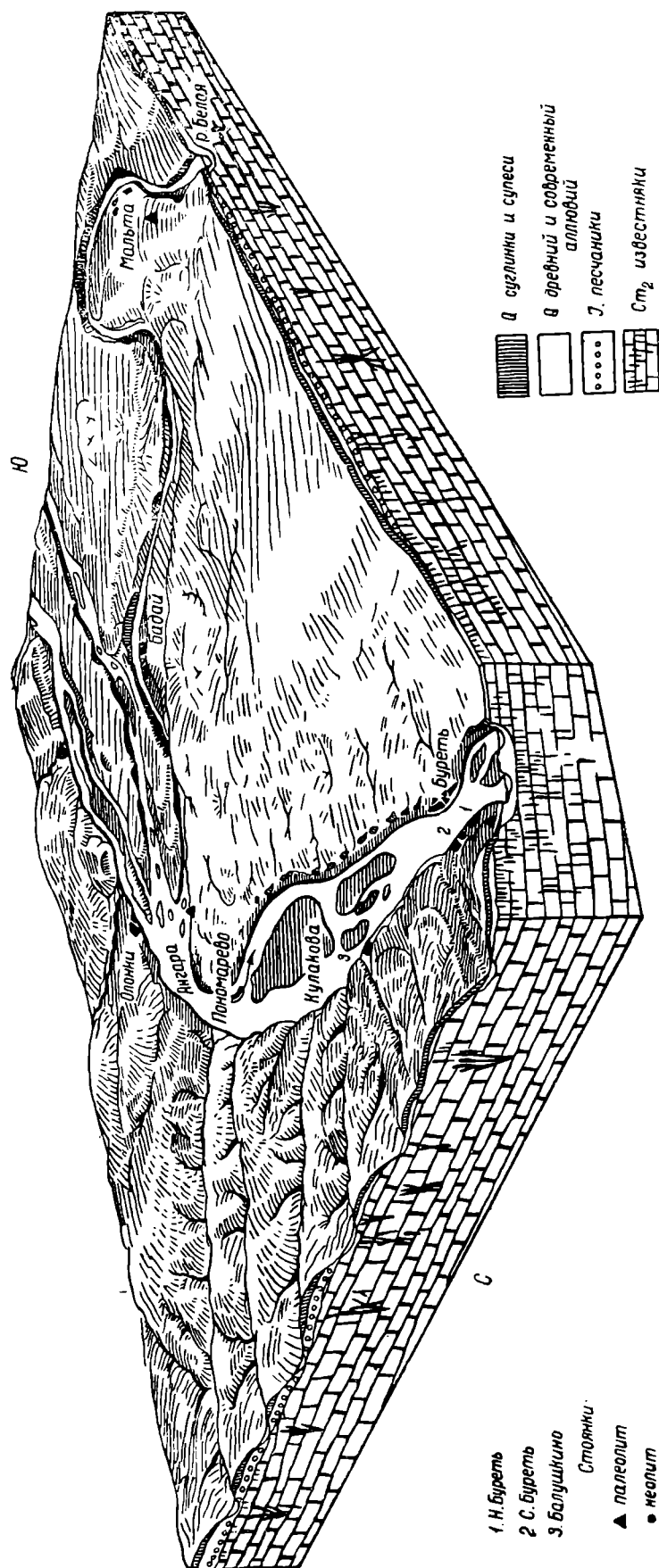

Рис. 12. Схема рельефа района устья р. Белой.

щих преимущественно возвышенные участки склонов междуречий, являющиеся характерным элементом ландшафта. Березовые насаждения играют подчиненную роль и сосредоточиваются в понижениях с достаточно увлажненной почвой, в местах старых лесных вырубок, как временные ассоциации.

В ясные летние дни с возвышенности правого берега открывается живописный вид на запад. Далеко на горизонте видны сверкающие на солнце гребни и пики Саян, подчеркнутые яркой лазурью сплошного моря тайги на их предгорьях, а долина Ангары — насколько хватает глаз — стелется под ногами человека пятнистым ковром полей, лугов, березовых и сосновых рощ. Возможность хорошего обзора горизонта с ближайших возвышенностей играла, вероятно, немаловажную роль в выборе места поселения древним человеком.

В конце бельской излучины Ангары, там, где река сменяет течение с северо-западного на западное, на правом берегу у подножия высоких террас расположились два поселка, отделенные друг от друга пространством около одного километра, — Средняя и Нижняя Буреть. Село Нижняя Буреть ограничено с запада долиной Сухой речки. Далее вниз по течению, по берегу Ангары, проходит узкий бечевник в искусственно сделанной выемке у подножия высоких террас. Долина Ангары здесь суживается, и от поселка Бархатовского река, устремляясь прямо на север, течет между обрывистыми и живописными склонами возвышенностей.

Место стоянки находится близ устья пади Сухая речка и расположено на пониженной до уровня 13—14 м поверхности 18—20 м террасы склона южной экспозиции долины Ангары. Общее положение стоянки определяется ее географическими координатами: $52^{\circ}59'25''$ с. ш. и $103^{\circ}28'27''$ в. д. от Гринича (рис. 14). От Иркутска до Нижней Бурети 120 км по Ангаре.

Для долины Ангары отмечен ряд речных террас, в некоторых работах их насчитывают до 14. В последней сводке Л. Г. Каманин признает наличие 9 террас.¹ Касаясь нашего района, Л. Г. Каманин говорит о почти полном отсутствии террас нижнего комплекса по правому берегу Ангары в районе с. Буреть. В работе А. П. Божинского мы находим отождествление ряда террасовых уровней, ранее считавшихся отдельными террасами, в одну террасу.²

При исследовании стоянки Буреть нам удалось выделить следующие террасы и их уровни: пойма Ангары 1.5—2 м, первая надпойменная 4 м, вторая 6—8 м, третья 18—20 м. Отмеченные рядом исследователей более высокие террасы устанавливаются с большим трудом, и из их числа нам удалось констатировать террасы уровня 50—55 м, 80—100 м, 120 м, соответствующие водораздельным пространствам между долинами правобережья (рис. 13).

Пойменная терраса в районе стоянки имеет незначительную ширину порядка 25—50 м, но хорошо выражена. Вверх по течению, у с. Н. Буреть и особенно между ним и Ср. Буретью, она значительно шире и обладает всеми морфологическими особенностями типичной поймы. Выделяется высокая прирусловая часть, центральная пойма, на которой расположены огороды, и притеррасная пониженная часть, где в течение всего лета сохраняются небольшие озера — остатки зимних половодий.

¹ Л. Г. Каманин. К геоморфологии Южного Приангарья. Тр. Инст. геогр. АН СССР, 1938, вып. 34, стр. 89—119.

² А. П. Божинский. К истории четвертичного периода Прииркутского участка долины Ангары. Бюлл. Моск. общ. испыт. природы, новая серия, отд. геол., т. XVII (6), Изд. Моск. Гос. ун-в., М., 1939, стр. 62—69.

Выше Ср. Бурети, а также ниже стоянки, пойма отсутствует. Типично развита пойменная терраса на ближайших островах и во многих местах

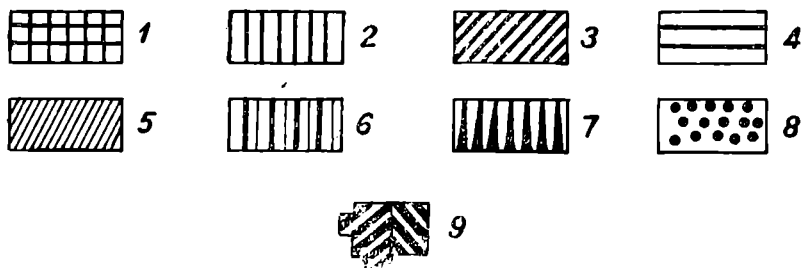
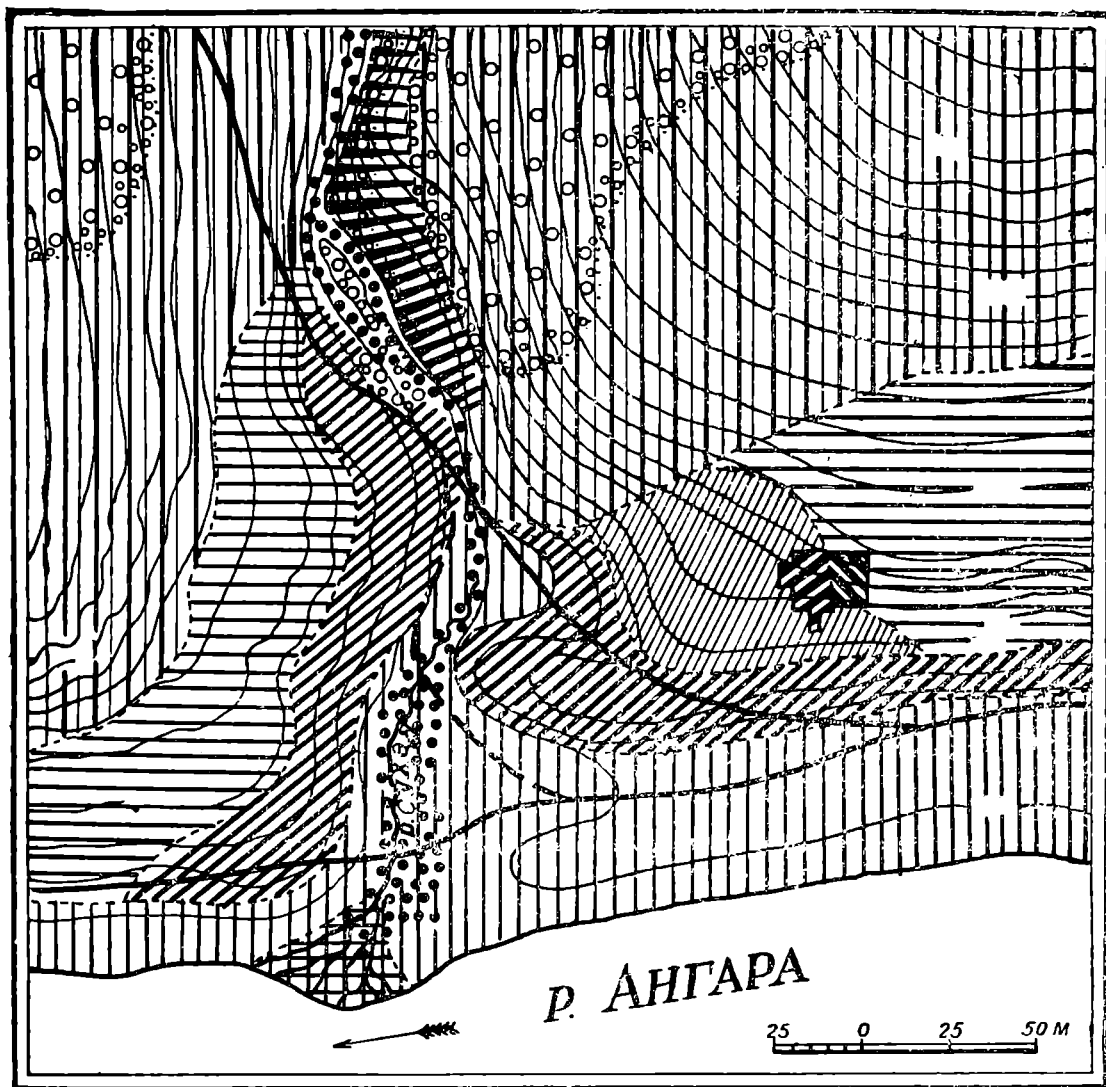

Рис. 13. Геоморфологическая карта стоянки Буреть и ее окрестностей.

1 — конус выноса; 2 — пойма; 3 — 6—8 м терраса; 4 — 18—20 м терраса; 5 — пониженная часть 18—20 м террасы; 6 — склон высоких террас; 7 — делювий; 8 — русло речки; 9 — раскоп 1939—1940 гг.

левобережья до устья р. Белой. Первая надпойменная терраса уровня 4 м близ стоянки не выражена, но хорошо выделяется у Ср. Бурети, где на ее поверхности расположена часть поселка, ближайшая к Н. Бурети.

Типично развита она на островах, где с нею связаны находки остатков культуры железного века (около X в. н. э.), и по левому берегу Ангары как против Н. Бурети, так и в других местах (устье Белой, пос. Бархатово).

Вторая 6—8 м терраса устанавливается как вблизи стоянки, так и в других пунктах. По правому и левому склонам долины Сухой речки она имеет от 5 до 10 м ширины по верхней площадке. Интересна часть ее, непосредственно относящаяся к месту стоянки. Отделяясь от следующей 18—20 м террасы ложбиной, по которой проходит дорога, она образует мысовидный выступ в сторону Сухой речки, тогда как к востоку сильно суживается и трудно отделима от более высоких террас, но существование ее и здесь несомненно, что подтверждается шурфами, заложенными с целью ее установления. Образование мысовидного выступа 6—8 м террасы нам кажется неслучайным. Такие мысовидные террасовые выступы, простирающиеся вниз по течению реки, обязаны отложению наносов во время половодий в прирусловой части и размыву притеррасного участка поймы, прилегающего к устью боковой долины, как в период половодий зимнего времени, так и при таянии снега весной.

Но это только начальная стадия процесса. В дальнейшем при оформлении поймы в надпойменную террасу зачаточная ложбина при возросших отметках террасы, с одной стороны, может получить дальнейшее развитие и углубление, с другой стороны — начнет заноситься делювием со склонов вышележащей террасы.

Вторая терраса хорошо развита на островах, по левому берегу у с. Буреть, в устье Белой, где с нею связана интересная стоянка с двумя культурными горизонтами позднего палеолита или раннего неолита.

Третья 18—20 м терраса имеет широкое распространение по всему району. Она характеризуется значительной шириной площадки, крутым склоном; в левобережной части в ее уступе обнажаются известняки среднего кембрия. Близ стоянки поверхность третьей террасы имеет ясный уклон к Ангаре и по верхней закраине трудно отделима от склона следующей более высокой 50—55 м террасы. Вполне возможно, что мы здесь имеем значительное накопление делювия, маскирующего границу террасы, возможно также, что это связано с распашкой склона, следы которой хорошо заметны. Бровка террасы сильно размыта, и продольный профиль ее очень неровен. Нигде не удалось обнаружить скального основания террасы, скрытого плащом аллювиальных и делювиальных отложений. В нижней части уступа террасы выделяется отмеченная выше 6—8 м терраса, а в крайней западной части раскопок поверхность 18—20 м террасы сильно понижена до уровня 13—14 м над Ангарой.

На правой стороне пади Сухая речка третья терраса устанавливается по отдельным обрывкам. Далее, вниз по течению Ангары ее уровню соответствует уступ на склоне высокой 80—100 м террасы. Вверх по Ангаре терраса особенно хорошо сохранилась между Н. и Ср. Буретью и продолжается далее до дер. Балушкино. Третья терраса является последней из террас нижнего комплекса, развитых в районе стоянки. Она сменяется 50—55 м террасой, относящейся к среднему комплексу. Так же как и более высокие 80—100 м и 120 м террасы, она отличается большой шириной площадки, почти идеально ровной поверхностью и, повидимому, значительной толщей древних аллювиальных отложений. На поверхности ее вблизи стоянки устанавливаются древние воронки и ложбины.

Заканчивая описание террас, нельзя не остановиться на характеристике в самых общих чертах рельефа долины Сухой речки. Как пока-

зывает само название, эта долина лишена постоянного водотока. Близ устьевой части она глубоко врезана в высокие террасы Ангары, крутые склоны которых в сочетании с узким днищем долины создают типичный V-образный профиль ее. Далее, вверх по долине, склоны сглаживаются, днище становится более широким и появляется 2—4 м терраса. В 3 км от Ангары, около тракта, долина приобретает хорошо разработанный профиль с двумя террасами на склонах (2—4 м, 12 м). Продольный профиль долины далек от нормальной кривой эрозии. Очень ровное и пологое падение ложа в верховьях сменяется более крутым в устьевой части, и профиль имеет выпуклый вид. Перелом профиля находится примерно в расстоянии 1—1.5 км от устья и начинается на высоте около 25—30 м над Ангарой. Отмеченные особенности, как оказывается, типичны для ряда других аналогичных долин района, и потому можно предположить наличие нового сравнительно недавнего врезания, что связано с историей главной долины.

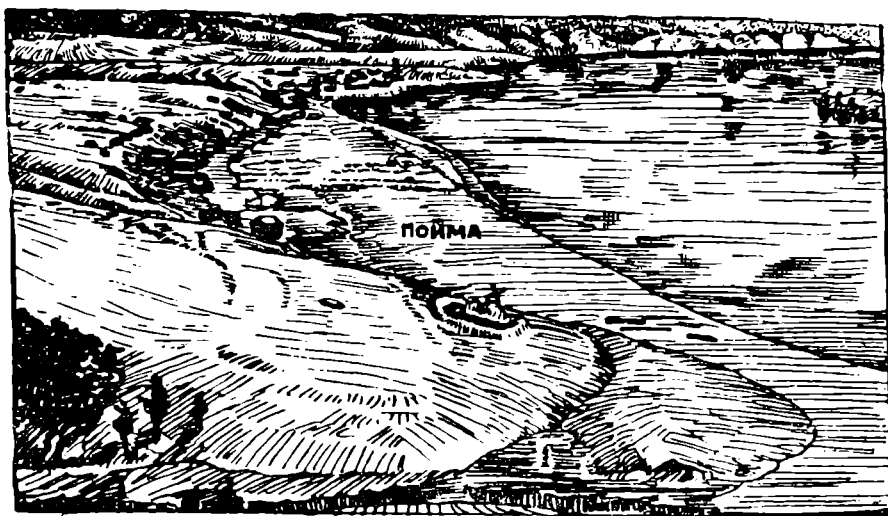

Рис. 14. Общий вид стоянки и ее окрестностей.
(X — раскоп.)

Террасы низких уровней (пойма, 4 м, 6—8 м) сложены аллювиальными отложениями. По данным работ Ангаростроя, мощность накоплений здесь значительна и цоколь этих террас лежит ниже уровня Ангары от 6 до 12 м. Только для террасы 18—20 м цоколь установлен на небольшой глубине от поверхности и находится на уровне 15—16 м над Ангарой. Мощность аллювиальных наносов на этой террасе не велика. Подобное соотношение аллювия 19—20 м террасы с ее цоколем хорошо выражено на левобережье Ангары против Н. Бурети, где эта терраса представлена отвесным обрывом известняков среднего кембрия, прикрытых сверху небольшим чехлом галечников аллювия.

Терраса 50—55 м высоты имеет значительный по мощности аллювий, представленный мелкими хорошо окатанными галечниками и среднезернистыми песками.

Характерной особенностью района является наличие покрова так наз. лёссовидных суглинков и супесей, покрывающих аллювий террас, включая 18—20-метровую, и залегающих на их склонах. Материалы раскопок и разрезы по шурфам дают следующую схему строения поверхностных образований по поперечному профилю 18—20 м и 50—55 м террас.

1. Верхний (гумусовый) горизонт современной почвы. Мощность горизонта уменьшается с повышением гипсометрического

положения точки. На склоне 50—55 м террасы представлен дерновой покрывкой, обеднен гумусом, сильно эродируется, имеет щебнистое известняковое основание. На поверхности этой террасы приобретает буроватую окраску и хорошо выраженную комковатую структуру на галечниковом и песчанистом основании. Ангарской археологической экспедицией было обращено особое внимание на стратиграфическое положение остатков не только палеолита, но и более позднего времени. Оказалось, что с гумусом связаны здесь не только скудные неолитические изделия, в том числе керамика и кости животных, но и палеолитические остатки, попавшие в гумус из нижних горизонтов.

2. Лёссовидные суглинки и супеси, расчленяющиеся на ряд горизонтов. Так же как и верхний горизонт почвы, суглинки изменчивы по мощности. Наиболее мощный слой на поверхности 18—20 м террасы.

Разрезы по шурфам дают более подробную характеристику этих отложений. В средней части котлована шурф дает следующий разрез сверху вниз.

- 1) Горизонт А современной почвы, чисто черного цвета.
- 2) Перемежаемость тонких слоев суглинка с тремя горизонтами, обогащенными гумусом.
- 3) Слой чистого суглинка серовато-желтого цвета.
- 4) Прослойки тонкозернистого песка с обрывками прослоек, обогащенных гумусом, залегающие среди чистого суглинка.
- 5) Суглинок с редкими экземплярами мелких обломков известняка.
- 6) Суглинок с большим количеством мелкой щебенки известняка.
- 7) Среднезернистый песок, тонкие прослойки гравия с мелкой хорошо окатанной галькой гранита, кварца, кварцита.

Шурф на поверхности 18—20 м террасы.

- 1) Горизонт А современной почвы (дерн).
- 2) Желтый лёссовидный суглинок в нижней части с редкими включениями мелкой щебенки.
- 3) Суглинок со значительным количеством щебенки.
- 4) Песок или галька разнообразных пород. Шурф на границе 18—20 м и 50—55 м террасы.

- 1) Горизонт А современной почвы.
- 2) Грубая лёссовидная супесь желтовато-серого цвета.
- 3) Тот же слой супеси, окрашенный в бурый цвет (аллювиальный горизонт).
- 4) Красно-бурый суглинок.

Можно было бы привести данные разрезов по другим шурфам, но они ничем не отличаются от приведенных. Следует отметить еще только один разрез, относящийся к 80—100 м террасе и характеризующий почвы участков сосновых боров:

- 1) Темнобурая лесная почва с признаками оподзоленности (потеки кремнеземистой присыпки).
- 2) Тонкий прослой сцементированного песка, окрашенного в интенсивно-черный цвет (аллювиальный горизонт).
- 3) Аллювиальные железистые пески с линзами и прослоями кварцевого песка.
- 4) Тонкий слой хорошо окатанной гальки.
- 5) Аллювиальные кварцевые пески, сильно ожелезненные, местами с желто-зелеными прослойками.

Отсюда следует, что верхний покров четвертичных отложений нашего участка отличается значительным разнообразием, и так наз. лёссовидные

суглинки и супеси расчленяются на горизонты, очевидно, связанные с условиями их образования. Мы относим их к образованиям элювиально-делювиального происхождения при значительном участии эоловых процессов.

Культурный горизонт стоянки связан с нижней частью верхнего чистого горизонта суглинков.

Сравнивая приведенный фактический материал с аналогичным Мальтинской стоянки, мы находим значительное сходство в условиях залегания культурного слоя в толще супесей и суглинков. Как в том, так и в другом случае эти отложения неоднородны и расчленяются на ряд горизонтов.

Между стоянками есть и значительное различие, заключающееся прежде всего в том, что в то время как в Мальте стоянка располагалась преимущественно на поверхности и ближе к верхней закраине 15—18 м террасы и только в части раскопанной площади было обнаружено падение культурного слоя к реке Белой с параллельным выклиниванием подстилающих отложений, — в Бурети стоянка преимущественно расположена на склоне пониженной до уровня 13—14 м части 18—20 м террасы и характеризуется необычайно низким гипсометрическим положением слоя над уровнем реки. Культурный горизонт при этом почти совершенно не нарушен, а сохранность очажных комплексов бесспорна. Таким образом, если и было какое-либо сползание слоя по склону террасы, то оно могло проявиться лишь в ограниченных пределах и только в нижней части.

Из наших материалов следует, что ко времени поселения человека в Бурети: 1) 18—20 м терраса была полностью сформирована. 2) Заканчивалось накопление аллювия 6—8 м террасы, поверхность которой представляла древнюю пойму. 3) Отметки культурного горизонта говорят о том, что, помимо 18—20 м террасы, полностью могла быть сформирована и 12 м терраса, не выраженная на участке стоянки, но устанавливаемая в других местах. Она могла быть уже настолько высокой, что не покрывалась полыми водами реки. Последними следами затопления этой террасы надо считать прослойки тонкозернистого песка с обрывками прослоек, обогащенных гумусом (горизонт 4 шурфа в котловане раскопок), отделяющие слой чистого суглинка от суглинков, обогащаемых мелкой щебенкой известняка. Эти следы затопления предшествовали поселению человека настолько, что после них отложился слой суглинков до уровня культурного слоя. 4) На поверхности 18—20 м (возможно и на 12 м) и более высоких террасах района сформировался нижний горизонт суглинков, характеризующийся наличием мелкой неокатанной щебенки известняка, и начали отлагаться чистые суглинки, в нижней части которых находится культурный горизонт. Суглинки эти представляют собою продукт смыва со склонов высоких террас и потому накапливались неравномерным слоем, занимая естественные понижения террасы, чем объясняется различие в залегании культурного слоя в западной и восточной частях раскопок. Возможно, что в западной части, где мощность суглинков наибольшая, мы имеем заполненное делювием древнее понижение 18—20 м террасы, аналогичное современной ложбине, отделяющей мысовидный выступ 6—8 м террасы.

Для более точного определения возраста стоянки существенно, что выше культурный горизонт Бурети связан с нижней частью горизонта чистых суглинков и только в восточной части раскопок 1940 г. он залегает среди суглинков со щебенкой известняка. Образование нижнего, а тем более верхнего горизонта суглинков допустимо отнести к конечной

фазе последнего оледенения, которая характеризовалась значительной влажностью вначале и уменьшенной в конце. Таким образом, время поселения человека близ Бурети мы можем отнести к концу последнего оледенения и началу послеледниковой эпохи. Тем самым определяется и относительный возраст террасы 12 м высоты, поскольку отметки культурного горизонта соответствуют этому уровню. Соответственно возраст 18 м террасы должен быть повышен, так же как и возраст 6—8 м, которую мы можем считать первой послеледниковой, соответствующей времени позднего палеолита или раннего неолита (Олонки, Усть-Белая). Следующей террасой, охарактеризованной археологическими данными, является первая 4 м надпойменная, соответствующая неолитическому времени.

Н. В. Тюменцев

ГОРОД ТАЛЛИН в XIII—XVIII вв.

(Доклад, прочитанный в секторе дофеодальной и феодальной Восточной Европы 23 XI 1940)

У Балтийского моря, на южных берегах Финского залива, расположена столица Эстонской Советской Социалистической Республики — Таллин. Таллин — один из городов, где сравнительно полно сохранилось средневековое сердце города со множеством построек, в формах которых скрещены влияния различных стилей. В архитектуре и топографическом расположении этих построек много своеобразия, зависящего от характера местности и строительного материала, из которого они возведены.

Таллин расположен на прибрежной равнине, среди которой поднимаются отдельные возвышенности, достигающие 50 м высоты над уровнем моря. На одной такой возвышенности расположен Вышгород (Томпеа) — древнейшая часть Таллина, которую образно можно назвать акрополем Эстонской ССР (рис. 15). К Вышгороду примыкает так наз. Нижний город. Господствующее положение возвышенности Томпеа над окружающей местностью послужило причиной наиболее раннего заселения ее. В восточной части Вышгорода в X в. возник сначала поселок, ставший затем одним из важнейших торговых центров, связывающих торговлю Запада и Востока задолго до расцвета средневековой Ганзы. В XIII в. Таллин сделался тем пунктом, за обладание которым боролись окружающие феодальные властители. Известно, что за покорение Таллина боролись датчане и немецкий рыцарский орден. Датчане, сумевшие укрепиться здесь на наиболее продолжительное время, были затем изгнаны эстонцами при активной поддержке русских.

Период интенсивного заселения Таллина совпадает с 20-ми годами XIII в. От построек того времени ничего не сохранилось, так как города в нашем теперешнем понимании еще не было, а имевшееся поселение напоминало своим видом укрепленную деревню. Затем на Вышгороде начали быстро возводить укрепление по требованиям фортификации того времени. Для этого отделили южную часть Вышгорода и построили там так наз. Маленький замок, где поместился также гарнизон. В оставшейся части Вышгорода построили кафедральную церковь, а в округе ее поселились ленники. Нижний город заселили, главным образом, ремесленники и купцы. Несмотря на смену политических властей, характер поселения остался таким же и в последующее время до окончательного оформления внешнего вида г. Таллина в конце средневековья.

Наиболее значительным периодом в образовании Таллина как города является время уничтожения г. Висби на Готланде. В лице Висби Таллин освободился от своего опасного соперника в восточной транзитной торговле. Увеличение мощности Ганзейского союза также отразилось на быстром росте Таллина как города. Маленький поселок на восточном спуске Вышгорода начал быстро разрастаться и превратился в городок с правильной сетью улиц, обнесенный уже в середине XIV ст. очень крепкими стенами.

Древние оборонительные стены Таллина — это одна из выдающихся его достопримечательностей (рис. 16).

Весь старый город, включая, конечно, и пояс укреплений, построен из плитняка. Этот материал имеется в Таллине в неограниченном количестве. По своему характеру он мало пригоден для разработки декоративных архитектурных форм, но зато очень прочен и монументален, хотя немного мрачен.

Подходя к сохранившимся средневековым укреплениям с точки зрения анализа системы и стиля, мы должны считаться с тем обстоятельством, что между временем, в которое были возведены первые укрепления более устойчивого характера (конец XIII — начало XIV ст.), и временем, когда отчасти перешли уже к земляным укреплениям (первая половина XVI ст.), существует промежуток приблизительно в 250 лет. В архитектуре укреплений Таллина сохранились части построек почти всего этого промежутка времени.

Городские укрепления XIV ст. характеризует построенная в городской стене узкая с четырехугольным основанием башня, за ней следует построенная уже во второй половине XIV ст. округлая крепостная башня. Третья, подковообразная башня построена в XV—XVI вв. Расстояние между башнями очень неравномерно и колеблется от 30 до 100 м. Высота городской стены достигает 15 м при толщине, в среднем, 2,5 м. В стенах, опоясывающих город, было восемь ворот. До нынешнего времени сохранилось двое ворот и два защищающих ворота укрепления. Последние — единственные в своем роде в Прибалтике. Средневековые городские ворота представляли собой живописнейшую часть архитектуры укреплений, особенно благодаря своим пристройкам, относящимся к различным периодам строительства. Они все, почти без исключения, сохранялись до середины прошлого столетия и лишь в течение трех четвертей минувшего столетия были уничтожены.

Особенно замечательными памятниками старины, восходящими к началу XVI ст., являются две больших башни: „Кик ин де кэк“ (в точном переводе „смотри в кухню“ — это значит, что, благодаря ее высоте, можно было смотреть через дымоходы домов в кухни) и „Толстая Маргарита“. Обе башни имели большое стратегическое значение для защиты слабых пунктов городских укреплений, и теперь они являются доминирующими постройками в общей панораме Таллина. Первая из них, „Кик ин де кэк“, имеет высоту 36 м и радиус в 17 м; толщина стен „Толстой Маргариты“ достигает 5 м.

Анализ стиля построек таллинских укреплений вызывает ряд трудностей, обусловленных прежде всего тем обстоятельством, что постройки эти имели практическое значение, при котором не уделялось внимания внешней красоте сооружений. Их красота заключается в строгой пропорциональности и монументальности. Несмотря на то, что система укреплений во многом заимствована из Западной Европы, все же местные типичные черты в ней проявляются с достаточной силой.

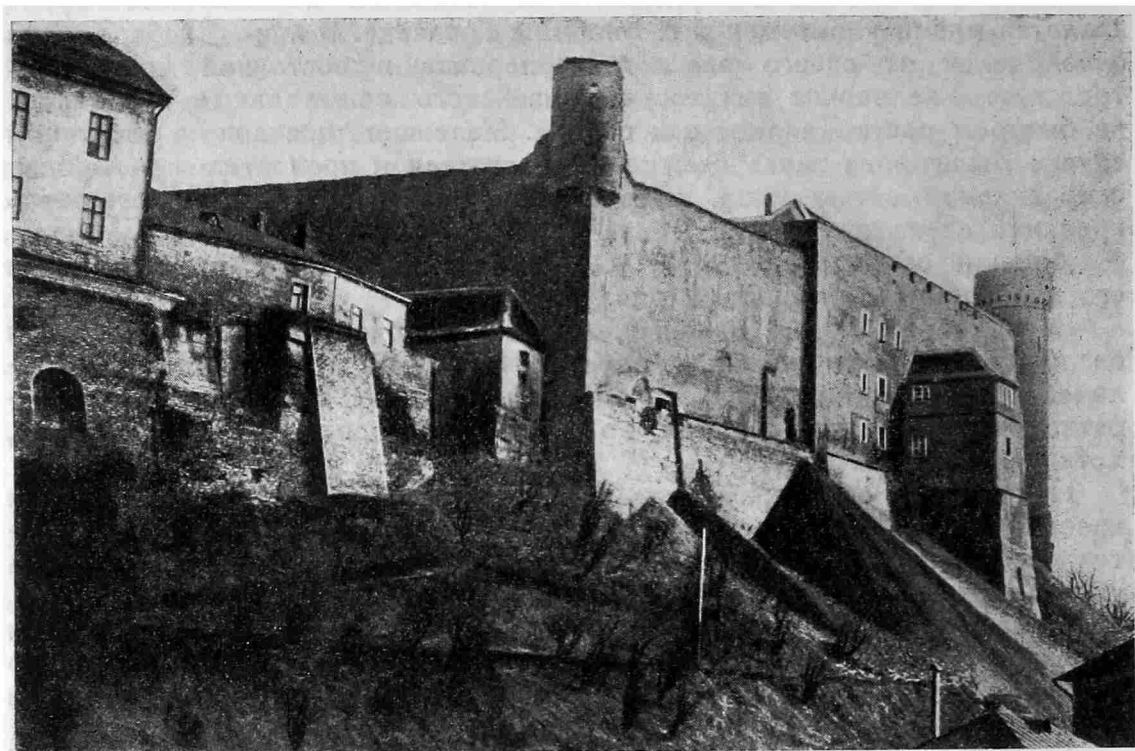

Рис 15. Таллин. Вышгород. Цитадель.

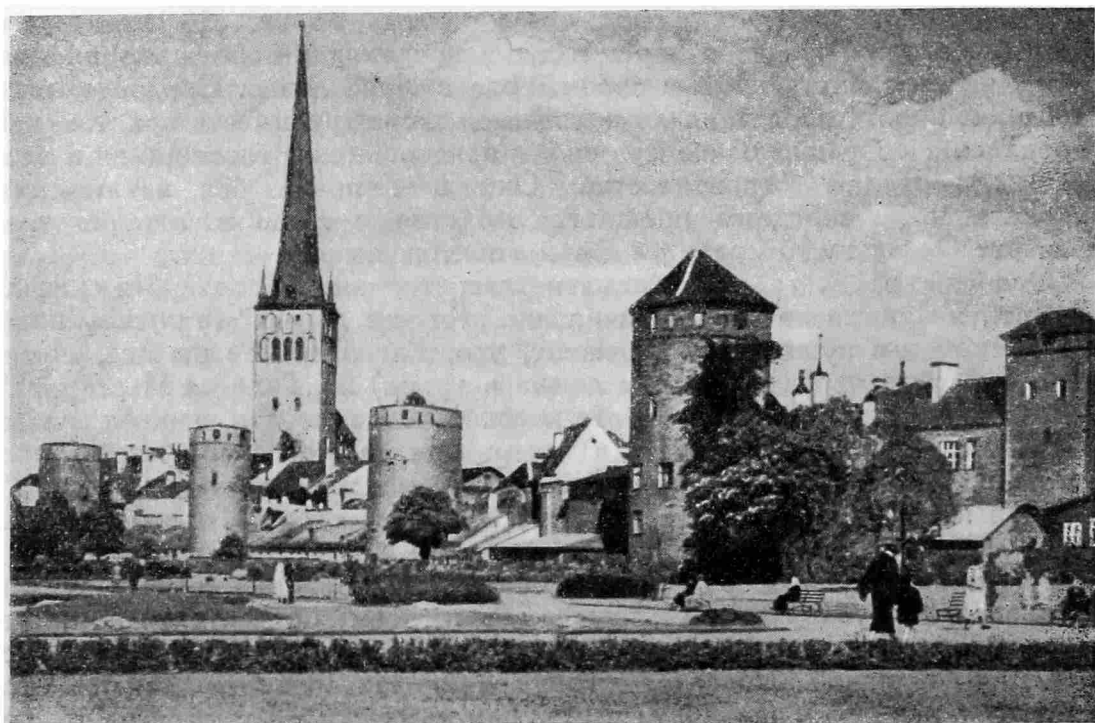

Рис. 16. Таллин. Башенная площадь.

Напротив, менее своеобразна та часть таллинского Вышгорода, которую основали и укрепили датчане в XIII—XIV вв. и которую окончательно выработали в XV в. власти германского рыцарского ордена в ее могучей архитектонической цельности.

В настоящее время из наиболее интересных частей этого комплекса сохранились 2 крыла окружной стены с главной башней — „Длинным Германом“ и двумя угловыми башнями.

Вся сохранившаяся часть Вышгорода была защищена естественными спусками, поэтому там не было надобностей в крупных укреплениях, кроме внешних окружных стен.

С увеличением населения разрасталось и строительство Таллина, особенно в XIV ст. Кроме жилых домов, количество которых было очень велико, возник ряд культовых построек — церквей и монастырей, а также и общественных зданий (ратуша, дома гильдий и др.).

Большая часть средневековых таллинских церквей — их сохранилось доныне 5 — построена в XIII в., однако современный вид они получили в XIV и даже в XV вв., после неоднократных перестроек. Доминирующим видом церковной постройки является базилика. К этому типу относятся три церкви — Олаевская, Николаевская и Вышгородская. Две церкви — Святодуховская и монастырская церковь цистерцианского ордена — являются двухнефными сооружениями. Основываясь на историко-архитектурном изучении таллинских церквей, можно прийти к выводу, что все церкви первоначально были двухнефными и лишь позднее, благодаря частым перестройкам, приобрели вид трехнефных базилик. Будучи построенными из плитняка, церкви отличаются некоторой грузностью, однако сохраняют строгую пропорциональность форм.

Среди названных церквей особенно изящна, несмотря на то что она построена из плитняка, Олаевская церковь, сооруженная, как и все другие, в готическом стиле. К сожалению, реставрационные работы, выполненные в прошлом столетии, несколько исказили первоначальный облик церкви; тем не менее она остается одним из любопытнейших памятников с наиболее пропорциональным внешним видом и внутренним устройством и с богатством стильных деталей.

В главных чертах все церкви похожи друг на друга. Они имеют в плане несколько вытянутую форму. Хоры, как правило, располагаются в восточной стороне, на западной помещается башня. Главный портал находится на западной стороне под башней (Олаевская церковь), иногда — на восточной или южной стороне. Этот тип церквей довольно обычный для тех стран, которые подпали под власть ордена.

Кроме так наз. городских церквей, в Таллине были еще два монастыря со своими церквями и третий монастырь Бригитты (Пирига) в 6 км от города.¹ От этих трех монастырей сохранились лишь некоторые части построек.

При сооружении монастырей решающими были правила строительства тех орденов, к которым принадлежали монахи. Нам известны три рода построек монастырей: цистерцианского ордена (женский монастырь), доминиканского (мужской) и бригиттовского ордена (смешанный).

Монастырь цистерцианского ордена был перестроен в гимназию в 1631 г. До сегодняшнего дня сохранились, хотя и в измененном виде,

¹ Находившиеся в монастыре мощи Бригитты были, после занятия Таллина Петром I, преподнесены им папе с целью вынудить его на ответный дар — античную мраморную статую Венеры (так. наз. Венера Таврическая), приобретенную русскими дипломатами для Петра, но запрещенную папой к вывозу из Рима. *Прим. ред.*

основанная в XV в. монастырская церковь и часть сводчатых помещений с массивными арками, опирающимися на колонны. Часть этих помещений является вообще одной из старейших форм строительства в Таллине, отражающей в себе остатки романского стиля.

Из построек доминиканского ордена, несомненно, самая интересная церковь Екатерины. Это была двухнефная постройка, от которой сохранились только западные порталы и часть основных стен. Она, по всей вероятности, послужила образцом при постройке монастырской бригиттовской церкви, законченной в 1436 г. Бригиттовская церковь является самой большой из всех трехнефных церквей в Эстонии. Ее живописные развалины с высокой клинообразной передней стеной, богато декорированной нишами, сохранились до настоящего времени.

Внешняя простота церковной архитектуры не помешала, однако, богатому внутреннему убранству. Здесь следует в первую очередь отметить выдающиеся произведения церковного искусства — алтари, изготовленные руками таких знаменитых мастеров, как Берент Ноткен (в Святодуховской церкви в 1483 г.) и любекского мастера Хермена Родэ (в Николаевской церкви в 1482 г.).

Созданный в мастерской Ганса Мемлинга и находившийся в доминиканской церкви Екатерины алтарь также сохранился до нынешнего дня.

Все пять церквей, как было отмечено, за время своего существования подвергались отдельным внешним изменениям и перестройкам. Внутреннее убранство их тоже в ряде случаев потеряло свой первоначальный вид. Особенно сильное влияние на внутреннюю декорировку церквей оказал расцвет стиля барокко. В этот период церкви заполняются различными мемориальными досками, кафедрами и алтарями, из которых многие представляют собой выдающиеся достижения искусства резьбы по дереву в стиле барокко.

Однако возвратимся к вопросу об архитектуре и остановим свое внимание на гражданских сооружениях и прежде всего на постройках общественного назначения. В Таллине сохранились остатки зданий средневековых гильдий и городская ратуша. Ратуша представляет собой двухэтажное (с погребом трехэтажное) здание, единственное по сохранности и чистоте стиля во всей северной Европе (исключая Германию). По всей вероятности, постройка была проведена в два периода — в 70-х годах XIV и в начале XV в. Здание ратуши несколько пострадало от внешних и внутренних пристроек, которые легко устранить при реставрации.

Внешне ратуша напоминает собою церковь, но ее отличает стройная восьмиугольная башня, расположенная на восточной стороне здания. В верхнем этаже ратуши помещаются два зала — двухсводчатый зал заседаний и перед ним зал граждан с восьмиугольными колоннами посредине. В нижнем этаже помещаются застенок и большой торговый зал, превращенный теперь в музей. Вдоль фасада здания, выходящего на площадь (бывший рынок), проходит, на протяжении нижнего этажа, сводчатый ход (аркада).

В стиле здания, в его пропорциях чувствуется влияние строительного искусства ордена. При анализе деталей постройки ратуши мы находим в них влияние архитектуры южных областей среднеевропейских стран, на которую, в свою очередь, повлияла манера строительства средневековых ратуш Италии.

В таллинской ратуше сохранилась мебель начала XV ст., представляющая большую редкость и являющаяся теперь музейным экспонатом.

Почти к одному времени с ратушей относится здание Большой гильдии (окончено в 1410 г.). Это здание, хотя и представляет собой единственную цельную постройку из домов гильдий Прибалтики, не так интересно, как ратуша. Обращенное своим клинообразным фасадом в сторону улицы Пикк, оно имеет вид очень простой одноэтажной постройки с помещающимся рядом сводчатым залом и находящимся за ним главным двухнефным помещением — залом для празднеств. Обращает на себя внимание фасад здания, на котором имеется красивый портал с парой бронзовых молотков-стукальцев. Щипец постройки оживлен нишами. Из других зданий гильдий сохранился интересный зал празднеств Олаевской гильдии с его восьмиугольными колоннами и сводами в форме звезд. Он тоже относится к началу XV ст., и имеет большое сходство в стиле и манере с перестроенной в то же время Олаевской церковью.

Наиболее интенсивным периодом строительства гражданских зданий является XV ст., особенно его первая половина. Зданий, относящихся к этому времени, осталось немного, и они теперь мало заметны в общей панораме города, хотя еще в прошлом столетии их значительное число придавало Таллину своеобразный средневековый вид. Почти полное отсутствие гражданских зданий, относящихся ко времени до XV в., объяснимо грандиозным пожаром, охватившим Таллин в 1433 г. и уничтожившим почти все деревянные постройки, которые были преобладающими в городе. После пожара городские власти издали постановление о сломе деревянных домов и замене их каменными. Поэтому последовавшая за пожаром строительная деятельность носила уже более уверенный и устойчивый характер.

Опишем для примера дом среднего гражданина XV—XVI ст. (рис. 17). Это было обыкновенно четырехугольное здание, клинообразный фасад которого был обращен на улицу. Фасад поэтому обрабатывался наряднее, чем прочие части здания. Фасад имел портал с острой аркой, с дверью, часто богато украшенной резьбой; по обеим сторонам двери были большие четырехугольные окна прихожей. В центре фасада находился люк (или несколько люков) с приспособлением для блоков, по которым поднимали товары в очень обширный чердачный склад. Верхняя часть фасада была часто декорирована нишами, высеченными из камня украшениями и даже живописью (из последнего рода украшений сохранился только один образец начала XVI ст.). На внешнем краю крыши часто помещалась какая-нибудь высеченная из камня деталь и железный

Рис. 17. Таллин. Средневековые жилые дома.

флюгерок. Сторона, обращенная на двор, часто бывала выстроена из дерева.

План здания был приблизительно следующий: дверь с улицы вела в поместительную переднюю, которая в высоту занимала два этажа и завершалась толстым потолком из балоков, концы которых опирались на находившиеся в стене консоли. Если позволяла площадь передней, то посредине находился еще каменный столб, поддерживающий поперечную балку. Из передней вели двери в боковое помещение и в кухню, которая фактически помещалась под дымоходом. Жилые помещения находились большею частью во втором этаже дома, куда вела лестница из передней. Жилых помещений было обыкновенно два или три, редко больше. Из них отапливалось лишь одно, где можно было жить и зимой. Остальная часть дома использовалась как склад, где хранились съестные припасы.

Только что мы описали жилище состоятельного средневекового гражданина. Как видим, оно было не особенно комфортабельно. Какими же должны были быть жилища бедноты? Из архивных материалов следует, что бедные горожане жили по несколько семейств в сырых, темных, неотапливаемых подвалах. Большинство трудового населения помещалось в жалких трущобах за городом. Эти трущобы часто уничтожались, когда опасались осады города, так как боялись, что враг во время осады найдет здесь убежище.

Тогда обитатели этих берлог искали пристанища в стенах города и жили часто просто на улицах.

К концу средневековья значение Таллина как центра крупной торговли на Балтийском побережье падает. Частично это зависело от появления новых соперников — Гельсингфорса (Хельсинки) и Нарвы, а также от упадка значения Ганзейского союза. Главная же причина, повлекшая за собой необычайное снижение роли Таллина как торгового центра, заключалась в борьбе за него трех больших соседних государств — России, Швеции и Польши. Крупное купечество Таллина быстро беднело, положение ремесленников и торговцев также ухудшилось. На смену состоятельным гражданам Таллина приходит состоятельное шведское чиновничество и военное сословие. Этот период совпадает с расцветом в Западной Европе ренессанса. В Таллине нет капитальных сооружений в этом стиле, однако ряд зданий был перестроен в манере ренессанса. К числу наиболее интересных зданий относится фасад постройки так наз. „братства черноголовых“ с изящными украшениями, высеченными из камня, и порталом. Здание это построено знаменитым таллинским мастером и архитектором Арент Пассера и закончено в 1597 г. Между прочим, лучшие творения времени ренессанса принадлежат Арент Пассера; к числу их следует отнести, например, саркофаг шведского полководца Понтуса Делагарди в таллинской вышгородской церкви. Попутно отметим, что старинное прикладное искусство каменотесов у таллинских мастеров достигает своего расцвета и художественной зрелости во второй половине XVI и в XVII в. Эти произведения, относящиеся, главным образом, к категории надгробных памятников, вывозились в Финляндию, Швецию и распространялись по всему северу нынешней Эстонской ССР. На ряду с этим искусством процветало также искусство резьбы по дереву.

Великолепные церковные кафедры для пасторов, алтари и скамейки в церквях и общественных зданиях доказывают чрезвычайно высокий уровень этих работ в Таллине. Если мы дополним сказанное богатым перечнем эпитафий, то количество произведений этого рода будет

огромным. В архитектуре, напротив, как уже указывалось, было мало достопримечательного.

Таким образом, период шведского владычества над Таллином, которое продолжалось приблизительно 150 лет (1561—1710), характеризуется упадком строительства крупных архитектурных сооружений, в прикладном же искусстве мелких форм — господством стилей ренессанса и барокко.

В XVIII ст. строительство Таллина продолжалось все еще крайне медленными темпами, так как бурный рост Петербурга притягивал к себе все основные творческие силы. Однако деятельность Петра I все же наложила свой отпечаток на строительство в Таллине. В 1714 г. здесь начали грандиозную постройку гавани для военного флота, однако ее не закончили. С 1718 по 1723 г. в Таллине был построен по проекту архитектора Микетти императорский летний дворец в Кадриорге (Екатеринентале). Этот дворец, являющийся архитектурной жемчужиной в стиле барокко, богато украшен скульптурой. Окончание постройки Екатеринентальского дворца принадлежит архитектору Михаилу Земцову.

В окрестностях этого дворца был разбит большой парк с прекрасными фонтанами и скульптурами, из которых часть во время императрицы Елизаветы была перевезена в Петергоф.

В этом же Екатеринентальском парке находится и сейчас построенный в 1714 г. для Петра I дачный домик с частью обстановки того времени.

Таким образом, экономический и политический расцвет Петербурга с его могучими архитектурными комплексами окончательно завоевал первенство в Прибалтике. Значение Таллина в XVIII в. стало еще меньше, чем в XVII в. Он жил жизнью маленького провинциального города со своими великолепными средневековыми постройками и сохранял их из поколения в поколение именно благодаря бедности своих граждан. Это и является, главным образом, причиной того, что Таллин обладает и по сегодня памятниками средневекового строительства в таком большом количестве.

Х. Пеетс

НОВГОРОД И ТАЛЛИН

(К вопросу о генезисе архитектурных форм)

Средневековый Таллин, будучи прекрасно сохранившимся образцом средневекового города, представляет археологический интерес не только сам по себе, но, между прочим, и по соприкосновению некоторых его своеобразных архитектурных форм с характерными чертами зодчества псковского и новгородского северо-запада нашей страны. В этом отношении специальное значение имеют рядовые образцы его гражданской архитектуры. В Таллине сохранилось значительное количество домов горожан, типичных по своему архитектурному облику. Это — небольшие, большей частью двух-, трехэтажные здания с узким в два-три окна простым фасадом, заканчивающимся вытянутым кверху щипцом с прямолинейными крутыми очертаниями. Щипцы прикрывают собой обширные чердачные складочные помещения. Последние образованы деревянными стропилами на два ската. Товары туда поднимались непосредственно с улицы, при помощи блока. Из щипца обычно выпущена балка для укрепления железного крюка или блока и проделан один, реже два широких проема для приема кладки, закрывавшиеся глухими створками. Стены фасада гладкие, прорезанные только окнами,

порталом и узкими просветами в щипце. У некоторых домов по углам выступает по пилястру, а на одном доме на Большом рынке легкая полуколонка (рис. 18). В пилястры упирается скат кровли. Щипцы, сливающиеся непосредственно с гладью стены, на значительном числе домов разделаны плоскими нишами, обработанными ложными арками. При этом нижний край ниш находится ниже уровня собственно щипца. Благодаря этому полнее достигается единство приукрашенного щипца с ровной плоскостью стены. Время постройки большинства таких домов относится к концу XV—XVI вв.

По приемам и мотивам декоративной обработки щипцов сохранившиеся образцы распадаются на несколько групп. Для изучения древне-

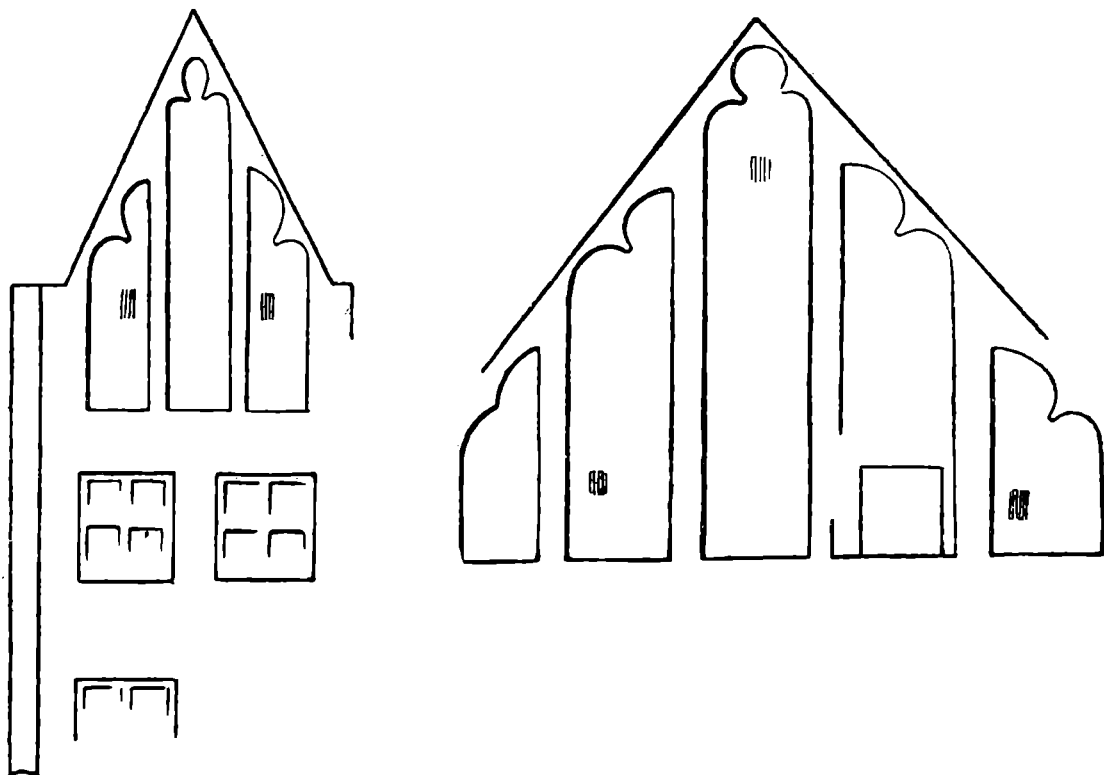

Рис. 18. Таллин. Схема обработки щипцов городского дома.

русской архитектуры и искусства особенно интересен один вариант домов горожан, представители которого рассеяны по разным местам старого города. Характерной чертой этого варианта являются три заполняющие щипец ниши, начинающиеся на одном уровне. Средняя из них, наиболее высокая, завершается трехлопастной аркой, а боковые, с симметрично скошенной верхней частью, — половиной такой арки. Площадь щипца расчленяется, таким образом, на три вертикальных части, причем делящим элементом служат неширокие, лопаткообразные полосы между нишами. В целом достигается полное единство декоративной обработки и внешнего обреза щипца.

Примером может служить упомянутый дом на Большом рынке, сохранивший на левом углу фасада полуколонку. Менее типичен дом с двумя угловыми пилястрами на Башмачной¹ ул. № 10 (рис. 19),² так

¹ Названия улиц сохранены 1913 г., когда я приезжал в Таллин для изучения его памятников.

² Ср.: W. Neumann. Riga und Reval. Berühmte Kunststätten, т. 42, Leipzig, 1908, рис. 87.

как арочное завершение его средней ниши выходит за пределы ее вертикалей и образует почти круг; средний отрезок, поднимающийся к вершине шипца, несоизмеримо мал. Такая трехчастная арка только условно может быть названа трехлопастной. У нее совершенно иной ритм, чем у арок боковых ниш. Повидимому, на нынешнее очертание ее наложили отпечаток ремонты чердачного помещения и кровли.

Домов интересующего нас типа было в Таллине первоначально значительно больше, чем сохранилось до настоящего времени. На старинных рисунках, картинах, литографиях первой половины XIX в., хранящихся в Таллинском музее, и на фотографиях можно найти несколько образцов их в разных местах старого города. Среди этих разобранных домов находился, в частности, дом Флорелля на Старом рынке, сохранивший на каменном карнизе, на который опирается арка портала, посвятившую надпись с датой 1498 г.¹

К этой же группе архитектурной обработки фасада можно отнести и усложненную декорровку шипца при его большей ширине. Так, на фасаде дома № 43 по Морской ул., на углу Страшной ул., вместо трех декоративных ниш их пять, но принцип композиции остается прежним: средняя ниша завершена трехлопастной аркой, последовательно понижающиеся боковые — симметрично падающими отрезками трехлопастной арки (рис. 18 справа). Такое увеличение числа ниш показательны для архитектурного стиля таллинских зданий. Ведь для заполнения шипца могли бы быть применены всего три ниши, как у большинства домов, только более широкие и крытые более пологими арками. Единство композиции фасада оставалось бы при этом полным. Таллин последовательно держался узких, вытянутых ниш с крутым падением арок. Очертания каждой арки повторяют формы готического трифолия. Исключение составляет только левая нижняя ниша, арка которой отчасти приближается к романской.

Любопытные видоизменения представлял разобранный дом на Нарвской ул., изображенный на двух старинных картинах в Таллинском музее из собрания J. Döring, из которых одна датирована 9 V 1831 г. Число ниш этого дома было четное — шесть, причем пара средних завершалась не полной трехлопастной аркой, а, как и у остальных ниш, взаимно сопоставленными отрезками арки.

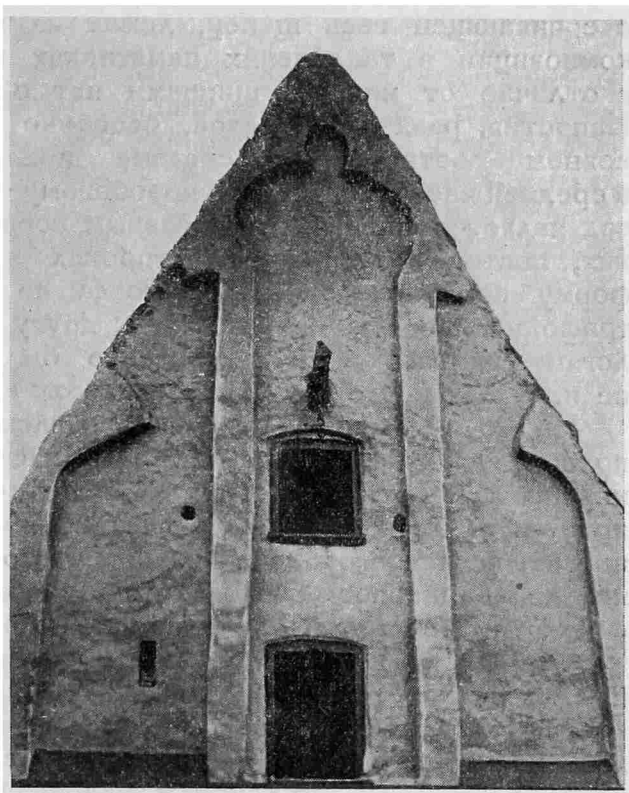

Рис. 19. Таллин. Шипец на фасаде дома XVI в.

¹ E. Nottbeck u. W. Neumann. Geschichte und Kunstdenkmäler der Stadt Reval. Reval, 1904, т. II, стр. 221, 223, рис. 195, 199; тот же дом в противоположном ракурсе, рис. 200. Ср.: Neumann, ук. соч., рис. 110, 116.

Аналогичный таллинским зданиям принцип обработки плоскости шипца встречаем на новгородских каменных храмах, начиная с конца XIII в., что придает столько своеобразия новгородской архитектуре среди всех локальных вариантов зодчества на Руси времени феодальной раздробленности. Основное отличие от описанных памятников Таллина прежде всего в том, что ниши здесь покрывают не только пространство шипца, но прорезывают стены донизу. Поэтому лопатки являются членящим элементом фасада в целом. На нескольких новгородских храмах, в том числе на более раннем из этого типа зданий — у Николы Липного (1292), имеются только угловые лопатки, подобно описанным домам в Таллине. Система мощной трехлопастной арки, очерчивающей весь шипец, лежит на этих угловых пилястрах. Такой композиции в таллинских памятниках нет. Кроме того, в Новгороде, в отличие от них, за шипцами нет обширных чердачных помещений. Напротив, разделка фасадов, особенно западного и восточного, в основном соответствует системе прилегающих сводов — коробовому в средней части нефа и полукоробовому — в боковых. Таким образом, фасад является как бы декоративным воспроизведением конструкции здания, повторенным на всех сторонах здания. Арки всегда сохраняют форму полуциркульной и никогда не приобретают черт готического трифолия. По отношению друг к другу они всегда расположены по пологим склонам, и шипец, какого бы очертания он ни был, никогда не получает крутой, вытянутой кверху формы, как в Таллине.

На почве Новгорода рассматриваемая система построения фасада прошла характерные этапы развития, засвидетельствованные рядом сохранившихся памятников. Так, завершение стены трехугольным шипцом, крытым на два ската, первоначально не было обязательной принадлежностью всех новгородских зданий этого типа. Шипец мог иметь сложное криволинейное очертание по форме широкой, завершающей весь фасад трехлопастной арки, наиболее полный образец чего представляет Вóлотова (1362).¹ Широкая гладь стены оставалась здесь не расчлененной. В церкви Лазаря и у некоторых других зданий, у которых фасад разделен средними лопатками на три части и декоративные арки трехлопастные, шипец имел трехлопастное, в других случаях — многолопастное очертание. По приемам завершения фасада этот вариант новгородского здания смыкался с приемами строительства предыдущего периода — XI—XII вв., для которого характерна система криволинейного посводного покрытия. Смыкаясь, таким образом, с памятниками предшествующего времени, этот вариант композиции фасада сохранялся, по крайней мере, до рубежа XV в. Несмотря на все эти существенные различия, характерная общность новгородских и таллинских памятников остается несомненной.

У храмов псковского района подобная же аналогия фасадов с фасадами домов средневековых таллинских горожан тем показательнее, что обработка псковских шипцов трехлопастными арками тоже чисто внешняя. Не говоря уже о бесстолпных зданиях, она ни в какой мере декоративно не воспроизводит внутренней конструкции и четырехстолпного псковского храма. У последнего шипцы, подобно таллинским, прикрывают собой чердачные помещения, находящиеся между внешней поверхностью сводов собственно храма и прямолинейной кровлей, сильно приподнятой над сводами и несколько не следующей их очертаниям.

¹ Л. А. Мацулевич. Церковь Успения в Волотове. Памятники древнерусского искусства, вып. 4, СПб., 1912, стр. 1—7, рис. 1—5.

Близость к Таллину тем полнее, что на сохранившихся псковских памятниках не известно криволинейных округлых новгородских шипцов, а все исключительно прямолинейные двускатные. Однако они не крутых очертаний, и декоративные арки не получают форм готического трифолия. Это различие с Таллином тем существеннее, что описываемые псковские и таллинские здания хронологически более близки друг к другу.

Рассматриваемая обработка фасадов не осталась только локальной принадлежностью северо-западных областей древней Руси, но вошла позднее и в сокровищницу архитектурных декоративных форм Москвы, ее области (придел Саввина монастыря в Звенигороде), Казани (Спаская башня), Ростова.

Итак, каким бы частным или мелочным сначала ни казался вопрос о соприкосновении интересующей нас композиции фасада древнерусского здания северо-западных областей с таллинской, он не может быть оставлен без надлежащего исторического рассмотрения, поскольку им затронуты глубокие проблемы истории искусства русского и эстонского народов. Не столь существенно в этом отношении, что в Новгороде мы знаем эту композицию фасада на памятниках значительно более ранних, чем сохранившиеся в Таллине; не в том дело, что трехлопастная арка известна в древнерусском искусстве еще в киевский период и ее прототипы могут быть указаны и на почве Византии, тем более, что ни в Новгороде ни во Пскове очертания арок не готические, не воспроизводят, в противоположность таллинским зданиям, форм готического трифолия; даже не в том дело, что в Новгороде получил развитие шипец криволинейного циркульного очертания, а крутой готический в нем неизвестен вовсе. Не столь существенно все это потому, что вопрос вовсе не в том, заимствовал ли Таллин у Новгорода или у Пскова, или наоборот.

Существо вопроса, в конце концов, не столько в обработке шипца, как таковой, сколько в исторической оправданности подмеченного нами совпадения архитектурной композиции. Такое совпадение обусловлено тем, что еще доталлинская эстонская Линданиссе — Колывань, и Новгород, и Псков были втянуты в широкий круг единых экономических интересов, что в Прибалтике и на северо-западе Руси веками складывалась и культурная общность. Только с учетом этой общности и может быть полностью оценен тот на первый взгляд отрывочный факт, что на Готланде в Гарда сохранилась часть роскошной стеной живописи XII в., написанной новгородскими мастерами. Факт этот показывает, что на Запад плыли не только торговые русские люди, туда везли не только сырье, туда попадали не только случайные русские изделия, подобные новгородскому людгощенскому кресту в ризнице собора Гильдесгейма, но из Руси на Балтику экспортировалась утонченная живописная русская культура и там создавались ее очаги. И обратно: искусство северо-западной Руси не могло оставаться и действительно не оставалось в изоляции от искусства Балтики, не разрывая, вместе с тем, с исторически сложившимися местными формами и строительными приемами — со всей сокровищницей своего художественного наследия. В Новгороде прочно вошла в практику конструктивная система арк-бутана и с ней органически слилась декорировка фасада. Но Новгород не обратился ни к декоративным формам готического трифолия, ни к крутым, сильно вытянутым прямолинейным готическим шипцам. Самый облик здания у него иной. И Псков, который ввел столько прогрессивного и нового в архитектуру средневековой Руси, строительная практика которого не исклю-

чала возможности прибегать в отдельных случаях к помощи прибалтийского мастера и „к немцом слать“ за ним в Юрьев-Тарту (правда, „погании не даша мастера“),¹ тоже не пошел по таллинскому пути готики. Каждый создал свое законченное, своеобразное художественное целое.

В частности, одна из характерных черт декорировки большинства новгородских и псковских зданий — это применение узоров, выложенных из кирпича, особенно разнообразных и насыщенных на щипцах и на барабанах глав (рис. 20). Подобные кирпичные узоры известны, как отмечено было выше и относительно трехлопастной арки, также и на юге. Однако эта черта не может быть исторически изолирована и от аналогичных явлений на Балтике. Так, в частности, на противополож-

Рис. 20. Новгород. Западный щипец церкви Петра и Павла 1406 г.

ном берегу Финского залива обычный тип средневекового строительства — это постройка из гранита, если не считать являющуюся исключением кирпичную церковь в Хаттула.

Финляндские здания с фасада обычно с невысокими приземистыми стенами и с сильно поднятой двускатной кровлей, открывающей в обе стороны высокие, чуть ли не в два раза выше собственно стен, щипцы гранитной кладки. Тем показательнее, что для орнаментации здания, и только для нее, призван, как и в Новгороде, кирпич. Верхняя половина щипца обычно покрыта узором, выполненным из кирпичей. Примеры: Лохья, Порвоо (Борго), Пернайма, Сиббо, Эсбо и мн. др., построение которых в большинстве относится к XIV—XV вв. Церковь в Эсбо близ Хельсинки (рис. 21), обследованная мною в 1914—1915 гг., представляет типичный образец такой орнаментации. Верхний треугольник щипца облицован поверх основной гранитной кладки кирпичом в один ряд.

¹ Псковск. л. II, 6928 (1420) г.

Снизу кирпичное поле ограничено зубчатым пояском из кирпичных клиньев, положенных один на другой по три в ряд. В облицовке оставлены декоративные просветы, образующие неглубокие впадины-ниши, покрытые побелкой. Там, где она осыпалась, открывается гранитная кладка. На наиболее приукрашенном щипце западного фасада формы орнаментальных впадин достигают большого разнообразия. Понижающиеся трехчастные ниши, перекрытые при помощи напуска кладки, повторяют в технике кирпичного ломаного узора арочные карнизы романских зданий и новгородского Николы Липного. В целом, средневековая Финляндия кирпичной орнаментацией своих зданий тесно связывается с аналогичными явлениями в Новгороде.

Веками складывавшиеся на Балтике взаимоотношения и культурная общность, засвидетельствованные, в частности, росписью в Гарда или строительством в Новгороде, Пскове, Таллине, Финляндии, еще не успели выработаться в культурное единство. Формирование такого столкнулось с рыцарской и шведской экспансией. Сороковые годы XIII в. ознаменовались разгромом русскими шведской и немецкой агрессии на северо-западе Руси. Рука об руку с русским народом шла в постоянных грозных восстаниях и борьба эстонского народа за свою независимость.

Вот в круге каких исторических фактов заложены корни рассмотренных выше совпадений, соприкосновений и глубоких различий в архитектурной композиции Новгорода, Пскова, Таллина, Финляндии. Совпадения эти и различия, близость и своеобразие — только часть широкого вопроса о складывавшемся культурном единстве и, вместе с тем, о самодовлеющей ценности каждого. Они оставили последующим векам каждый свои своеобразные, хотя и родственные, художественные и культурные ценности.

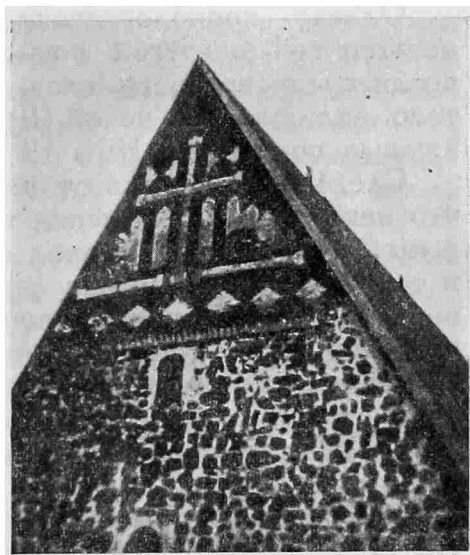

Рис. 21. Западный щипец церкви в Эсбо близ Хельсинки.

Л. А. Мацулевич

ГОНЧАРНЫЕ ПЕЧИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНЕСА

(Доклад, прочитанный в секторе дофеодальной и феодальной Европы 9 XII 1940)

Ремесленная промышленность средневековых городов греческого Востока почти совершенно не изучена. Отчасти потому, что ею не интересовались, отчасти потому, что и самого материала для изучения ремесла крайне мало (обе эти причины, очевидно, связаны).

В полной мере это относится и к Херсонесу, продолжавшему оставаться вплоть до XIII в. крупнейшим центром средневекового Крыма. К тому же и здесь материал для исследования ремесленной промышленности крайне беден.

Тем большее значение приобретают открытые во время летней архелогической кампании 1940 г. три гончарные печи, расположенные

в XIII северном прибрежном квартале города и существовавшие одно- временно. За все 50 с лишним лет систематических раскопок Херсонеса это — первая достоверная находка средневековой гончарной мастерской, притом значительной по своему размеру.

К сожалению, сохранность печей плохая. От двух из них уцелела лишь нижняя часть — топка, дающая все же возможность составить общее представление о печах.¹ От третьей же из них, меньшей, сохранились лишь слабые следы, поэтому от рассмотрения ее мы вынуждены пока отказаться. Упомянутые две печи грушевидной в плане формы, ориентированы с СВ на ЮЗ и расположены одна близ другой на территории дворов позднесредневековых жилых усадеб: одна из печей (I) во дворе № 23, другая (II) — во дворе № 15.

Однако хронологически печи предшествуют этим усадьбам, ибо остатки той и другой печи залегают непосредственно под подошвой позднесредневекового слоя, относящегося в основном к XIII в. Кроме того, над одной из печей (II) прошла позднесредневековая стенка, разделяющая помещения №№ 19 и 20.

Следовательно, в этот период печи уже не существовали. Возможно, что некоторое время перед тем полуразрушенные печи стояли заброшенными, а в XIII в., в период строительства окружающих жилых построек, в той или иной степени уцелевшие верхние части этих печей были, вероятно, разобраны: кирпичи от них и даже части кирпичных сводиков постоянно и во множестве встречались при раскопке соседних позднесредневековых помещений, при постройке которых эти кирпичи и были использованы в качестве строительного материала. Остатки печей оказались погребенными в засыпи, выравненной затем под дворовые площадки жилых усадеб.

Имеется возможность приблизительно наметить и нижнюю хронологическую грань существования печей.

Дело в том, что одна из них (I) северо-восточной своей частью, как оказалось, была возведена над ямой, впущенной в римский слой и содержащей в большом количестве фрагменты плоскодонных кувшинов с плоскими ручками и амфор из темнокрасной глины, относящихся к IX—X вв.,² а также другую, синхронную с ней посуду: белоглиняную курильницу, покрытую темнозеленой рябоватой поливой, и большие желтоглиняные бороздчатые круглодонные амфоры с широким корпусом, сравнительно высоким горлом и плоскими ручками, соединяющимися с горлом на уровне его верхнего края.

Таким образом, период постройки и существования печи I мы можем ограничить временем XI—XII вв. То же с полным правом может быть отнесено и к печи II, стратиграфически однородной с печью I.

Судя по сохранившимся нижним топочным помещениям, печи однородны также и по форме, и по устройству своему, и даже по размерам.

Остановимся сначала на печи I (рис. 22а). Грушевидная в плане печь возведена на фундаменте в виде сплошной забутовки из крупного камня и сложена из сырцовых кирпичей (большей частью 23×12 — 13 см, толщиной 6—7 см) на глине. Кирпичная кладка местами подложена и выравнена обломками черепицы. Длина печи (от устья топки до противоположного конца печи) — 3.44 м. Вдоль нее по середине проходит

¹ Печь I раскопана В. П. Лисиним, печь II — А. К. Тахтаем. Публикуемые обмеры выполнены А. Л. Якобсоном.

² Посуда эта постоянно встречается в Херсонесе и хорошо датируется монетами IX—X вв.

центральный канал, ширина которого, не везде одинаковая, колеблется от 0.62 до 0.80 м; от него по обе стороны ответвляются три пары узких боковых каналов, ширина их варьирует от 9 до 18 см; промежутки между кирпичной выкладкой стенок этих каналов заполнены глиной, приобретшей в результате постоянного прокаливания белесоватый цвет.

Боковые каналы упираются в стенки кольцевого корпуса печи, сложенного в сохранившейся нижней части в ширину одного кирпича (здесь применен кирпич шир. 15 см) на слое желтой глины, превратившейся в оранжевую порошкообразную массу. Соответственно округлой форме кольцевого корпуса печи, боковые каналы имеют различную длину.

К северо-восточному концу печи стенки кольцевого корпуса симметрично выпрямляются, становятся почти параллельными, образуя боковые стенки небольшого, расширяющегося к середине печи пространства собственно топки, топливника: судя по скоплению золы, топливо подкладывалось и сгорало именно здесь. Центральный канал имел, по всей вероятности, кирпичное перекрытие в виде сводика, на что прежде всего указывает наклон верхних рядов кирпичей топочного устья (топливника), а также находки целых кусков этих сводиков.

Каналы (и центральный и боковые) по бокам и по низу обмазаны глиной. Вся печь была охвачена массивной каменной стенкой из бутового камня, частично сохранившейся лишь с северо-западной стороны.¹

С северо-восточной стороны к печи примыкает зольник в виде небольшой ямы.

Печь II лишь немногим отличается от описанной (рис. 226). Длина печи 3.72 м. Ее внутренняя форма менее округлая и приближается к прямоугольной с закругленными углами. Центральный канал — более правильной формы, постепенно сужающийся к концу печи. Боковых каналов здесь на одну пару больше — их всего 4 пары, из них крайняя пара в конце печи очень узка — лишь 10—13 см ширины.

Важно отметить, что внутренняя кольцевая обкладка печи, состоящая в основном из одного (по ширине) ряда горизонтально положенных кирпичей, с наружной стороны была, кроме того, обложена одним рядом кирпичей, поставленных на ребро; обкладка эта частично сохранилась с северо-западной стороны печи.

Вся северо-восточная ее сторона сохранилась очень плохо: кирпичи кладки каналов почти отсутствуют, сохранились лишь ясные следы их в глине, на которой были положены кирпичи, а небольшая часть печи с этой стороны и вовсе разрушена. Зато с юго-западной стороны печи хорошо сохранилась окружающая печь каменная стенка (своего рода каменный кожух ее), основанная на насыпи и достигающая здесь 0.75 м ширины. Между этой каменной стенкой и внутренней кирпичной кольцевой выкладкой печи оставлен небольшой промежуток (более широкий в юго-западном конце печи, уже по бокам ее), заполненный желтой глиной, превратившейся в оранжевую порошкообразную массу. То же, вероятно, имело место и в печи I.

Наружу окружающая печь каменная стенка выступает прямой линией; можно поэтому заключить, что весь этот массивный каменный футляр

¹ Следует отметить, что вся печь имеет небольшой уклон в юго-западную сторону, что вряд ли было изначальным: сама техника производства требовала, казалось бы, уклона всего канала как раз в противоположную сторону, в сторону топочного устья. Имеющийся уклон скорее всего объясняется осадкой юго-западной части печи вследствие наличия в этом месте под нею какой-либо древней ямы, в сторону которой печь и дала крен.

печи имел прямоугольные очертания. Каменную обкладку снаружи печи имела здесь и топка. Как и в печи I, позади топочного устья имелась

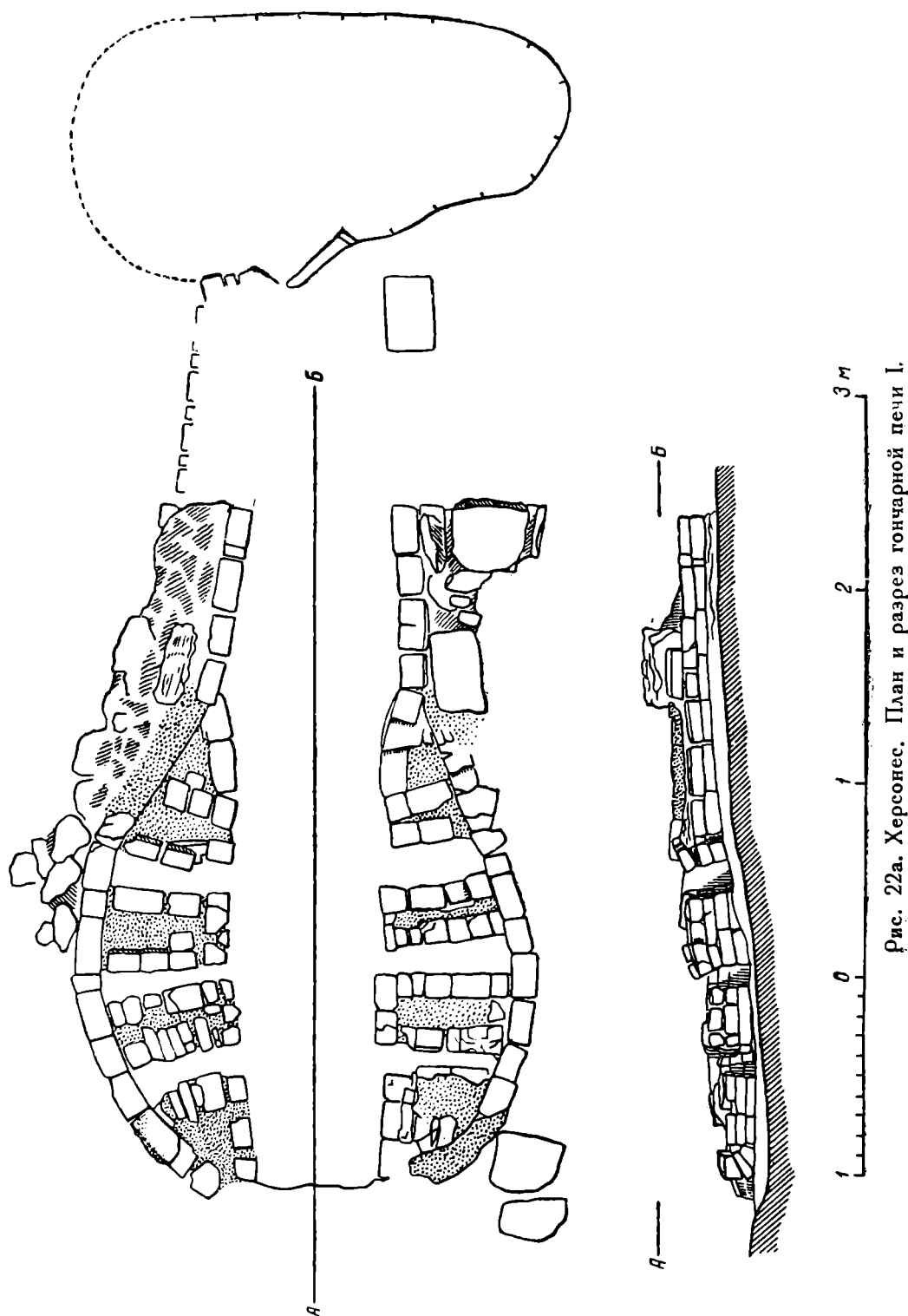

Рис. 22а. Херсонес. План и разрез гончарной печи I.

зольная яма (1.75×1.70 м), по верхнему краю также обложенная одним рядом бутового камня.

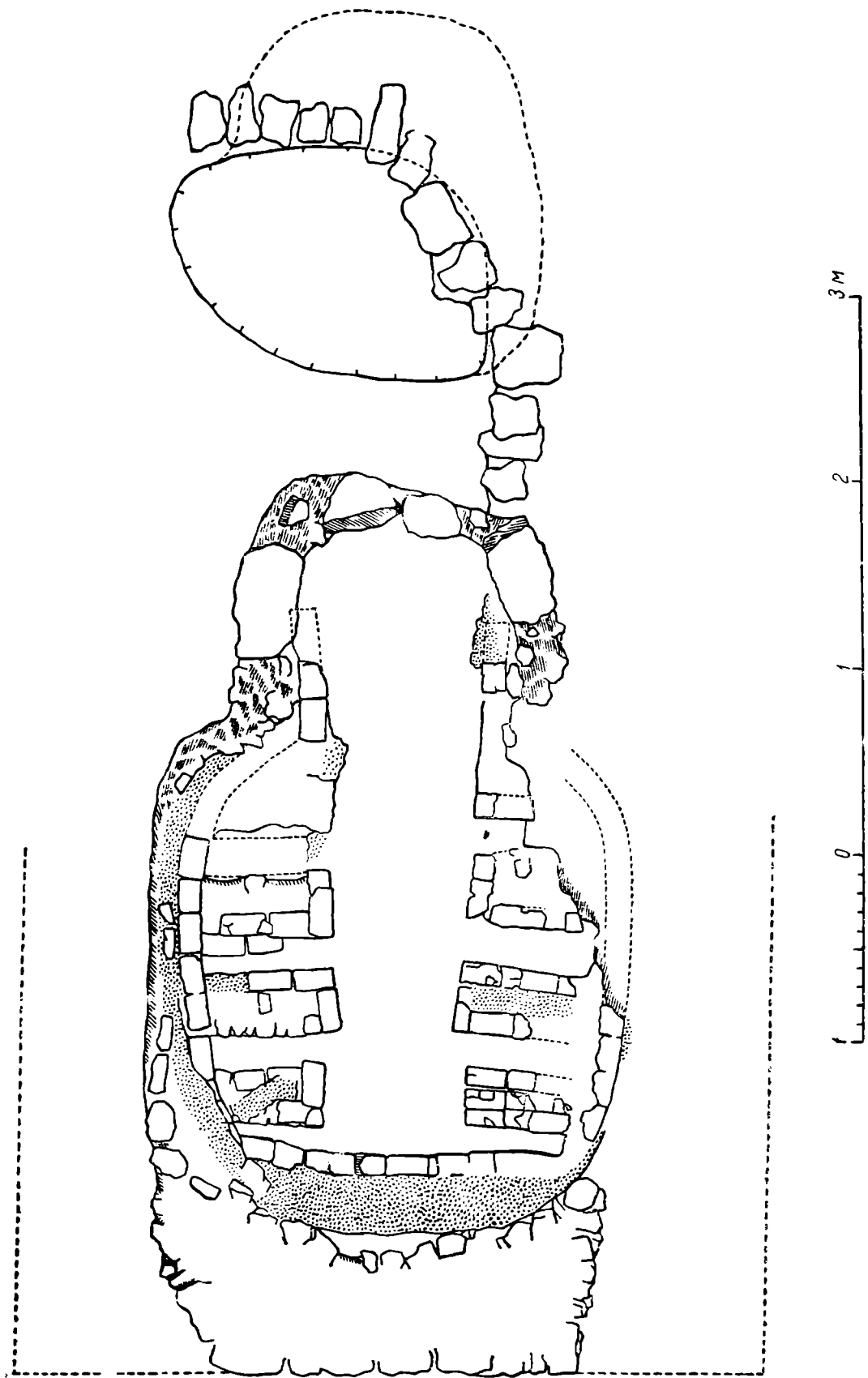

Рис. 226. Херсонес. План печи II,

То, что описано, представляет собой, как сказано, лишь нижнюю часть печей с их системой жаропроводных каналов. Над ними находилась округлая камера, где подвергались обжигу керамические изделия. Такими, как выяснилось, являлись главным образом, если не исключительно, черепицы: в смятом и слипшемся виде, иначе говоря в виде брака, они неоднократно встречались при раскопке смежных с печами помещений (пом. №№ 1, 3, 5 и др.). Печи, таким образом, предназначались для производства черепиц. Этим, несомненно, и объясняются их сравнительно большие размеры.

Обратимся теперь к выяснению устройства печей в целом. Следует при этом подчеркнуть, что сами по себе открытые остатки их не дают прямых и точных указаний для реконструкции. Приходится поэтому прибегнуть к аналогиям, пока, правда, крайне немногочисленным, и к этнографическим параллелям.

Исходя из этого материала и смысла всего дела, устройство печей и весь процесс обжига черепиц следует представлять себе в следующем виде.

Округлый корпус печей состоял из двух камер: нижней — топочной и верхней — обжигательной. Конструкция нижней топочной камеры представляет собой ряд узких кирпичных сводиков, вернее арок, перекрывавших центральный продольный топочный канал и опиравшихся на симметрично расположенные выступы боковых частей печи. Вместе с этими выступами арки служили основанием пода обжигательной камеры. Промежутки между арками и выступами образовывали ряд узких поперечных каналов, шедших более или менее параллельно во всю высоту топочной камеры (в печи I их 3, в печи II—4).

Под, к сожалению не сохранившийся, выложен был, вероятно, теми же сырцовыми кирпичами толщиной в 6 см, причем над боковыми каналами эти кирпичи, составлявшие их тонкое перекрытие, были, надо думать, уложены не сплошь, вплотную друг к другу, а с небольшими промежутками, образуя отверстия, через которые горячие топочные газы проникали снизу в обжигательную камеру. Таким образом, отверстия эти располагались рядами поперек печи, соответственно боковым каналам топки. Реальность представленной реконструкции нижней топочной камеры подтверждает большая гончарная печь (шир. 2.35—2.50 м, дл. 3.10—3.20 м), открытая в 1932 г. близ сел. Мадара в Болгарии, относящаяся к периоду первого болгарского царства, т. е. к IX—X вв.¹ Печь эта, правда, не округлой формы, а прямоугольной (вернее, слегка трапецевидной); продольных каналов в ней не один, а два, но сам принцип устройства топки в виде системы продольных каналов, перекрытых арками, и ряда поперечных каналов между ними с жаропроводными отверстиями в их перекрытии выражен здесь достаточно полно.

Принцип этот не средневекового происхождения: он уходит корнями в античность. Достаточно привести, в качестве примера, позднеримские кирпичные печи западной Германии, в Рейнской области: близ Speicher'a (к северу от Триера)² и особенно в Weisenau.³ Прямоугольность печей Speicher'a или наличие короткой стенки, продольно разделяющей топочную камеру (в Weisenau), и некоторые другие отличия не нарушают, однако, общности самого принципа устройства. Печи подобной конструкции

¹ Мадара, раскопки и проучвания, кн. II. София, 1936, стр. 25—26.

² S. Loeschke. Die römischen Ziegelöfen im Gemeindewald von Speicher. Trierer Zeitsch., VI, 1931.

³ Neeb. Bericht über die Vermehrung der Sammlungen des AltertumsMuseums der Stadt Mainz. Mainzer Zeitschr., VIII—IX, 1913—1914, стр. 129.

в позднееримский период бытовали, надо думать, и в северном Причерноморье.¹ Традиция их дошла здесь, как видим, вплоть до позднего средневековья.

Продолжая сравнение херсонесских печей с средневековой мадарской, отметим одно существенное отличие в устройстве нижней топочной камеры, именно то, что топочное устье (топливник), где сгорало топливо (по всей вероятности, древесное), так наз. *praefurnium*, устроено в Херсонесе не под обжигательной камерой, а вынесено за пределы ее: топочное устье примыкает к круглому корпусу печи с северо-восточной стороны. Этим устранялась концентрация жара лишь в одной части печи, иначе говоря, достигалось более равномерное распределение его под обжигательной камерой.² В этом смысле херсонесские печи ближе передают античную традицию керамического производства. В мадарской печи имеются и другие отличия, не меняющие, однако, сути дела. Так, например, боковые стенки ее корпуса прямые (слегка закруглена лишь задняя); вместо одного продольного канала устроено, как сказано, два; количество поперечных каналов больше (их 5).

Более существенным может показаться то, что в мадарской печи наружная каменная стенка или обкладка вовсе отсутствует; однако это не имеет принципиального значения и находит себе объяснение в местных естественных условиях. Дело в том, что значительная по высоте часть тонкого, как и в Херсонесе, кирпичного корпуса мадарской печи была довольно глубоко впущена в землю, для чего предварительно был вырыт соответствующий котлован; при этом — для лучшей теплоизоляции — между земляной стенкой котлована и кирпичным корпусом печи был оставлен узкий промежуток, заполненный, как и в херсонесских печах, утрамбованной глиной. При таких условиях в особой каменной стенке вокруг кирпичного корпуса печи нужды не было. Иное дело в херсонесских печах: здесь топочная камера была значительно менее глубоко впущена в землю, а кроме того, впущена она была не в материковую землю, а в мусорную засыпь (культурный слой). Поэтому здесь и понадобилось дополнительное сооружение каменных стенок, имевших, во-первых, значение опоры для вышележащих частей печи, а может быть и свода, и, во-вторых, значение надежной теплоизоляционной оболочки.

Значительно труднее выяснить устройство верхней округлой обжигательной камеры херсонесских печей, ибо от этой их части не сохранилось и следов. Стены ее, так же как и в нижней топочной части, состояли, вероятно, из массивного прямоугольных очертаний каменного кожуха и внутренней тонкой кольцевой кирпичной обкладки с промежутком между ними, заполненным желтой глиной. Под обжигательной камеры был, очевидно, кирпичный.³ Основным и вместе с тем наиболее трудным является вопрос о перекрытии печей. Дело в том, что в больших печах, предназначенных для обжига кирпичей и черепицы, постоянное перекрытие устраивается далеко не всегда. Печи без постоянного перекрытия встречаются и в римское время, то же самое практикуется и в современном кустарном производстве (даже в печах небольших размеров для мелкой посуды).

¹ Ср. В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. Изв. ГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 104—108.

² Ср. Сб. „Мадара“, кн. II, стр. 27.

³ В современных кирпичных печах под устраивался в виде „решетки из кирпичей, поставленных на ребро против прогаров (т. е. жаропроводных отверстий. А. Я.): промежутки между прогарами засыпаются битым кирпичом и замазываются глиной“ (В. В. Эвальд. Строительные материалы. Изд. 12, Л., 1930, стр. 148).

В таком случае изделия загружались в печь сверху и покрывались обломками посуды или теми же кирпичами (черепицами), между которыми оставляли небольшие промежутки — отверстия для дымохода; остальное замазывали глиной.

Однако в херсонесских печах такое устройство покрытия вряд ли имело место. Прежде всего для удобства загрузки обжигательной камеры сверху такое устройство покрытия предполагает глубокую посадку печей в землю; между тем херсонесские печи, как сказано, были впущены в землю очень неглубоко. С другой стороны, положительным указанием на существование постоянного покрытия служит массивный каменный кожух печи, представлявший собой достаточно надежное основание такого перекрытия. Последним, исходя из круглой формы печи, служил, вероятно, свод с отверстием для дымохода в верхней части. В таком случае загрузка изделиями обжигательной печи происходила, очевидно, через специальный загрузочный ход, устроенный сбоку печи на уровне пода обжигательной камеры. Предназначенные для обжига черепицы укладывались, вероятно, штабелями, поставленными между рядами жаропроводных отверстий пода.

Таково, в общих чертах, реконструируемое нами устройство херсонесских черепицеобжигательных печей.

Особо следует сказать о третьей гончарной печи, очень небольших размеров, расположенной по соседству с двумя описанными, в южном углу коридора № 14; печь ориентирована с СЗ на ЮВ; топочное устье ее находится с северо-западной стороны. От печи сохранились только слабые следы, дающие возможность лишь приблизительно определить ее общий контур, не больше. Однако в данном случае нам важно другое: судя по небольшому размеру печи, она предназначалась бесспорно не для обжига черепиц, а для более мелких изделий, вероятно домашней посуды. Вместе с тем важно отметить и другое: эта небольшая печь, будучи синхронной двум остальным печам (это доказывается ее стратиграфией), входила, по всей вероятности, в тот же сравнительно большой производственный комплекс. В таком случае получаем любопытное указание на отсутствие строгой специализации внутри гончарных мастерских средневекового Херсонеса рассматриваемого времени — XI—XII вв.

Что это так, подсказывает находка в Херсонесе клейм одного и того же ремесленника-гончара как на черепицах, так и на амфорах. Имею в виду клейма с именем Геор (на черепицах, неоднократно и повсеместно встречающихся в верхнем, позднесредневековом слое городища) и Гео (на одной из амфор Херсонесского музея), т. е. с именем Георгиос, ремесленника-владельца гончарной мастерской (рис. 23).

Важно отметить и другую сторону дела. Наличие довольно большого по размеру керамического производства с тремя гончарными печами предполагает, очевидно, участие в производстве нескольких мастеров и, вместе с тем, какую-то степень разделения труда между ними, иначе говоря — предполагает кооперацию труда. В отношении социальном это могло выразиться не только в привлечении владельцем мастерской наемной силы, но и в участии в производстве нескольких, скажем двух или больше, совладельцев-ремесленников. Это само по себе вероятное предположение находит некоторое подтверждение опять-таки в поздне-средневековых черепичных клеймах Херсонеса. Имеем в виду сложные по своему составу клейма, состоящие из нескольких отдельно расположенных и не связанных между собой меток, как правило, буквенных; хороший пример дает клеймо, воспроизведенное на рис. 23. Представляется наиболее правильным трактовать эти различные метки на одной

матрице-форме черепицы в качестве меток различных самостоятельных ремесленников, кооперировавшихся в одном производстве и связанных совместным владением большой гончарной печью по выделке черепиц. Иначе говоря, речь идет о существовании в позднесредневековом Херсонесе гончарных артелей по производству черепиц, подобно артелям, несомненно существовавшим в строительном деле. Артели эти были порождены самими условиями громоздкого черепичного производства: дороговизной постройки и сложностью в эксплуатации большой обжигательной печи, а может быть даже нескольких печей.

Что наше предположение о наличии таких артелей в позднесредневековом Херсонесе не искусственно, показывает этнографический материал. Так, например, по сообщению Б. А. Куфтина, в Рязанской губ. горны, т. е. большие обжигательные печи, находились в общем владении и эксплуатации нескольких „товарищей“: элемент артельной организации производства, как видим, здесь налицо. То же — на Украине: в б. Полтавской губ. гончары также нередко обжигают свои изделия, объединившись в артели.¹

В заключение отметим еще одно обстоятельство топографического характера. Как известно, гончарные мастерские исстари и в античных и в средневековых городах обычно размещались на окраине их,² часто и вовсе за пределами городской оборонительной стены.³ Вряд ли средневековый Херсонес составлял исключение: при скученности населения такое расположение мастерских было вполне целесообразно и необходимо. С большой долей вероятности можно поэтому предположить, что в XI—XII вв. район, где находились вновь открытые гончарные печи, и действительно являлся городской окраиной. Материал раскопок Херсонеса последних лет, производившихся вдоль северного берега, неоспоримо свидетельствует, что в конце X в. город пережил сильную катастрофу, в результате которой вся его северо-западная половина совершенно запустела. Вновь, и то не полностью, заселилась она, как показывают те же раскопки, спустя лишь полтора-два столетия, т. е. в XII и главным образом в XIII в. Но

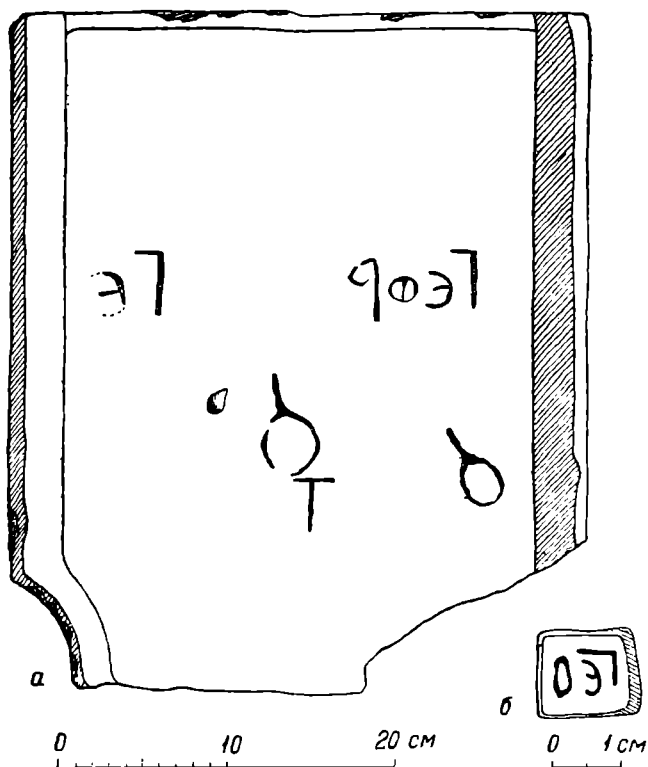

Рис. 23. Херсонес. Гончарные изделия с клеймами.

а — черепица с клеймом мастера Георгия и другими метками;
б — клеймо мастера Георгия на ручке амфоры.

¹ Б. А. Куфтин и А. М. Россова. У гончаров Дмитриевского и Воскресенского уу. Московской губ. Моск. краевед. вып. 5, М., 1928, стр. 22, 27. — И. А. Зарецкий. Гончарный промысел Полтавской губ. Полтава, 1894, стр. 106—107.

² См., напр., В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 35. Указанная выше печь в Мадара также была расположена на окраине поселения (Сб. „Мадара“, кн. 2, стр. 25, ср. стр. 29).

³ Примеры этого дает хотя бы тот же Херсонес античного времени.

началось это заселение, надо думать, раньше, — еще в XI в. Это кстати подсказывает и сам факт появления в одном из запустевших кварталов большой гончарной мастерской.

Таким образом, открытые в 1940 г. гончарные печи в какой-то мере помогают и выяснению вопроса о размерах этого запустения и о времени вновь начавшегося заселения городских кварталов позднесредневекового Херсонеса.

А. Л. Якобсон

III. СТАТЬИ

РАЗНОВИДНОСТИ БРАХИКЕФАЛИИ

„Долихокефалы“ и „брахицефалы“ — это наиболее распространенные антропологические термины. Популярность их заставляет многих наивных людей предполагать, что антропология есть по преимуществу учение о головном указателе. Однако расовая значимость данного признака давно уже подвергалась сомнению и постепенно, хотя и чрезвычайно медленно, он отступает на задний план. В частности, коллективом советских ученых разработан принцип таксономической неравноценности расовых признаков, согласно которому на первое место выдвигаются различия в строении лицевого скелета и мягких частей тела (форма волос, пигментация и пр.). Безвременно умерший А. И. Ярхо, которому наука обязана блестящей формулировкой целей и способов антропологического исследования, полагал, что с точки зрения расового анализа головной указатель является „третье- или в лучшем случае второстепенным признаком“ [39, стр. 47]. Даже для выделения своих низших классификационных единиц — рас второго порядка — Ярхо считал возможным употреблять головной указатель только в связи со многими иными физическими особенностями.

Но это — теория, которую сам Ярхо применил лишь к систематике монголоидных рас. Классифицируя же европеоидные типы, он пошел по линии наименьшего сопротивления, приняв за основу деления все тот же головной указатель. Чем отличается, например, его мезодолихокефальная средиземноморская раса от брахицефальной памирской подрасы [40, стр. 60—61]? Тем, что у одной третичный волосяной покров сильный, а у другой умеренно сильный? Или тем, что у средиземноморцев волосы волнистые, а у памирцев прямые и волнистые? Разумеется, отличия эти для дифференцирования расовых типов слишком незначительны, тогда как разница в форме головы весьма демонстративна. Ассортимент европеоидных рас Ярхо получен в сущности теми же приемами, что и классификации Рипли и Деникера. Но если такова практика одного из талантливейших теоретиков расовых вопросов, то от других антропологов нельзя многого требовать. Головной указатель в их работах все еще занимает слишком видное положение.

На сколько-нибудь решающую роль в учении о человеческих расах форма мозгового черепа может претендовать лишь тогда, когда будет более или менее точно выяснено значение внешних факторов в процессе ее онтогенеза. Известно, какую реакцию вызвало сообщение Боаса об изменении кефалометрических признаков у потомства американских иммигрантов. Злорадство профанов, усматривавших здесь крушение антропо-

логии, было грозным предостережением для специалистов, которые, однако, в массе оказались удивительно равнодушными. А в этом случае имели место относительно незначительные сдвиги, которые не могли затушевывать исходного облика. Между тем существуют причины сугубо внешнего порядка, которые во многих случаях коренным образом изменяют форму головы и тем не менее большинством антропологов игнорируются.

Самый факт широкого распространения обычаев искусственной деформации головы показывает, что последняя легко изменяется под влиянием чисто механического воздействия. Я отмечал в другом месте [19], что в числе прочих разновидностей искусственной деформации надлежит выделять также затылочную, которая является результатом длительного лежания ребенка на спине, причем голова деформируется от собственной тяжести. Во многих классификациях искусственных деформаций эта разновидность предусмотрена, но приводимые в качестве конкретных примеров формы, как правило, суть следствия двустороннего давления. Это свидетельствует о недопонимании характерных различий в способах деформирования или о недостаточно четком представлении различий морфологических. Эта деформация, по мнению Вирхова (Virchow [73]), относится к непреднамеренным. Однако сообщения ряда исследователей не оставляют сомнений в том, что народы, обычаи которых особенно способствуют возникновению данной деформации, прекрасно осведомлены о ней. Это относится к местностям, где бытует колыбель с мочеотводными приспособлениями, которую в дальнейшем я буду именовать ее турецким названием „бешик“. Так, по Вифлеемской [10], узбеки имеют специальный термин для затылочно-деформированной головы [„чузук“]. Матери-грузинки кормят ребенка, лежащего в колыбели, попеременно с обеих сторон, чтобы избежать асимметричного уплощения его головы (Джавахов [18]). Опрошенные Боасом (Boas [43]) и Вагензейлем (Wagenseil [74]) армяне и турки объясняли уплощения и асимметрии затылочной области лежанием в бешике. Интересный факт находим у Ошанина [21]. В 1923 г. отнюдь не искусственные в антропологии люди отличали пленных узбеков от туркменов именно по форме головы. Затылочно-деформированную голову узбеков они называли „арбузом“, а циркулярно-деформированную туркменскую „дыней“. Несомненно, взгляды Вирхова повлияли на то, что в новейшие классификации искусственных деформаций (Имбеллони, Айхель) затылочная деформация не включена. Все же нельзя ставить знак равенства между понятиями „искусственный“ и „преднамеренный“. Я могу привести несколько фактов, когда кольцевая деформация, которую Брэс (Bräss [44]) считал высшим этапом эволюции искусственных деформаций, была непреднамеренной (Manouvrier [59]; Petersen и Luschan [61]; Keiter [54]). Поэтому искусственной деформацией головы я называю всякое морфологическое изменение последней в послеродовой период под влиянием давления извне. Но если в специальных работах мы встречаем такое пренебрежительное отношение к затылочной деформации, то тем большая путаница царит в широкой антропологической литературе. Здесь приходится различать два периода — до появления работ Лушана и после.

В первом периоде огромное большинство исследователей (Анучин [2], Богданов [6 и 7], Вайсенберг [9], Гильченко [12], Пайсель [25], Покровский [26, 27 и 28], Тварьянович [31], Шишов [35], Эриксон [36], Chantre [46 и 47], Ikow [52], Ranke [63]) расценивают асимметрии и уплощения затылочной области как результат деформации. Исключение представляют Поротов [29], Талько-Грынцевич [30] и Шендриковский [34], которые по-

лагали, что „плоский“, как бы усеченный, „недоразвитый“ затылок, наблюдавшийся ими у бурятов, является отчасти расовым признаком. Многие (Анучин, Богданов, Вайсенберг и др.) в это время склоняются к тому, чтобы признать, что затылочная деформация несколько повышает головной указатель. Обычным приемом при этом было сравнение субъектов с деформированными и „недеформированными“ головами. Различия, как правило, получались незначительные (в 2—3 единицы головного указателя), что очень способствовало возникновению мнения, будто затылочная деформация — момент в антропологических исследованиях несущественный. И только один Икоз [52] безоговорочно относил брахицефалию караймов к последствиям деформирования, да и то позже он, повидимому, отказался от этого взгляда (Покровский [28]).

Здесь уместно привести важное методическое указание Заллера (Saller [64]). Исследуя возрастные различия в форме затылка, он нашел, что процент „прямых“ затылков резко возрастает в период полового созревания, а к старости понижается. Отсюда он заключил, что наше представление о данном признаке обуславливается не только степенью выступления заднего отдела мозгового черепа, но в значительной мере также и развитием шейной мускулатуры. От себя прибавлю, что известную роль играют также жиротложения. С другой стороны, как отмечал Зитсен (Sitsen [68]), отсутствие уплощения еще не дает повода отрицать деформацию. При мягком изголовье череп мог укоротиться и без явственного уплощения. Кроме того, не исключена и та возможность, что уже после прекращения давления уплощенное место в некоторых случаях приобретает известную кривизну.

„Роковые“ работы Лушана (Luschan [56, 57 и 58], Petersen и Luschian [61]) содержат чрезвычайно мало фактического материала. Лушан категорически отрицал влияние на форму головы обычаев привязывания ребенка на длительный срок в колыбели. В качестве единственного доказательства у него фигурирует то обстоятельство, что данные обычаи встречаются „и у короткоголовых туркменов, и у длинноголовых юрюков“. Средней головного указателя юрюков Лушан не дает, но, судя по приводимым границам вариации, это, во всяком случае, мезоцефальная группа. Количество исследованных особей незначительно. Трегер (Traeger [69]), впоследствии измеривший нескольких юрюков, пишет, что голова у них по большей части широкая и короткая. Если же принять во внимание, что на совести Лушана лежит такой грех, как светлопигментированные курды, то известный скептицизм по отношению к его данным будет не лишним. Ниже мы увидим также, что сущность дела не только в применении бешика, но и в сроках, в течение которых ребенок в нем находится.

Поспешные и необоснованные заключения Лушана перешли в учебники и через их посредство оказали пагубное влияние на многих исследователей. Отныне утверждается мнение, что уплощенный затылок весьма важный расовый признак, отличающий так наз. арменоидную (переднеазиатскую) и динарскую „расы“. Несмотря на то, что к этому времени накопился уже фактический материал, позволявший радикальным образом пересмотреть вопрос, нельзя не только заметить поступательного движения, но скорее наблюдается обратное. Если Лушан все же признавал некоторое значение затылочной деформации в генезе плагиоцефалии и крайних степеней уплощения затылочной области, то Бунак [8], который обстоятельно изучил серию армянских черепов, дошел уже до полного отрицания: о влиянии деформации на головной указатель и уплощение затылочной области у него нет ни одного слова. Объяснить же асим-

метрию затылка механическим воздействием он затрудняется за недостатком посемейных наблюдений и предпочитает этому произвольную гипотезу о метисном происхождении данной особенности. Вагензейль [74], который столкнулся с интенсивными и различными видами искусственных деформаций, совершил характерную ошибку, отбросив при обработке субъектов с асимметричной затылочной областью. С остальными он проделал обычные антропологические манипуляции, хотя и занимает в данном вопросе явно колеблющуюся позицию. Все же, несмотря на давление таких авторитетов, как Лушан, Мартин, Фишер, Бунак и Эйкштедт, некоторые авторы (Ансеров [1], Ярхо [38], Сицукало [48], Vichnewsky [71]) сумели распознать истинную причину наблюдавшихся ими морфологических изменений затылка. Другие же ухитрялись отличать „расовые“ уплощения от искусственных. Еще у Боаса, на материале которого я останавлиюсь ниже, были для этого какие-то основания. Среди армян, будто бы не подвергшихся деформированию, он нашел планокципитальных индивидов. Но Петров (Petroff [62]) никакими доказательствами не располагал. Точнее, весь материал его собственно противоречит постулированному им выводу о существовании генотипических уплощений. Ошанин первоначально не сомневался в искусственном происхождении всяческих уплощений затылочной области [21 и 22], позднее же рассматривал как искусственные только асимметрично расположенные [23 и 24]. Что называл Гинзбург „деформацией“, из его текста вообще нельзя понять, хотя он и пишет, что легко различал плоскую форму затылка от деформированного „уплощенного“ [13, стр. 92].

Перейдем к фактам. Особенно важны для нас опыты, произведенные Вальхером (Walcher [75]) и Эльзессером (Elsässer [49]) в акушерской школе Штуттгарта. Они разделили 555 новорожденных на две группы. В первой из них дети лежали на спине. Для этого употреблялись пуховые подушки, в которые глубоко погружалась голова ребенка. Другая группа детей лежала на боку, на твердых подушках из конского волоса. Измерения, производившиеся трижды (непосредственно после рождения, на третий и тринадцатый день), показали, что за этот промежуток времени у 84.1% детей, лежавших на спине, головной указатель увеличился в среднем на 3.75, а у 62.7% лежавших на боку уменьшился на 2.56. В некоторых случаях дети подвергались более длительному воздействию. Привожу цифры головного указателя в одном из наиболее показательных опытов (Elsässer [49], стр. 424, ребенок Функ):

7 ноября 1904 г.	85.14	положен на бок
28 ноября 1904 г.	84.46	
Декабрь 1904 г.	84.90	
Январь 1905 г.	81.82	
Февраль 1905 г.	81.51	
Март 1905 г.	80.90	положен на бок
Апрель 1905 г.	82.94	
Май 1905 г.	85.93	
Сентябрь 1905 г.	90.07	положен на бок
Октябрь 1905 г.	88.84	
Декабрь 1905 г.	88.88	
Январь 1906 г.	90.14	больше не мог быть удержан в опреде- ленном положении.

Опыты Вальхера позднее с тем же успехом повторил Крузе (Kruse [55]). Базлер (Basler [42]), обследовавший через 20 лет нескольких субъектов из числа подвергнутых Вальхером деформированию, установил, что они в общем сохранили полученную искусственным путем форму головы.

Почти в экспериментальных условиях протекали исследования Вифлеемской [10] и Гершеновича [11], которые имели возможность сравнить детей узбеков, лежавших и не лежавших в бешике. Разница в головном указателе достигала при этом 8—9 единиц. Большие различия в головном указателе детей и взрослых узбеков показывают, какое влияние на окончательную форму головы имеют процессы, происходящие после исчезновения деформирующего давления. Боас [43] располагал в высшей степени благодарным материалом антропометрического обследования 23 армянских семей, проживавших в Нью-Йорке. Часть исследованных провела детство в Малой Азии и подверглась затылочной деформации, остальные, родившись в Америке, имели, по мнению Боаса, недеформированные головы. Разница в головном указателе этих двух групп равнялась 5 единицам. Обращает на себя внимание тот факт, что среди 57 детей, родившихся в Америке, 16 (28%) имели гипербрахикефальные указатели. Естественно поэтому предположить, что обычаи армян, результатом которых является деформация, в Америке исчезли не окончательно. Они или проявляются в смягченной форме, или в своем полном выражении культивируются лишь известной частью популяции. Это последнее более вероятно, так как Боас пишет о наличии планокципитальных форм головы. Внимание Ансерова [1] привлекла „своеобразная форма“ головы талышей — резкое, часто асимметричное уплощение затылка и сильная покатость лба. Она чаще встречалась у талышей низменности, чем у горных. Исследователь ставит это явление в связь с различиями в уходе за ребенком. У обеих групп бытует бешик, но у горных талышей период, в течение которого ребенок привязывается, значительно короче, чем у талышей низменности, так как женщины заняты преимущественно домашней работой и могут постоянно присматривать за детьми. Головной указатель талышей низменности на 3 единицы больше, чем у горных. Гинзбург [13] при исследованиях горных таджиков нашел, что у „недеформированных“ субъектов корреляция между продольным и поперечным диаметрами головы положительна, а у деформированных отрицательна. Ярхо [37] обнаружил высокую отрицательную межгрупповую корреляцию продольного и поперечного диаметров головы у народностей Закавказья. Вывод его, к сожалению, диаметрально противоположен тому, который следовало бы сделать. Таким образом, можно считать доказанным, что затылочная деформация влияет не только на строение затылочной области, но и на форму черепа в целом, в направлении его брахикефализации. Количественная сторона вопроса остается, однако, неясной.

Для освещения ее я прибегнул к методу, предложенному американским антропологом Шапиро (Schapiro [67]). Он твердо установил факт высокой корреляции между длиной основания и наибольшим продольным диаметром черепа. Межгрупповой коэффициент корреляции, по его данным, равняется $+0.65$, внутригрупповые колеблются в пределах от $+0.42$ до $+0.63$.

Вычислив регрессию, Шапиро указывает тем самым путь для коррекции наибольшей длины искусственно деформированных черепов.

Отмечу, что наибольшую ширину черепа было бы естественно регистрировать по ширине основания. Но нельзя винить Шапиро, что он этого не сделал. Во всей краниологической литературе вряд ли набрался бы в то время десятков серий, где был бы измерен биаврикулярный диаметр. Поэтому для вычисления истинной ширины черепа привлечен указатель черепного модуля: модуль, умноженный на 100 и деленный на величину наибольшего продольного диаметра. Межгрупповой коэффи-

циент корреляции этого указателя и наибольшего поперечного диаметра равен, согласно Шапиро, +0.71.

Шапиро подобрал серии, послужившие материалом для вычисления формул коррекции, не вполне удачно. В число их попали явно деформированные черепа малайцев, яванцев, мориори. Используются данные Вейсбаха, который измерял высоту не до брегмы, а наибольшую. Некоторые чисто статистические ошибки (или опечатки?), имеющиеся в цитируемой работе, не имеют существенного значения. Гораздо важнее недоразумение методического порядка. Шапиро исходил из предположения, что уменьшение длины черепа компенсируется соответственным увеличением поперечного и высотного диаметров. Однако нельзя представлять череп как систему координат. Затылочно и лобно-затылочно деформированные черепа отличаются от недеформированных качественно иным строением. У последних наибольшая ширина располагается, как правило, в области чешуйчатых швов, кверху же черепа суживаются и сзади имеют „домо“- или даже „крышеобразный“ вид. Указанные же две категории деформации способствуют тому, что черепа, будучи рассматриваемы сзади, обладают подквадратной или даже трапециевидной формой. Это указывает на своеобразный характер компенсации. Именно расширяются в данном случае преимущественно верхние отделы свода, и таким образом абсолютные размеры наибольшего поперечного диаметра нарастают далеко непропорционально укорочению черепа. Выражения „усеченный“ или „срезанный“ затылок довольно точно отображают действительность. Кроме того, по той же причине сомнительно, чтобы затылочная деформация сколько-нибудь значительно отразилась на диаметре базион-брегма. Таблица 1 иллюстрирует сказанное. Приведенные в ней данные относятся к двум сериям черепов взрослых мужчин, которые я исследовал в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР.

Т а б л и ц а 1

Народность	Степень уплощения затылка	Наибольшая длина (1)	Длина основания (5)	Наибольшая ширина (8)	Бивакульярный диаметр (11)	N
Узбеки	0—1	186.—	104.43	143.57	131.57	7
	2	177.43	100.43	145.71	129.71	14
	3—4	171.75	100.38	146.31	131.—	16
Русские современные	0—1	183.41	101.62	145.26	126.71	34
	2	178.91	101.33	145.55	127.06	33
	3—4	172.67	101.—	145.80	124.60	15

Степень уплощения затылочной области оценивалась пятью баллами (0—4), причем отметка „0“ означает отсутствие уплощения, а „4“ — его крайнюю выраженность.

В противоположность мнению Айхеля (Aichel [41]), необходимо заметить, что центром уплощения при затылочной деформации является область ламбды и лишь в исключительных случаях уплощения находятся ниже. Я обследовал для выяснения этого свыше 4000 черепов и, кроме того, могу сослаться на наблюдения других исследователей, например Бунака и Ансерова. Последний полагал, что затылочные уплощения не влияют на длинотные размеры черепа, так как редко охватывают всю затылочную область, располагаясь обычно выше наружного затылочного бугра. Напомню, что опистокранион помещается, как правило, в передней половине или трети верхней чешуи, которая как раз деформируется особенно сильно. Рентгенограммы Айхеля, по всей вероятности, указывают лишь на постепенное перемещение давления по мере уплощения затылочной области.

Вычисленные на том же материале коэффициенты корреляции (табл. 2) подтверждают еще раз выставленное мною положение.¹

Таблица 2
Коэффициенты корреляции

	Узбеки N 37	Русские N 82
Продольный диам. $\times$ ст. уплощения	—0.70	—0.57
Поперечный диам. $\times$ ст. уплощения	+0.27	+0.06
Черепной ук. $\times$ ст. уплощения	+0.65	+0.60

В ближайшее время вряд ли удастся точно установить влияние затылочной деформации на поперечник черепа. Поэтому я беру пока минимальные цифры: 2 мм для серий, где средний балл уплощения затылка больше 2 или укорочение продольного диаметра превышает 5 мм, и 1 мм для серий с меньшей деформацией. В табл. 3 даны результаты коррекции наибольшей длины и ширины различных в той или иной степени деформированных мужских черепов, частично измеренных мною лично, частью же заимствованных из литературы. Так, я воспользовался данными Богданова по ирани [6], абхазцам [5], шапсугам [5], натухайцам [5] и русским Москвы [4]. О других же сериях будет сказано ниже. В последних вертикальных графах приводятся два варианта черепного указателя. Первый из них вычислен из скорректированных методом Шапиро диаметров. Для получения второго я вводил оговоренную выше минимальную поправку для наибольшей ширины черепа, корректируя по Шапиро величину продольного диаметра.

¹ Петров [62], исследуя ирани, получил коэффициенты корреляции между степенью уплощения затылка и а) длиной головы = —0.76, б) шириной головы = +0.65 и в) головным указателем = +0.71. Достоверность этих данных сомнительна. Вычислены они на весьма небольшом материале (N = 59), а так как наблюдения производились на живых субъектах, то ошибочные определения формы затылочной области были неизбежны.

Таблица 3

№№ п.п.	Группы	N	Черепн. указ. 8:1	Продольн. диам. 1	Поперечн. диам. 8	Высотн. диам. 17	Длина основ. 5	Степень уплощен- ия (средний бал)	Коэфф. корреляции		Корректированные			
									продольн. диам. × поп. диам.	продольн. диам. × д.л. осн.	продольн. диам.	поперечн. диам.	черепн. I указ.	черепн. II указ.
1	Узбеки Ташкента	37	82.54	176.59	145.57	135.62	101.16	2.16	-0.23	+0.68	182.—	139.97	76.91	78.88
2	Таджики	11	85.—	174.—	147.55	137.—	101.55	2.64	—	—	182.58	139.85	76.60	79.72
3	Ирани (Богданов [6]) . .	13	82.54	174.31	143.62	135.85	100.46	—	—	—	180.96	139.72	77.21	78.26
4	Авары	9	81.78	178.56	145.67	135.44	102.—	1.89	—	—	183.25	139.74	76.26	78.95
5	Абхазцы (Богданов [5])	9	83.56	175.—	146.11	138.67	102.78	—	—	—	184.41	139.25	75.51	78.15
6	Шансуги (Богданов [5])	27	78.15	181.37	141.67	138.30	103.48	—	—	—	185.46	139.06	74.98	75.31
7	Натухайцы (Богданов [5]) .	14	75.21	188.29	141.64	139.29	107.21	—	—	—	191.01	138.04	72.27	73.63
8	Караимы	12	83.75	175.33	146.92	129.58	98.50	2.25	—	—	178.04	140.71	79.03	81.40
9	Армяне (Бунак [8])	93	83.99	173.04	145.16	134.98	100.38	—	+0.25	+0.48	180.84	139.99	77.41	—
10	„Арменониды“ Кипра (Fürst [50])	28	83.61	173.—	143.96	135.79	98.32	—	—	—	177.08	141.35	79.82	—
11	То же, вероятные мужч.	16	82.63	175.13	143.56	136.63	100.38	—	—	—	180.84	140.06	77.45	—
12	Чехи (Schiff [65])	89	82.62	176.33	145.67	131.85	98.82	—	+0.25	+0.49	178.51	140.87	78.91	81.04
13	Русские современные . . .	82	81.—	179.62	145.48	133.62	101.39	1.71	+0.35	+0.42	182.34	139.99	76.77	79.24
14	Русские Томска XVI —													
15	XIX вв. (Чугунов [33]) . .	97	79.54	180.98	143.75	137.45	102.82	—	+0.10	+0.51	184.47	139.64	75.70	77.38
16	Русские Москвы XV —	52	79.50	177.57	141.19	132.12	99.27	—	+0.48	+0.42	179.18	140.01	78.14	77.68
17	XVIII вв. (Богданов [4]) .	23	85.39	182.04	155.43	131.13	103.78	1.87	—	—	185.90	140.13	75.38	83.07
18	Индейцы квакиутл и нутка (Oetteking [60])	101	76.22	183.41	139.62	131.91	100.58	—	+0.05	+0.39	181.13	139.85	77.21	—
19	Темная деформация (Buxton [45] и Fürst [50]) . .	8	83.—	182.38	151.31	135.69	103.69	—	—	—	185.77	140.35	75.55	—
20	Андроновцы (Дебец [16]) .	19	77.58	187.53	145.37	138.37	105.47	—	—	—	188.42	139.50	74.04	—
21	Карасукцы (Дебец [16]) .	12	80.50	180.08	145.33	131.83	101.—	—	—	—	181.76	139.98	77.01	—
	Тагарцы (Дебец [15]) . .	63	76.51	185.83	141.92	134.84	103.25	—	+0.02	+0.18	185.11	139.43	75.32	—

Из первых трех горизонтальных граф мы узнаем, как неблагоприятно обстоит дело с антропологией Средней Азии. „Царство брахикефалов“ (Богданов [7]) оказывается областью распространения псевдобрахикефалии, обусловленной затылочной деформацией. Памиро-альпийская (памиро-ферганская) раса здесь бесславно кончает свое существование. То же зрелище представляют и другие народы, у которых бытует бешик (табл. 3, графы 4—8). Любопытно, что удалось существенно корригировать мезокранных абхазцев и почти долихокранных натухайцев. В цитированной выше работе [19] я отмечал, что в Закавказье и Малой Азии широко распространена комбинация затылочной деформации с кольцевой. Это подтверждается не только антропологическим анализом, но и многочисленными этнографическими наблюдениями (Покровский [27], Тварьянович [31], Эриксон [36]). Вот что пишет Тварьянович об армянах [31, стр. 144—148]: „Деформации черепа встречались весьма часто, что обуславливается вероятнее всего головной повязкой, которую накладывают новорожденным детям во многих армянских семействах, а также этому способствует и привязывание их к колыбели“. Итак, основные особенности арменоидной или переднеазиатской „расы“ — брахи- и акрокранию, наклонный лоб и уплощенный затылок — надлежит приписать последствиям искусственного и, вероятно, часто преднамеренного деформирования (графа 9). Оговорка относительно непропорциональной компенсации здесь неприменима, так как круговые повязки препятствуют расширению верхней части черепного свода. Недаром такой добросовестный исследователь, как Ошанин, был чрезвычайно удивлен тем, что у иранцев и азербайджанцев „совершенно не-арменоидная форма мозговой коробки (округлый, выдающийся назад затылок и невысокий, выпуклый лоб) сочетается с ярко выраженным арменоидным *habitus*’ом (обильная растительность, типично „ассироидный“ нос)“ [23, стр. 171]. „Арменоидов“ в позднебронзовом периоде Кипра правильно диагностировал Фюрст (Fürst [50]). Искусственное происхождение их особенностей тем более несомненно, что в материалах Фюрста есть несколько резко деформированных черепов, распознанных самим автором. Коррекция первоначально дала плачевный результат (графа 10), но при детальном рассмотрении выяснилось, что Фюрст при определении пола невероятно преувеличил количество мужчин, которых у него оказалось 66 на 28 женщин. Поэтому я по фотографиям и описаниям отобрал 16 более или менее вероятных мужских черепов, исправленный черепной указатель которых приближается к истинному (графа 11). К сожалению, мне не удалось найти характерной для динарской „расы“ серии. Пришлось использовать чехов Шиффа (Schiff [65]), брахикрания которых лишь отчасти объясняется деформацией (графа 12).

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о средневековой брахикефализации. Сущность этого явления, как известно, заключается в том, что сплошь долихокефальная в эпоху раннего средневековья Европа к концу первого тысячелетия начинает постепенно брахикефализоваться. Многочисленные попытки объяснения этого любопытного факта были по большей части бездоказательными. Гуг (Hug [51]) в весьма основательном труде доказал полную неприемлемость тех из них, которые строились на предположении об изменении наследственных свойств брахикефализовавшихся популяций благодаря метисации или миграциям. Замечательно, что в последнее время данный процесс принял, повидимому, обратное направление: европейцы XIX в. долихокефальней своих предков, живших в XVI—XVIII вв. Числа, приведенные в графах 13—15, указывают, что некоторую роль в брахикефализации сыграла также искусственная де-

формация. Действительно, было бы странно предполагать, что морфологические изменения затылочной области и черепа в целом связаны только с бешиком. Еще Иков (Покровский [27 и 28]) нашел значительный процент затылочно-деформированных черепов среди костных останков древних восточных славян и москвичей XV—XVIII вв. Ранке [63] отметил на черепах баварцев XIX в. около 60% имевших уплощенный затылок. Сюда же присоединим наблюдение Чепурковского (Tchepourkovsky [70]), согласно которому головной указатель у русских детей в возрасте от 1 до 6 месяцев увеличивается. Наконец, опыты Вальхера и Крузе имеют тут решающее значение. Пеленание ребенка обуславливает почти такую же неподвижность его, как и привязывание к колыбели. Надо учесть, кроме того, вероятное широкое распространение рахита как следствие средневековой урбанизации. Конечно, деформация была в этом случае непреднамеренной, хотя, например, слова Везалия¹ наводят на размышления. Однако мне кажется, что деформация и рахит еще не решают данной проблемы. Очень возможно влияние других факторов — уменьшения абсолютных размеров тела и зависящего отчасти от последнего укорочения основания черепа.

Коррекцию бурятских черепов (графа 16) я привел с целью продемонстрировать границы применения метода Шапиро. Хотя степень уплощения затылка у них довольно велика и безусловно вызвана механическим воздействием, но непомерно малая величина коррегированной ширины черепа по сравнению с относительно слабо изменившейся длиной говорит о том, что брахикrania этой серии расовая и искусственной деформацией только усилена.

Дальше даны группы с иными видами деформации. Черепа индейцев квакиутл и нутка отличаются довольно чистой кольцевой деформацией, под влиянием которой они, возможно, претерпели некоторое удлинение (графа 17). Очевидно, только сильные степени кольцевой деформации могут заметно отозваться на черепном указателе. Опасность здесь подстерегает антропологов с другой стороны. Покатый лоб циркулярно-деформированных черепов, особенно относящихся к низкой разновидности, иногда принимался за неандерталоидный и часто за расовый признак. Не будем вспоминать старых ошибок, но нельзя пройти мимо их повторения в новейшей литературе. Выше говорилось, что кольцевая деформация осталась нераспознанной у „арменоидов“. Не понял также с чем имеет дело Скрейнер (Schreiner [66]), в капитальной работе которого о норвежских черепах имеется целый ряд фотографий, изображающих различные степени кольцевой деформации. В том же повинен Кейтер [54], который неудачно пытается отрицать искусственное происхождение покатых лбов у исследованных им немцев восточного Шлезвига. Для решения вопроса, в какой мере отражается теменная деформация на абсолютных размерах черепа, я использовал данные Бакстона (Buxton [45]) и Фюрста [50] о черепах эпохи бронзы. 7 из них — кипрские и 1 — критский. Из графы 18 видно что большее, чем при затылочной деформации, увеличение черепного указателя происходит у них за счет чрезвычайного расширения черепа.

Подведем итоги. В Европе и советской Азии существуют 4 разновидности брахикефалии: 1) истинная брахикефалия, обусловленная расо-

¹ „Germani compresso plerumque occipitio et lato capite spectantur, quod pueri in cunis dorso semper incumbant ac manibus fere citra fasciarum usum, cunarum lateribus utrinque a ligantur“ и т. д. (цит. по Вирхову [72, стр. 133]).

вым уширением головы, которая встречается у некоторых монголоидных народностей Центральной и Средней Азии — бурятов, монголов, киргизов, казахов, хакасов и пр.; 2) псевдобрахикефалия, причиной которой является сильная затылочная деформация; она очень распространена в настоящее время в Средней Азии, но часто встречается за пределами последней, достигая на западе Балканского полуострова; 3) псевдобрахикефалия, возникающая в результате комбинированного действия затылочного и кольцевого деформирования; локализуется по преимуществу в Передней Азии и Закавказье; 4) „переходящая“ брахикефалия, зависящая помимо относительно слабой затылочной деформации также и от иных, но отнюдь не расовых факторов; вся Европа в той или иной степени охвачена ею. С тремя последними формами связано существование многих, более или менее общепризнанных „рас“ — памиро-ферганской, арменюидной, динарской, альпийской и пр. Вывод напрашивается сам. Систематика европеоидных рас построена на неправильной основе и нуждается в коренной переработке.

Мне могут возразить, что европейская брахикефалия — явление палеолитической древности и что можно проследить отличительные признаки некоторых из вышеуказанных „рас“ на тысячелетия назад. В обсуждение палеолитических находок я не буду входить, так как они до сих пор слишком малочисленны. Укажу только, что происхождение брахикефалии эпохи древнекаменного века сводится все к тем же периодическим моментам. Так, например, черепам из Офнет свойственна необычно малая длина основания, откуда хочется сделать вывод о крайней низкорослости их обладателей. Гренельские черепа и один из солютрейских имеют резко уплощенные затылки. Брахикефалов средневропейской культуры колоколовидных сосудов Янковский (Jankowsky [53]) правильно отнес к динарской „расе“. То же следует сказать о брахикранных черепах из „круглых курганов“ Англии и катакомбных погребений эпохи бронзы в южнорусских степях. Что касается последних, то Дебец [17] опубликовал только краткую метрическую характеристику, а я не имел возможности осмотреть черепа им исследованные. Однако из 10 других черепов, изученных мною, 9 циркулярно и затылочно деформированы, а десятый мезо- или даже долихокранен. Остановлюсь еще на „смене рас“, происшедшей в Минусинском крае в эпоху бронзы. Следуя букве выводов Дебца [16], мы насчитаем 5 (!) миграций. Но в число измеренных им андроновских черепов вошло 2 сильнейшим образом парietoально деформированных; также и другие черепа несут следы теменной и затылочной деформации. Вычисленная поправка (графа 19) снижает черепной указатель. Некоторую наклонность андроновцев к брахикефалии я приписываю в основном искусственной деформации, не отрицая, что тут могли примешаться также истинно брахикефальные элементы. Значение последних в карасукской серии может быть несколько больше. Во всяком случае мы встречаем тут особей с коротким черепом (графа 20). Для тагарцев характерно резкое нарушение корреляции между наибольшим продольным диаметром и длиной основания (графа 21). Неоднородность этой группы была констатирована самим Дебцом [15], но позволительно усомниться в предполагаемом им происхождении этой популяции путем метисации между карасукцами и вернувшимися на родину афанасьевцами. Предпринятое мной исследование показало наличие узкой формы теменной деформации, в какой-то мере удлинявшей череп, и затылочной деформации, действовавшей в обратном направлении. Итак, для объяснения расовых различий населения Минусинского края в эпоху бронзы достаточно допустить, что иммигрировавшим элементом были

носители карасукской культуры, которых нельзя рассматривать как промежуточную стадию между андроновцами и тагарцами.

В советской литературе я нашел еще две псевдобрахикранных серии. Это „усуни“, опубликованные Трофимовой [32], и черепа из Зливкинского могильника, описанные Ануциным [3] и Дебецом [14].

Л и т е р а т у р а

Сокращения: АВ—Антропологическая выставка; АЖ—Антропологический журнал; Изв. ОЛЕАЭ—Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; АА—*Anthropologischer Anzeiger*; АФА—*Archiv. f. Anthropologie*; ZMA—*Zeitschrift für Morphologie u. Anthropologie*.

1. Ансеров Н. И. Талыши. Баку, 1932. — 2. Ануцин Д. Н. Армяне в антропологическом отношении. Сб. „Братская помощь пострадавшим в Турции армянам“, изд. 2, М., 1898. — 3. Ануцин Д. Н. О черепах из курганов и могильников Изюмского у. Тр. XII Археол. съезда, т. I, 1905. — 4. Богданов А. П. Черепа из старых московских кладбищ. АВ, т. II. — 5. Богданов А. П. О черепе из кавказских дольменов и о черепах из кавказских курганов и могил. АВ, т. III. — 6. Богданов А. П. Краниологические заметки относительно туркестанского народонаселения. Изв. ОЛЕАЭ, т. XLIX, 1886—1887. — 7. Богданов А. П. Антропометрические заметки относительно туркестанских инородцев. Изв. ОЛЕАЭ, т. XXXIV, 1888. — 8. Бунак В. В. *Crania armenica*. М., 1927. — 9. Вайсенберг С. Караимы. Русск. антр. журн., 1904, № 1—2. — 10. Вифлеемская Э. Я. Форма черепа узбекского ребенка в связи с некоторыми особенностями его воспитания (бешик). Мед. мысль Узбекист., т. V, № 2—3, 1930. — 11. Гершенович Р. С. О деформации затылка у узбекских грудных детей. Тр. Ср.-Аз. унив., сер. XII-в, вып. 2, 1929. — 12. Гильченко Н. В. Материалы для антропологии Кавказа, I. Осетины. Дисс., СПб., 1890. — 13. Гинзбург В. В. Горные таджики. Л., 1937. — 14. Дебец Г. Черепи с верхнесалтвского могильника. Антропол., IV, 1930. — 15. Дебец Г. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии. Сов. Азия, 1931, кн. 5—6. — 16. Дебец Г. Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя. АЖ, 1932, № 2. — 17. Дебец Г. Ф. Материалы для палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье. АЖ, 1936, № 1. — 18. Джавахов А. Н. Антропология Грузии, I. Грузины Карталиннии и Кахетии. М., 1908. — 19. Жиров Е. В. Об искусственной деформации головы. Краткие сообщ. ИИМК, № 8, 1940. — 20. Ошанин Л. В. Тысячелетняя давность долихокефалии у туркмен. Изв. Средазкомстариса, вып. 1, 1926. — 21. Ошанин Л. Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен. Изв. Средазкомстариса, вып. 3, 1928. — 22. Ошанин Л. В. Материалы по антропологии Средней Азии. Узбеки Хорезма, ч. II. Бюлл. Ср.-Аз. унив., № 17, 1928. — 23. Ошанин Л. В. Иранские племена Западного Памира. Ташкент, 1937. — 24. Ошанин Л. В. и Ясевич В. К. Материалы по антропологии населения Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1929. — 25. Пайсель В. Э. Материалы для антропологии таранчей. Дисс., СПб., 1897. — 26. Покровский Е. А. О деформациях черепа в пределах России. АВ, т. III. — 27. Покровский Е. А. Физическое воспитание детей у разных народов. М., 1884. — 28. Покровский Е. А. Влияние колыбели на деформацию черепа. Изв. ОЛЕАЭ, т. XLIX, 1886—1887. — 29. Порохов М. Т. К антропологии бурят. Буряты-аларцы. Дисс., СПб., 1895. — 30. Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии, вып. 1, Л., 1926. — 31. Тварьянович Н. К. Материалы к антропологии армян. Дисс., СПб., 1897. — 32. Трофимова Т. Краниологический очерк татар Золотой Орды. АЖ, 1936, № 2. — 33. Чугунов С. Материалы для антропологии Сибири, XV. Антропологический состав населения г. Томска. Томск, 1905. — 34. Шендриковский И. И. Материалы к антропологии бурят (селенгинцев). Дисс., СПб., 1894. — 35. Шишов А. Сарты, ч. II. Антропол. Сб. мат. для статист. Сыр-Дарьинск. обл., т. XII, 1905. — 36. Эрикссон Э. В. Джебраильский у. Елисаветпольской губ. Тр. Антр. общ. при Военно-мед. акад., т. VII, 1912. — 37. Ярхо А. И. Ганджинские тюрки. АЖ, 1932, № 2. — 38. Ярхо А. И. Антропологический состав турецких народностей Ср. Азии. АЖ, 1933, № 3. — 39. Ярхо А. И. О некоторых вопросах расового анализа. АЖ, 1934, № 3. — 40. Ярхо А. И. Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет (1924—1934). АЖ, 1936, № 1. — 41. Aichel O. Die künstliche Schädeldeformation. ZMA, Bd. XXXI, 1932. — 42. Basler A. Über den Einfluss der Lagerung von Säuglingen auf die bleibende Schädelform. ZMA, Bd. XXVI, 1927. — 43. Boas F. Bemerkungen über die Anthropometrie der Armenier. Zeitschr. f. Ethn., 1924, H. 1/4. — 44. Bräss M. Beiträge zur Kenntnis der

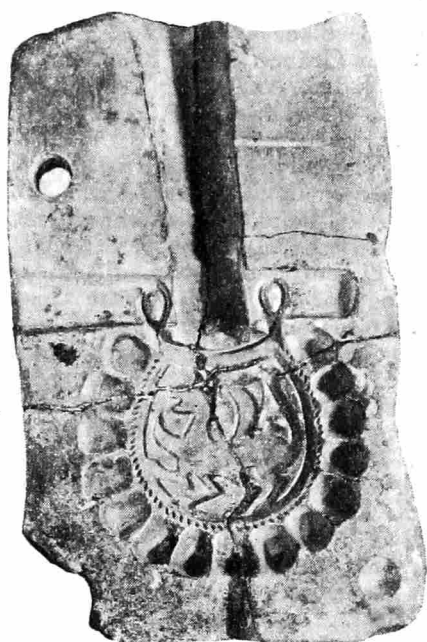
künstlichen Schädelverbildungen. Mitteil. d. Vereins f. Erdkunde zu Leipzig, 1886/1887. — 45. Buxton L. H. D. Künstlich deformierte Schädel von Cypern. AA, Jahrg. VII, 1930—1931. — 46. Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase, т. IV. Paris—Lyon, 1887. — 47. Chantre E. Recherches anthropologiques dans l'Asie occidentale. Arch. Mus. d'Hist. nat. Lyon, VI, 1895. — 48. Čučukalo Ć. J. Rekové Mariupo'stie. Anthropol. VII, 1930. — 49. Elsässer K. Zur Entstehung von Brachy- und Dolichocephalie durch willkürliche Beeinflussung des kindlichen Schädels. Zentralbl. f. Gynäkol., 1906, № 5. — 50. Fürst C. M. Zur Kenntnis der Anthropologie der prähistorischen Bevölkerung der Insel Cypern. Lund, 1933. — 51. Hug E. Die Schädel der frühmittelalterlichen Gräber. ZMA, Bd. XXXVIII, 1940. — 52. Ikow C. Neue Beiträge zur Anthropologie der Juden. AFA, Bd. XV, 1884. — 53. Jankowsky W. Waren die Glockenbeerleute dinarischer Rasse? AA, Jahrg. VIII, 1931. — 54. Keiter F. Schwansen und die Schlei. Jena, 1931. — 55. Kruse W. Die Deutschen und ihre Nachbarvölker. Leipzig, 1929 (Цит. по Гугу, [51]). — 56. Luschan F. Die Tachtadchy und andere Überreste der alten Bevölkerung Lykiens. AFA, Bd. XIX, 1890. — 57. Luschan F. The Early Inhabitants of Western Asia. Journ. Royal Anthropol. Inst., V, XLI, 1911. — 58. Luschan F. Völker, Rassen, Sprachen. Berlin, 1922. — 59. Manouvrier. Sur les déformations artificielles du crâne dans le Limousin. Bull. Soc. d'Anthrop. Paris, T. XII (III sér.), 1889. — 60. Oettinger B. Craniology of the North Pacific Coast New York, 1930. — 61. Petersen E. u. Luschan F. Reisen in Lykien, Milyas und Kibyrtis. Wien, 1889. — 62. Petroff G. Zur Frage von der Schädelformation unter der Beeinflussung der Kinderwiege. ZMA, Bd. XXIX, 1931. — 63. Ranko J. Ueber altperuanische Schädel von Ancon und Pachacamac. Abhandl. math.-phys. Cl. Bayer. Akad. Wissensch., Bd. XX, 1900. — 64. Saller K. Die Fehmaran r Jena, 1930. — 65. Schiff F. Beiträge zur Kraniologie der Czechen. AFA, NF, Bd. XI, 1912. — 66. Schreiner K. E. Crania norvegica. I. Oslo, 1939. — 67. Shavilo H. L. A. Correction for Artificial Deformation of Skulls. Amer. Mus. Nat. Hist., v. XXX, p. 1, 1930. — 68. Sitsen A. E. Über die Schädelform der Javaner. AA, Jahrg. XI, 1934. — 69. Traeger P. Die Jürüken und Konjaren in Makedonien. Zeitschr. f. Ethn., 1905. — 70. Tschepourkovsky E. Anthropologische Studien. AFA, Bd. X, 1911. — 71. Vichniewsky B. Anthropologische Untersuchungen in Mittelasien. Inst. Intern. d'Anthr. III, Sess. Amsterdam, Paris, 1928. — 72. Virchow. Beiträge zur physischen Anthropologie der Deutschen. Abhandl. Akad. Wissensch. Berlin, 1877. — 73. Virchow R. Crania ethnica americana. Berlin, 1892. — 74. Wagenseil F. Anthropologische Untersuchungen an anatolischen Türken. ZMA, Bd. XXIX, 1931. — 75. Walcher G. Über die Entstehung von Brachy- und Dolichocephalie durch willkürliche Beeinflussung des kindlichen Schädels. Zentralbl. f. Gynäkol., 1905, № 7.

Е. В. Жиров

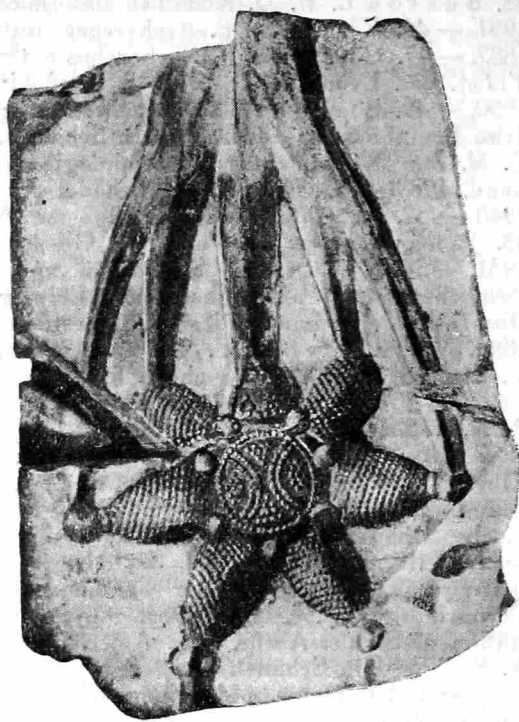
Институт этнографии
Академии Наук СССР

ТАЙНИК ПОД РАЗВАЛИНАМИ ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ В КИЕВЕ

В западной части центрального нефа развалин Десятинной церкви раскопками Киевской экспедиции Института археологии Академии Наук СССР в 1939 г. было найдено погребение, ориентированное головой на запад, в деревянном гробе, без вещей. Еще до разборки этого погребения было установлено, что могильное пятно врезается в какое-то более широкое гумусное пятно, ясно выделяющееся среди светложелтого материкового лёсса. Зачистка этого пятна позволила установить, что это квадратная в плане яма, заполнение которой, начиная с глубины в 0.20—0.30 м, состоит в основном из обломков древних строительных материалов: кирпича, раствора, камня, половых плиток с поливой, обломков шифера, мрамора, фрагментов фресок и пр. Среди этих строительных материалов попадались в большом количестве железные кованые гвозди, петли и бесформенные куски перержавевшего железа, фрагменты древних круглых оконных стекол с загнутым бортиком, нередко искривленных от действия огня, куски расплавленного свинца и пр. Необходимо подчеркнуть, что уже в самых верхних слоях этой ямы не было встречено ни одного позднего предмета.

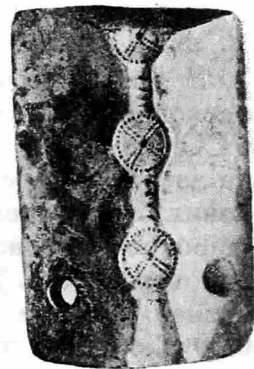
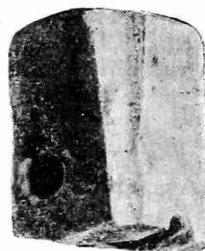
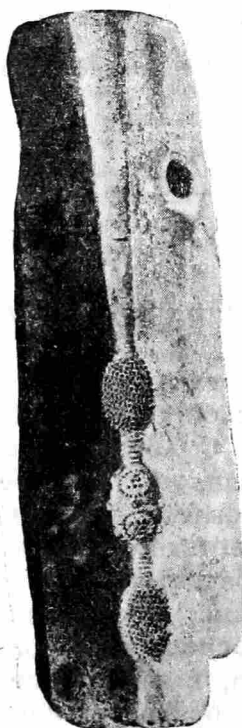
в

б

г

а

0 1 2 3 4 5 CM

Рис. 24. Десятинная церковь. Тайник. Формочки из сланца для отливки украшений.

На глубине ок. 1.00 м обнаружился целый завал кладки здания X—XI вв. Здесь найдены: огромное количество древнего плиточного кирпича, фрагменты штукатурки, покрытые фресковой росписью, большие куски древнего, розоватого от примеси толченого кирпича, известкового раствора, куски шифера, известняка и мрамора, оббитая капитель с четырехгранным отверстием, залитым свинцом. Тут же были найдены два больших куски кладки стен. Один из них представлял собой фрагмент двухступчатой нишки с полуциркульным верхом. Подобные нишки хорошо известны на фасадах киевских церквей XI в. На втором большом куске кладки сохранилась *in situ* штукатурка с фресковой росписью. Как и выше, на этом уровне встречено много гвоздей, железа и обожженного дерева.

На глубине 1.40 м был найден первый фрагмент литейной формочки. Ниже, на глубине между 1.40 и 2.00 м было найдено 36 фрагментов формочек. Формочки, вырезанные из сланца, в большинстве случаев разбиты на куски, иногда отдельные части одной и той же формочки попадались не только в разных углах ямы, но и на различной глубине (с разницей в 0.60 м). Из 36 найденных фрагментов удалось собрать и склеить 19 формочек для отливки 16 предметов. Большая часть формочек служила для отливки трехбусинных серег (рис. 24, а), три формочки — для отливки звездчатых колтов (рис. 24, б), две — для колтов с изображением зверя (рис. 24, в), одна — для браслета (рис. 24, г).

На глубине 1.20 м в завале строительных материалов найден скелет собаки, на глубине 1.80—2.20 м — человеческие кости двух взрослых людей и одного подростка 13—15 лет.¹ Многие кости сильно обгорели.

На глубине 1.70 м найден большой кусок кладки, покрытой фресковой штукатуркой, с изображением части мафория, нимба и буквы Ѵ.

Такой же фрагмент кладки с фреской (часть нимба и короны) найден на глубине 2.40 м.

На этой же глубине найдено значительное количество фрагментов резных камней, среди них 3 фрагмента шиферного карниза, 3 фуста от тонких колонок из известняка и пр.

На глубине 2.40 м, среди обломков строительных материалов, обнаружен горизонтально лежавший железный меч с отломанными рукоятью и острым концом. Обе эти части лежали тут же, рукоять на 0.05 м ниже.

Начиная с этой глубины, находки вещей становились все более многочисленными. На глубине 3.20 м найдена ажурная бронзовая подвеска типа игольников, но без футляра для иголок. На глубине 3.40 м найден бронзовый энколпион с изображением распятия на лицевой стороне и богоматери на оборотной (рис. 25, а).

На глубине 3.50 м найден бронзовый наперсток (без донышка). На глубине 4.00 м увеличивается количество угля и обгорелого дерева, попадавшегося и раньше. На глубине 4.10 м лежал на боку железный, сильно проржавевший и подвергшийся действию огня шлем с заостренным верхом (рис. 26). Внутри шлема — обуглившаяся масса, среди которой различаются кожа и ткань. На глубине 4.40 м у южной стенки ямы найден целый глиняный черный горшок с двумя ушками (одно из них отбито). Горшок сделан на круге, по плечикам орнамент. Около горшка — железный нож с деревянной ручкой, много кусков железных обручей и железная дужка от деревянного ведра. На той же глубине около восточной стенки ямы найден железный топор с остатками обгорелой деревянной рукояти во втулке (рис. 27, а). На этой же глубине обнаружены целый стеклянный

¹ Определения костного материала из тайника сделаны И. Г. Пидопличка, которому пользуемся случаем выразить глубокую благодарность.

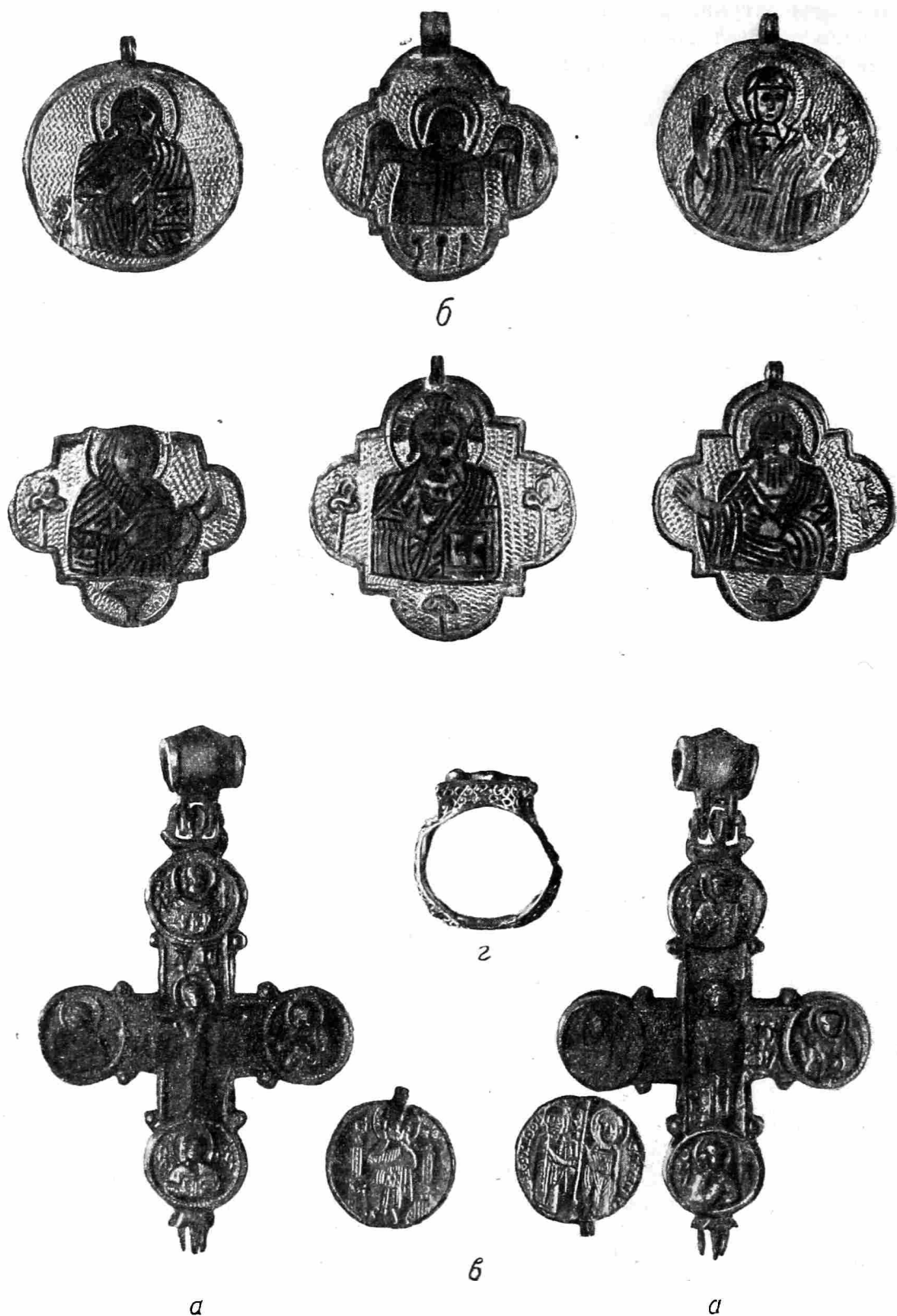

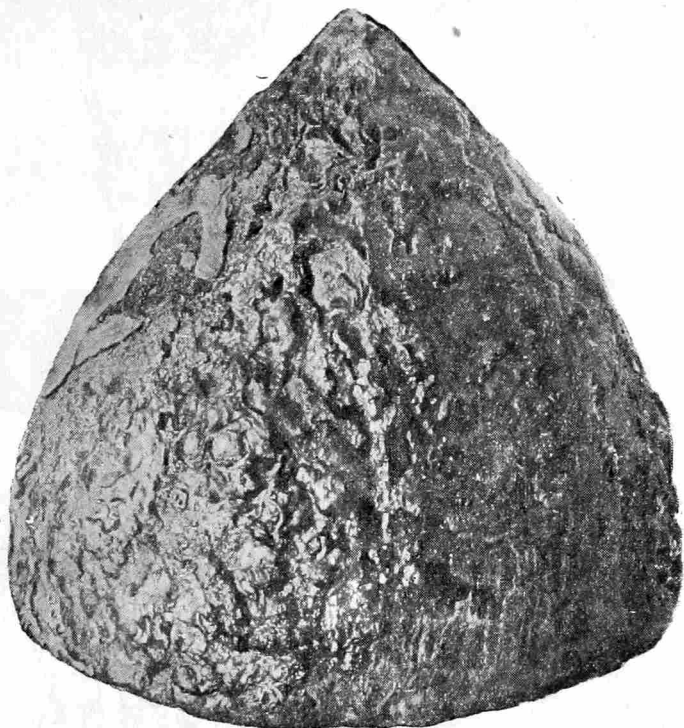
Рис. 25. Десятинная церковь. Тайник.

гладкий браслет, несколько железных ножей с костяными и деревянными рукоятками и четыре ключа.

На глубине 4.40—4.45 м шел сплошной слой угля и обгоревших кусков дерева. В этом слое, несколько ниже, обнаружены еще кости от двух человеческих скелетов, очень плохой сохранности. Один скелет принадлежит старому человеку, вероятно женщине, второй — молодому человеку 17—18 лет. Вследствие очень плохой сохранности обгоревших костей и неполноты скелетов более точные определения оказались невозможными. Скелет старого человека был в изогнутом положении, потревоженные кости лежали на разных уровнях. Около костяка было найдено большое количество кожи и ткани. Среди тканей лежали шесть серебряных медальонов, из которых четыре в форме квадрифолия, два круглых. На медальонах — погрудные изображения святых, выполненные гравировкой с чернью (рис. 25, б). В нескольких сантиметрах к западу лежала целая грудa кусков кожи и тканей с нашитыми золотыми орнаментированными бляшками с нитями мелкого жемчуга (рис. 28). Под тканями — плетеная серебряная шейная гривна с пластинчатыми концами (рис. 29), серебряная позолоченная венецианская монета (дожа Дандоло, 1192—1205 гг.) с припаянным ушком для подвески (рис. 25, в), золотой перстень со сканью и драгоценными камнями (рис. 25, г), обломки серебряных трехбусинных аграфов (рис. 28), два маленьких серебряных крестика, один крестик из розового мрамора (рис. 28) и один стеклянный. Тут же были найдены два серебряные с чернью наконечника от двух крестов-корсунчиков (рис. 28) и любопытная ладонка, представляющая собою две тонких дощечки с вырубками по краям для перевязки дощечек шнурком. Между дощечками хорошо сохранившиеся листья.

На том же уровне (4.40—4.50 м) в северо-восточном углу ямы найдено большое количество обрывков обгорелых плетеных из лыка шнуров. Тут же лежали обгорелые фрагменты деревянной посуды, среди которых особый интерес представляют обломки большого деревянного блюда, покрытого резным рисунком (рис. 30).

Ниже, на глубине 4.50—4.60 м, лежал слой рыхлого лёсса с незначительной примесью угля и строительного щебня. В этом слое в северо-восточном углу найден второй железный топор (рис. 27, б); в том же углу лежала железная дужка от второго ведра и несколько гвоздей. В северо-западном

0 1 2 3 4 5 см

Рис. 26. Десятинная церковь. Тайник.
Железный шлем.

углу ямы найдены фрагменты маленького глиняного горшечка с линейным орнаментом.

На глубине 4,60 м засыпь ямы окончилась и открылось дно из плотного материкового лёсса. На дне ямы, в юго-западном углу, стоял воткнутый

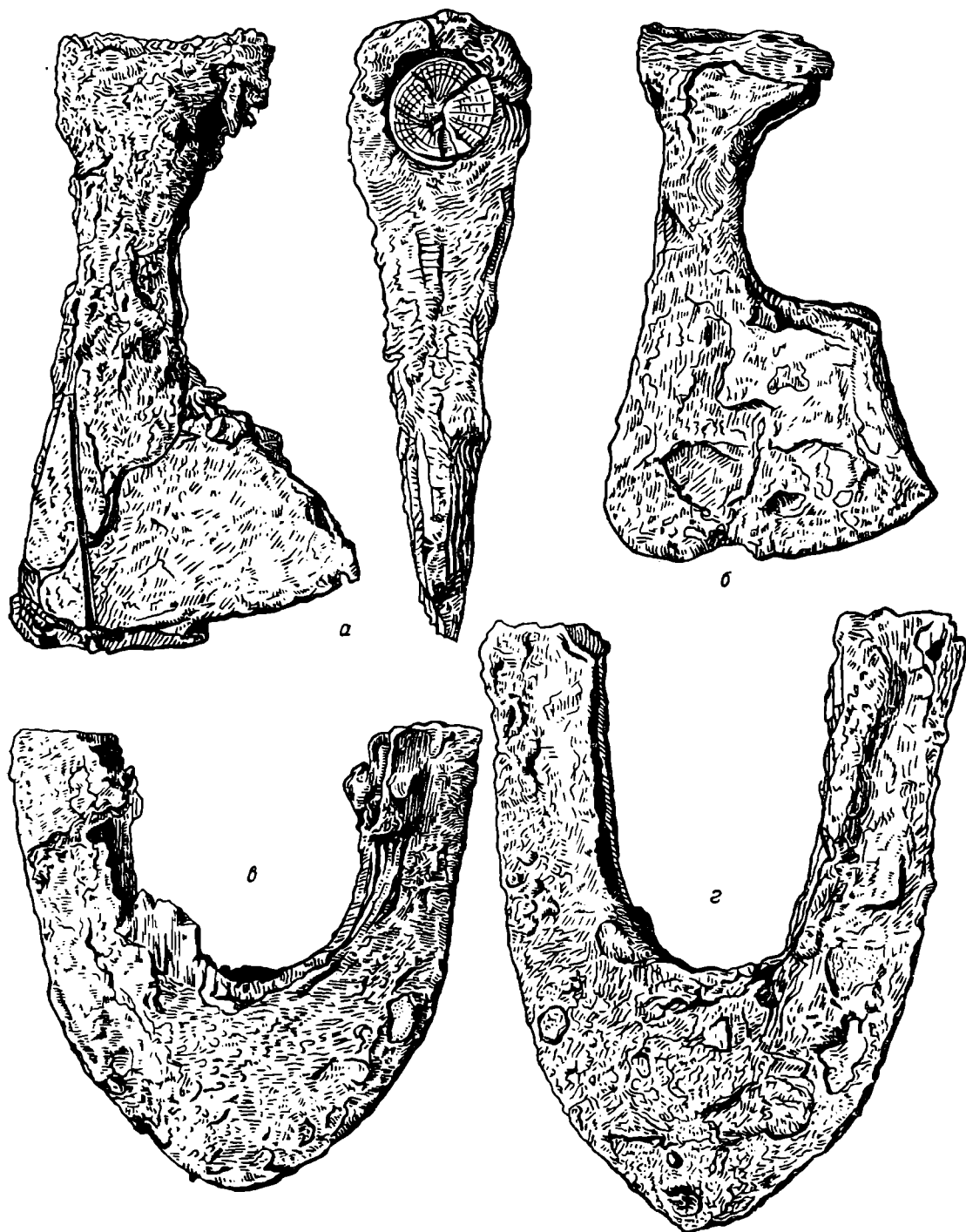

Рис. 27. Десятинная церковь. Тайник.

а б — железные топоры; в, г — железная оковка лопат.

вертикально в землю деревянный заступ с железной оковкой (рис. 27, в). В юго-восточном углу стоял второй такой же заступ с хорошо сохранившейся деревянной рукоятью (рис. 27, г).

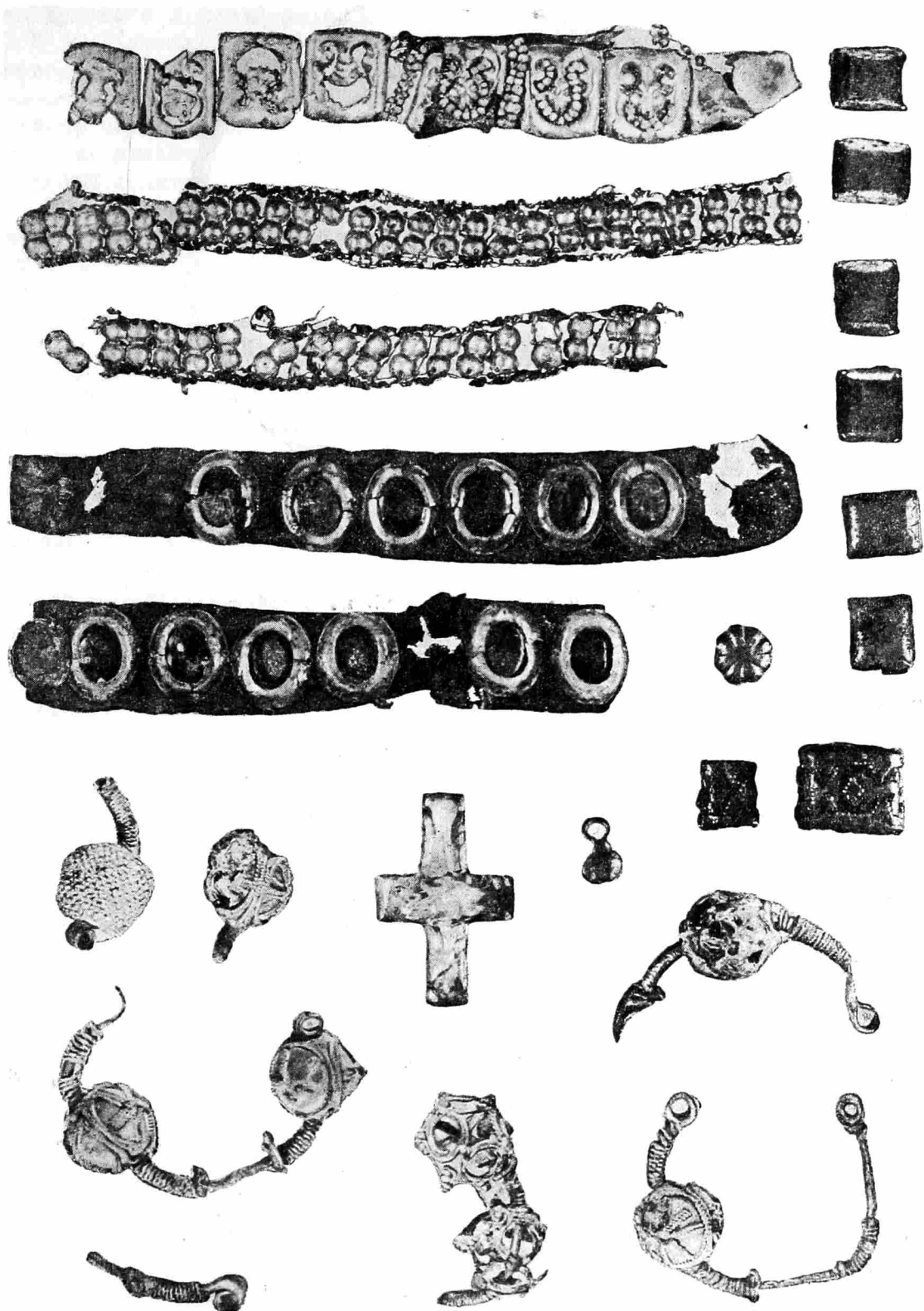

Рис. 28. Десятинная церковь. Тайник. Предметы украшения.

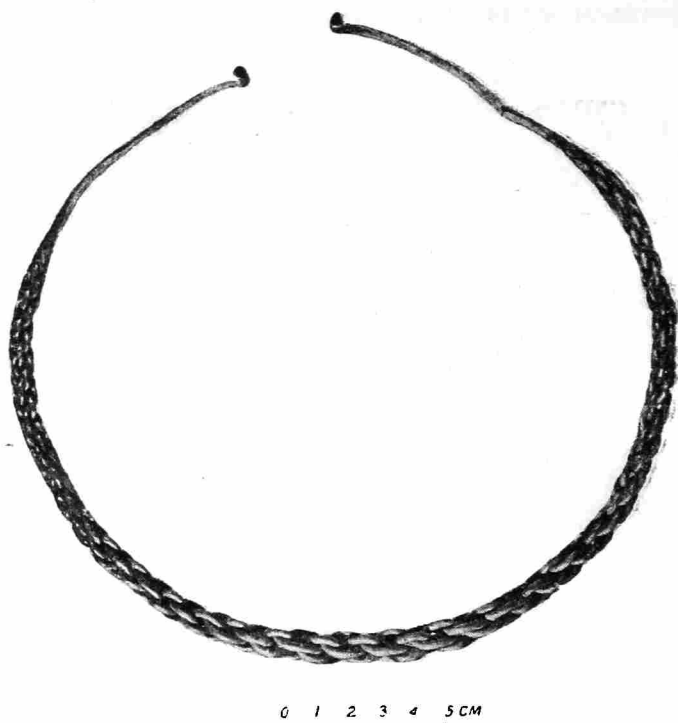

Рис. 29. Десятинная церковь. Тайник. Серебряная шейная гривна.

Рис. 30. Десятинная церковь. Тайник. Обломки деревянного блюда с резным рисунком.

После окончания расчистки представилась возможность исследовать и обмерить все сооружение в целом. Яма вырублена в лёссе в виде почти квадратного в плане колодца (1.60×1.30 м; рис. 31, 32) глубиной около 5.00 м. Начиная с глубины 1.50 м, стенки колодца имеют обожженную поверхность. На глубине 1.30—2.00 м в двух углах по диагонали обнаружены ниши, вырытые в материке (рис. 33). В северо-восточной нише найден череп, бедренные кости и ребра человека и скелет собаки. Оттуда же извлечены кирпичи, куски раствора, половая плитка с желтовато-зеленой поливой.

На восточной и южной стенках ямы сделаны маленькие углубления в виде ступенек для спуска в яму. У самого дна начинается ход под северную стенку колодца, однако ход этот был прорыт всего лишь на 1.00 м и почему-то не был закончен.

Что представляет этот загадочный колодец, наполненный исключительным ассортиментом вещей, из которых можно составить небольшой музей? Изучение структуры этого загадочного сооружения, заполняющего его инвентаря и особенно обстоятельств его разрушения позволяют восстановить один из трагических эпизодов татарской осады Киева в 1240 г.

Раскопанный под западной частью центрального нефа Десятинной церкви колодец представляет, по нашему мнению, древний тайник, служивший или для хранения драгоценностей, или же в качестве темницы. Когда был сооружен этот тай-

ник, установить невозможно, но во всяком случае он был сделан уже после постройки церкви, так как до постройки Десятинной церкви территория эта была занята языческим курганным могильником.¹

В 1240 г. полчища татар подошли к Киеву. „Приде Батый Киеву в силе тяжьце, многомъ множеством силы своей и окружи град и остолпи сила татарская, и бысть град во обьдержаньи велице. И бе Батый у града и отроци его обьседаху град и не бе слышати от гласа скрипання телег его, множества ревения вельблуд его, и рьжания от гласа стада конь его...“²

Батый осадил город, расставив у его ворот стенобитные орудия, „пороком же беспрестани бьющим день и ночь, выбиша стены и вози-

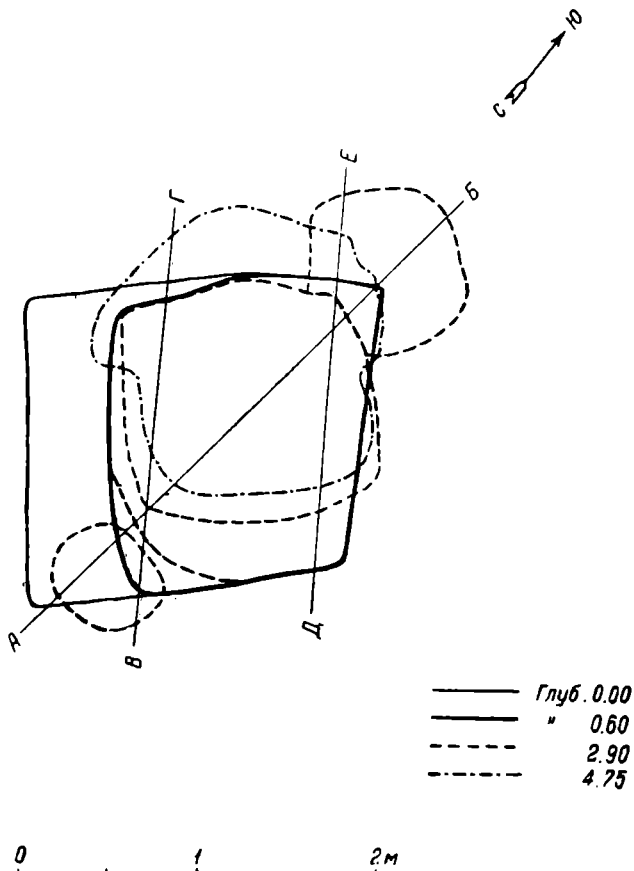

Рис. 31. Десятинная церковь. План тайника на различных глубинах.

¹ М. К. Каргер. Погребение киевского дружинника X в. Краткие сообщ. ИИМК, 1940, вып. V, стр. 79. — Он же. Дофеодальный период истории Киева по археологическим данным. Краткие сообщ. ИИМК, 1939, вып. I.

² Ипат. лет., 1240.

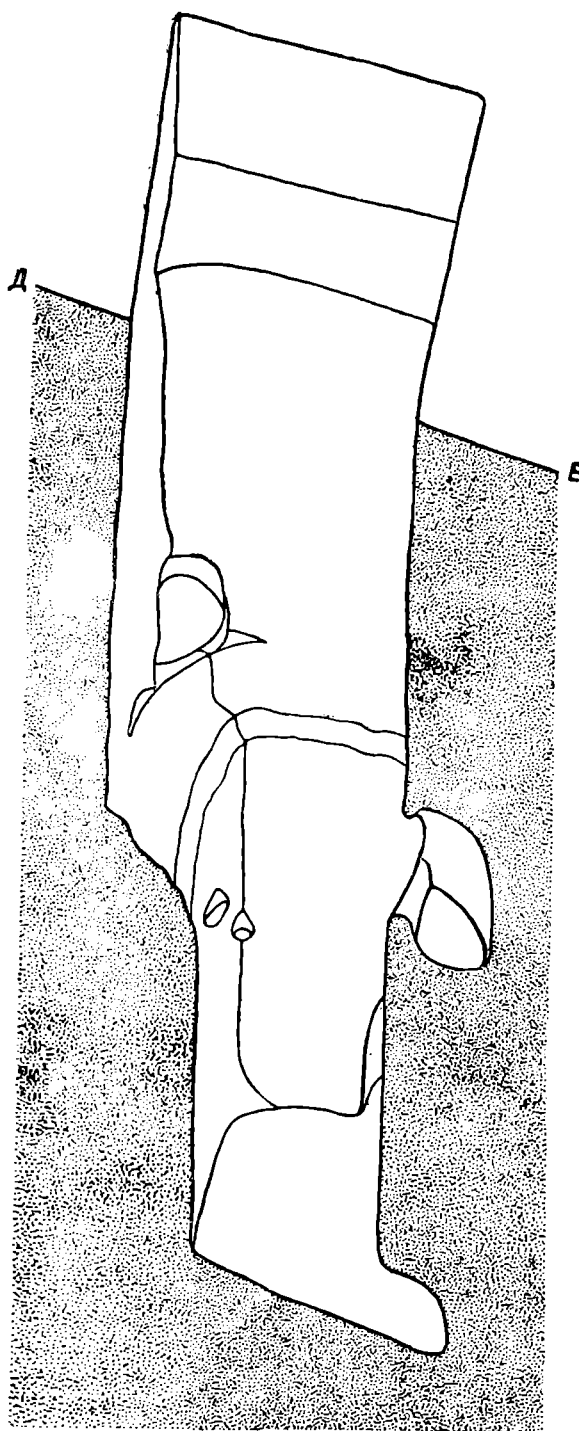

Рис. 32. Десятинная церковь. Разрез тайника.

доша горожани на избить стены и ту беаше видити дом копейны и щит скепание, стрелы омрачиша свет побежденным...“¹

Стены Ярославова города были взяты.

В ту же ночь киевляне укрепились во Владимировом городе: „граждане же создаша паки другой град, около святое Богородице“. Не думаем, чтобы за ночь киевляне устроили какую-то новую крепость вокруг Десятинной церкви, как трактуют обычно это место летописного рассказа. Естественнее предположить, что киевляне укрепились на линии старого Владимирова города, главные ворота которого не случайно потом носили имя Батыевых. Близость этих ворот к Десятинной церкви делает понятным выражение „около святое Богородице“.

„Наутрея же придоша на не и бысть брань межи ими велика; людем же узбегшим на церковь и на комары церковные и с товары своими, от тягости повалишася с ними стены церковныя и прият бысть град сице воими...“²

Набившиеся в церковь люди, забравшись даже „на комары“, что по видимому, надо понимать не только как „на своды“, но и „на хоры“ естественно использовали в качестве убежища и тайник. О существовании его, конечно, знали далеко не все, и церковное духовенство могло предоставить его лишь для наиболее избранной знати.

Обилие драгоценностей — золота, серебра, тканей с золотыми нашивками, найденных внизу тайника, не оставляет сомнения в том, кому был предоставлен тайник в качестве убежища. Один из забравшихся в тайник спрятался вместе со своей собакой в нише, вырубленной в северо-восточном углу тайника. Там и были найдены

кости этого не слишком храброго представителя киевской знати XIII в.

Забравшиеся в тайник люди, по видимому, имели безрассудную мысль прорубить в лёссе выход из-под церкви к склону горы. При описании

¹ Там же.

² Там же.

тайника выше было отмечено, что у самого дна его начинается ход под северную стенку (т. е. как раз к обрыву Киевской горы). Именно в этом же месте были найдены два воткнутых в землю заступа. Напомним, что на дне тайника были найдены, кроме того, два деревянных ведра с железными обручами и дужками и около одного из них целая куча витых из лыка веревок. Полагаем, что с помощью этих приспособлений стоявшие вверху люди вытаскивали землю наверх. Рыхлый лёсс, лежавший на дне тайника, выбранный из бокового хода, не успели поднять из тайника наверх, так как в этот момент разразилась катастрофа.

Не столько под влиянием тяжести огромного количества людей, забравшихся вместе со своим имуществом на комары церковные, сколько, повидимому, от ударов стенобитных орудий осаждавших татар здание рухнуло. Обвалившиеся своды и стены засыпали тайник до верха. Находившиеся внизу люди не успели осуществить свою безрассудную мысль пробиться к склону горы.

При описании находок в тайнике было отмечено, что на глубине от 1.40 до 2.00 м, т. е. значительно выше дна, был найден целый набор литейных формочек и на этой же глубине (1.80—2.00 м) скелеты трех человек (среди которых один подросток). Люди эти и набор формочек не находились в момент катастрофы на дне тайника.

И люди и формочки несомненно упали сверху в уже более чем наполовину заваленный тайник. Находились ли они на хорах (тайник помещается как раз под западными хорами) и упали оттуда, или же они были среди тех, которые вытаскивали деревянными ведрами на веревке землю из тайника, — об этом можно только фантазировать, но что разбившиеся на 36 кусков литейные формочки принадлежали одному из этих людей и были принесены в церковь как самое ценное из всего имущества, представляется нам единственным возможным объяснением этой исключительной находки.

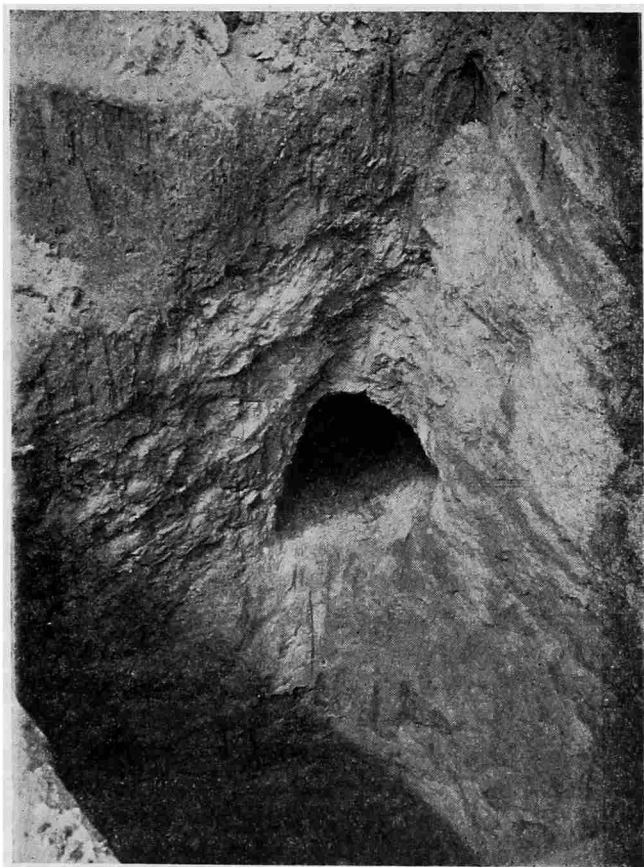

Рис. 33. Десятинная церковь. Тайник. Ниша в стенке тайника.

М. К. Каргер

АНАЛИЗ ДРЕВНЕЙ МОНГОЛЬСКОЙ БУМАГИ КАК ПАМЯТНИКА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Обычно древние документы подвергаются анализу лишь с точки зрения сохранившегося на них текста. Между тем, анализ материала документа, как памятника материальной культуры, может дать иногда не менее интересные результаты. Настоящая заметка излагает результаты микроскопического исследования нескольких образцов древней монгольской бумаги, датируемой XIII—XIV вв. н. э., которые были привезены П. К. Козловым из развалин города Хара-Хото в Центральной Азии и хранятся в настоящее время в рукописном отделе Института востоковедения АН (разряд монгольских рукописей, фонд П. К. Козлова, 1909, документы №№ 10, 11 и 16).

Среди волокон рами (*Boehmeria nivea* L.) и ковыля-чия (*Lasiagrostis splendens* Trin.), составляющих основную массу бумаги, как правило, можно встретить небольшие обломки сосудов хвойной древесины, которые сразу выделяются из общей картины своими крупными окаймленными порами и синей реакцией при обработке хлор-цинк-иодом.

Композиция рассматриваемых бумаг является достаточно сложной. Помимо волокна растительного происхождения в ней встречаются отдельные волокна шерсти монгольской овцы и шелка. Поэтому первоначально возникло предположение, что хвойная целлюлоза могла входить, как закономерный член, в состав бумажной массы, из которой отливались листы. Однако характер сохранности текстильных волокон, имеющих очень большую длину и нерасщепленные окончания, говорит против возможности получить столь размельченные обломки трахеид хвойной древесины тем же технологическим процессом. Пришлось остановиться на мысли, что сосуды хвойных не имеют ничего общего с составом бумаги, хотя постоянное присутствие и связывало их каким-то образом с материалом древних монгольских документов.

Пересмотр археологической литературы дал одно указание, могущее послужить ключом для понимания происхождения описываемых обломков трахеид хвойных пород.

В 1904 г. Р. Коберт,¹ анализируя материалы, привезенные Альфредом и Густавом Керте из раскопок развалин Гордиона в Анатолии (возраст находок определяется эпохой расцвета фригийской культуры VII—VI вв. до н. э.), на одной из иллюстраций (ук. соч., стр. 231, рис. 233) дает изображение волокон древесины, которые были обнаружены в порошке, заполнявшем бронзовый сосуд в погребении жреца (курган III). Г. Керте, передавший материал на исследование, первоначально предполагал, что бронзовый сосуд был заполнен кровью. Микроскопическое исследование показало, что содержимое состояло из растертой в мелкий порошок древесины хвойной породы.

Описывая изображенную на рисунке древесину, Р. Коберт высказал предположение, что она принадлежит какому-то виду сосен (*Pinus* sp.), а самый порошок употреблялся как курение, благовонной составной частью которого была сосновая смола; остатков последней не сохранилось.

Даваемая Кобертом иллюстрация вызывает сомнение, правильно ли определение хвойной породы. Обычно на несущих окаймленные поры

¹ R. Kobert. Untersuchung einiger Substanzen aus Tumulus III, in: G. und A. Körte. Gordion. Ergebniss der Ausgrabung im Jahre 1900. Jahrb. d. Deutschen Archaeol. Inst., Ergänzungsheft V, Berlin, 1904.

сосудах сосен (*Pinus*), на ряду с нормальными округлыми порами, встречаются так наз. расширенные поры. Признак этот настолько постоянен для сосен, что используется при анализе бумаг, сделанных из древесины хвойных. Сравнение с микроскопической картиной, даваемой сосудами других хвойных пород, встречающихся в Малой Азии (в предположении, что сохранившийся в Гордионе порошок был местного происхождения, а не появился в результате дальнего импорта), показало, что изображение, даваемое Р. Кобертом, гораздо больше соответствует сосудам крупных древовидных можжевельников с чешуевидными листьями, как, например, *Juniperus oxycedrus* MB. или *J. foetidissima* C. Koch (так наз. арча). Отожествление остатков фригийской древесины с можжевельником, а не с сосной, лучше объясняет и отсутствие смолы. У всех малоазийских хвойных (сосны, *Pinus* и пихты, *Abies*) в древесине расположены крупные смолоносные ходы, и при надрезе древесины на поверхность ствола высачивается чистая смола, которая и может быть легко собрана. При многовековом хранении смолы хотя несколько и меняют свой состав, но все же прекрасно сохраняются, значительно лучше, чем древесины. Поэтому отсутствие смолы в описываемом образце весьма маловероятно. Правильнее считать, что в виде особых скоплений ее не было и в исходном материале. Между тем, как раз у можжевельников, в отличие от других местных хвойных пород, специализированных смолоносных ходов в древесине не развивается. Диффузное распределение смолоносных клеток среди тканей древесины можжевельников приводит к тому, что благовонный дым можно получить только при медленном сжигании самой древесины. После предлагаемой поправки в определении не остается возражений против того, чтобы считать обнаруженный Г. Керте порошок за остаток благовонного курения.

В настоящее время в Закавказье, в районах, где еще сохранилась „арча“, в народной медицине принято в комнате больного сжигать мелкоизмельченную древесину можжевельников на слабо тлеющих углях „мангала“ (переносной жаровни).

По внешнему виду и микрохимическим реакциям обломки трахеид хвойных, обнаруженные в бужагах из Хара-Хото, не могут быть отличены от изображения, даваемого Кобертом, и препаратов, сделанных из древесины закавказских и среднеазиатских арчевых можжевельников. Древовидные можжевельники широко распространены от Малой Азии и Крыма по всему Закавказью и северному Ирану до гор Средней и Центральной Азии и Китая.

Что же связывало документы из Хара-Хото с можжевеловой древесиной?

Древесина и ветви древовидных можжевельников были широко распространены в древних культовых обрядах. Об этом согласно говорят и находки, сделанные в погребениях эпохи бронзы Закавказья и в Казахстане. По сведениям, сообщенным нам Б. И. Панкратовым, одним из обычаев религии бон до-буддаистического Тибета было воскурение можжевельником при принесении умиловительных жертв духам природы. Вместе с широким распространением буддизма, ассимилировавшего тибетский обычай, по всей Центральной и Восточной Азии разошлось применение можжевелниковой древесины в качестве составной части благовонных курений, которые в своей рецептуре отошли от индийской рецептуры и стали изготавливаться из представителей местной флоры. Душистыми порошками засыпали перед освящением статуи Будды, ими пересыпались рукописи, которые вкладывали внутрь статуй или которые

хранились в кельях монастырей. Поскольку в монастырях лежали рукописи не только духовного, но и светского содержания, порошок мог попадать на любые рукописи и ксилографы центральноазиатского происхождения.

Анализ переданного нам благовонного порошка из Агинского дацана показал, что в состав его входили, как основа, мелко истертая древесина можжевельников и листья сибирского багульника, *Ledum decumbens* Ait. После отсеивания крупных частиц, среди пыли, проходящей сквозь тонкую шелковую ткань, можно было во множестве встретить тончайшие обломки трахеид с окаймленными порами, не отличимые от подобных же обломков, найденных в монгольских документах П. К. Козлова из Хара-Хото. Такая же пыль покрывала и поверхность ксилографов, вывезенных из Агинского дацана. Разница между последними и материалами из Хара-Хото состояла лишь в том, что отдельные частицы можжевелевой древесины проникли глубоко внутрь листов документов из Хара-Хото, в то время как на заглянцованной и значительно более плотной бумаге ксилографов Агинского дацана обломки трахеид лежали только на поверхности листов.

Произведенное исследование показывает, что можжевелевая древесина не входила в состав композиции древних монгольских бумаг, как входило волокно рами, чия или нити шерсти и шелка, а постепенно проникала в глубь листов при хранении рукописей. В то же время очевидно, что вскрытые раскопками П. К. Козлова документы до своего окончательного погребения в почве какое-то время хранились в буддийском храме.

Повидимому, пересыпка документов благовонными порошками явилась одной из причин прекрасной сохранности многих древних рукописей буддийского круга культуры. Проверка состояния вывезенных из Агинского дацана и обильно пересыпанных можжевелевым порошком ксилографов показала, что волокно бумаги сохранилось превосходно, нет никаких признаков плесневых повреждений и книги оказались совершенно стерильными. Между тем, в течение ряда лет они хранились в особо неблагоприятных условиях и частично подмокали. Это заставляет обратить большое внимание на значение смол и эфирных масел как веществ, предохраняющих археологические находки от разрушения, и испытать их профилактическое действие на современные книги в случаях, когда последним необходимо будет храниться в неблагоприятных условиях.

В. А. Петров

Лаборатория консервации и реставрации
документов АН СССР

IV. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭСТОНИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 20 ЛЕТ

До первой империалистической войны археологические исследования в Эстонии велись главным образом частными обществами, в особенности Ученым эстонским обществом в Тарту и Эстляндским литературным обществом в Таллине. Война почти совершенно прекратила их работу. После войны эстонская археология строится на новой основе. Организационным центром становится университет в Тарту, при котором в 1920 г. основывается кафедра археологии. Первым руководителем ее в 1920—1923 гг. был А. М. Тальгрэн. В течение этого периода были подготовлены молодые кадры эстонских археологов. С 1923 по 1925 г. кафедрой археологии университета руководил Б. Нерман. После этого работа велась уже своими силами.

В 1921 г. при университете в Тарту основывается кабинет археологии, позднее реорганизованный в институт с музеем. Он получил ценные материалы от Эстонского ученого общества, из Эстонского национального музея в Тарту, из Эстонского музея Таллина и большинство археологического материала из музея в Куресаре. Все эти фонды были обработаны и каталогизированы соответственно новым требованиям. Для лучшего хранения материалов было приобретено нужное оборудование. В течение последующих лет фонды музея Археологического института неуклонно росли и умножились в несколько раз.

При музее был создан архив, где были собраны описи, дневники, планы, фотографии и другие материалы из раскопок могильников, городищ и др. Здесь же собрана справочная библиотека, которая пополняется непрерывно путем обмена и покупки. Постоянно пополняется также собрание диапозитивов. Таким образом, весь материал обработан так, чтобы он был доступен исследователям.

Для обозрения широких масс была устроена экспозиция археологического материала в Эстонском национальном музее в Тарту, где этот материал является введением для объяснения более поздней культуры эстонского народа.

Для того чтобы сотрудники Института могли использовать и те археологические материалы Эстонии, которые находятся в заграничных и других местных музеях, Институт подготовил соответствующее описание этого материала, снабдив его чертежами и фотографиями. Эта работа ведется систематически.

Далее, в Институте составлена картотека на все археологические находки в пределах Эстонии. Материал располагается по географическому

и хронологическому принципу. Кроме краткого описания каждой находки, имеются номера самих экспонатов и ссылки на публикации.

Наряду с этим проведена большая работа по регистрации археологических памятников по всей стране. Начало этой работе положено еще в 80—90-х годах XIX в. сельским учителем Яном Юнгом, который собрал и частично опубликовал сведения об археологических и исторических памятниках. Этот замечательный энтузиаст, по примеру известного фольклориста Яна Гурта, через опубликованные в газетах анкеты и письменную связь создал многочисленную сеть корреспондентов, от которых он систематически получал сведения о различных археологических и исторических памятниках. В результате был собран большой материал. Весь этот материал поступил в архив Института археологии. Начиная с 1921 г., Институт посылал студентов в соответствующие районы проверять и дополнять собранный Юнгом материал. Студент должен был осмотреть все памятники своего района, точно нанести на карту, составить план, описать и сфотографировать их. Так работали до 1927 г., когда было закончено исследование всей территории Эстонии. В последующие годы были проведены некоторые контрольные работы.

Таким образом, этот обширный материал, который вместе с раскопками дает представление о характере всех наиболее важных археологических памятников, создает предпосылки для дальнейшего исследования. На основе этих материалов появился ряд публикаций,¹ между прочим обзор древних городищ.²

Эта же работа студентов послужила основой для организации охраны памятников старины. В 1925 г. был издан закон, на основании которого государство взяло под свою защиту все памятники и материалы, где бы они ни находились.

В деле охраны памятников замечается улучшение после 1936 г., когда этот закон был дополнен и для проверки выполнения его были назначены инспекторы.³

Археологические исследования в Эстонии велись в достаточно широком объеме. С расширением раскопок систематически улучшалась техника фиксации памятников в процессе изучения их.⁴

Наряду с Институтом археологии университета археологические исследования велись Музеем эстляндского литературного общества в Таллине.

Из публикаций отметим прежде всего сводные работы по археологии Эстонии. Первая сводная работа написана А. М. Тальгреном „Zur Archäologie Eestis“ (ч. I, 1922 г.; ч. II, 1925 г.; Тарту). В 1932 г. напечатана более сокращенная и популярная работа Г. Моора „Die Vorzeit Estlands“ (Tartu, 1932). Более подробной, но также предназначенной для широких масс, является первая часть „Eesti ajalugu“ (Tartu, 1935). Эта работа охватывает историю страны, начиная с древнейших времен до XIII в. н. э. Здесь сделана попытка использовать не только археологический материал,

¹ Eesti kinnismuistised. Tartu, 1925 (с рефератом на немецком языке: Die Bodentertümer Estlands. Veröffentl. d. archäol. Kabinetts d. Univ. Tartu, III).

² E. Laid. Eesti muinaslinnad. Tartu, 1923 (с рефератом на немецком языке: Die vorgeschichtlichen Burgen Eestis. Veröffentl. d. Archäol. Kabinetts d. Univ., Tartu, I).

³ E. Laid. Législation sur la protection des monuments historiques en Estonie. Tallinn, 1937. — M. Schmiedehelm. Kümme aastat esiajalooliste mustiste kaitset. Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat, XI, Tartu, 1937 (с рефератом на английском языке: The protection of antiquities. Results of ten years' work).

⁴ Примеры новой техники составления плана можно найти в коллективной работе „Muistse Eesti linnu ed“ (Tartu, 1939) (с рефератами на французском языке: Les fortresses préhistoriques d'Estonie).

но и данные геологии, языкознания, фольклора и других источников. Эти три работы свидетельствуют, что эстонская археология стремится от простого вещеведения перейти к историческим обобщениям.

Переходя к описанию отдельных исторических этапов, представленных археологическими памятниками, необходимо прежде всего отметить, что значительные успехи сделаны в исследовании неолита, памятников которого на территории Эстонской ССР имеется довольно много. Исследование этого периода происходило в близком контакте с геологами и ботаниками. В известном торфянике Кунда, где в прошлом столетии случайно было найдено большое количество костяных изделий, археологу Р. Индреко удалось пополнить коллекцию костяных предметов.

Произведенный П. Томсоном анализ пыльцы показал, что слой древнего озера, в котором под покровом торфа найдены костяные изделия, относится к бореальному периоду.¹ Продолжая раскопки, Р. Индреко вскрыл на возвышенности, господствующей над торфяником, которая была островом на древнем озере Кунда, остатки древней стоянки со значительным количеством предметов из кости, рога и камня, что дает гораздо более всестороннюю картину культуры Кунда, чем прежние случайные находки из торфяника.²

В Сиверце, недалеко от города Нарвы, также в торфянике, найдены костяные изделия, остатки сетей, полавки из сосновой коры и грузила. Сети были изготовлены из волокна липовой коры. Эта находка, которая очень близка к находке в Антреа в Карелии, на основе анализа пыльцы датируется началом атлантического периода.³

Примерно к этому же периоду относится стоянка, раскопанная Р. Индреко на северном побережье озера Выртеярв, на территории хутора Мокса. Здесь, как и на местах других ранних стоянок, отсутствует керамика.⁴

Из памятников неолита исследованы стоянки и могильники. В числе первых значительный материал добыт из дюнной стоянки на нижнем течении р. Нарвы около кордона. Интересными являются стоянки в торфяниках на нижнем течении р. Эмаеги около хутора Конза и вблизи города Веру на побережье озера Вагула. Здесь, кроме обычных каменных орудий и гребенчатой керамики, найдено значительное количество костяных и даже несколько деревянных предметов. Во всех этих местах предполагается продолжить раскопки.

Из исследованных могильников следует упомянуть о двух. Один находится приблизительно на 40 км южнее Таллина, около дер. Арду, на окруженной болотами возвышенности. У костяков, между прочим, найдены предметы из костей рогатого скота, овец и коз, ладьеобразный топор и керамика.⁵

Второй могильник находится между Раквере и Нарвой на территории дер. Сопе. Здесь у костяков также найдены керамика и предметы из кос-

¹ P. Thomson. Die regionale Entwicklungsgeschichte der Wälder Estlands. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis, A XVII, Tartu, 1929.

² R. Indreko. Vorläufige Bemerkungen über die Kunda-Funde. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft (Sb. GEG), 1934, Tartu, 1936.

³ R. Indreko. Kiviaja võrgu jäänuste leid Narvas. Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat, VII, Tartu, 1932 (с рефератом на немецком языке: Steinzeitliche Netzteile aus Narva).

⁴ R. Indreko. Der Siedlungsfund von Moksi. Sb. GEG, 1930, Tartu, 1932.

⁵ R. Indreko. Ein Hockergrab in Ardu. Verhandl. der Gelehrten Estn. Gesellsch., XXX, Tartu, 1938.

тей домашних животных. В обоих могильниках костяки хорошей сохранности, они частично описаны и опубликованы Я. Аулом.¹

Еще десять лет тому назад не было известно ни одного погребения эпохи ранней бронзы. Р. Индреко вскрыл в местечке Выйзику на северном побережье Выйрцьерв погребения, среди инвентаря которых, кроме костяных и каменных предметов, найден бронзовый серп.² Погребенные, так же как и в эпоху неолита, клались в грунтовые могильные ямы, не отмеченные на поверхности. Это показывает, что форма погребения в период ранней бронзы была такой же, как и в неолите.

Но к концу эпохи бронзы и к началу раннего железа в обряде погребений прослеживаются изменения. Появляются могильники, представляющие на поверхности каменные кучи и содержащие сложенные из каменных плит ящики. Эти погребения встречаются часто большими группами, что может быть связано с патриархальным родовым строем, который возник к этому времени. Этот вид погребений был за последнее время объектом интенсивного исследования. Целый ряд из них раскопан А. Шпрекельзенем и А. Фриденхалем по поручению Таллинского музея.³ Они исследовались также научными сотрудниками Института археологии университета Тарту.⁴ Благодаря накопленному опыту и развитию раскопной техники мы знаем их структуру гораздо лучше, чем несколько лет тому назад.

Подробный анализ форм инвентаря эпохи бронзы и раннего железа дал латышский археолог Э. Штурмс.⁵ Некоторые новейшие находки опубликованы Г. Моора.⁶ Но лучший материал для объяснения развития культуры, экономики и общественных отношений периодов поздней бронзы и раннего железа дают два поселения. Первое из них находится в восточной части о. Сааремаа у дер. Асва. В продолжение нескольких лет оно раскапывается Р. Индреко, который нашел большое количество фрагментов керамики, предметов из костей и рога, форм для литья металлических предметов и др. Все эти находки дают возможность представить себе картину прошлой жизни, экономики, техники, религиозных обрядов и т. д.⁷ Остатки второго подобного поселения вскрыты А. Вассаром близ Таллина, в Иру.⁸

Время начала нашей эры до 400 г., так наз. римский период, было сравнительно хорошо исследовано еще до войны, но и за последние 20 лет сделано немало как тартускими, так и таллинскими исследователями.

Раскопано несколько характерных для этого периода больших родовых могильников. Выяснены ценные данные о структуре и обряде погребения, и добыто значительное количество вещественного материала. Из раскопок необходимо упомянуть о работе А. М. Тальгрена в Хагери в 40 км южнее Таллина, о значительных работах М. Шмидегельм на северном побе-

¹ R. Indreko. Sépultures néolithiques en Estonie, Sb. GEG, 1933, Tartu, 1935. — J. Aul. Etude anthropologique des ossements humains néolithiques de Sope et d'Ardu. Sb. GEG, 1933, Tartu, 1935.

² R. Indreko. Sépultures néolithiques...

³ A. Friedenthal. Ein Gräberfeld der Bronzezeit in Estland. Beitr. zur Kunde Estlands, XIII, Tallinn, 1927.

⁴ A. Vassar. Drei Steinkistengräber aus Estland. Sb. GEG, 1937, I, Tartu, 1938. — M. Schmiedehelm. Ein Grabfeld der vorrömischen Eisenzeit in Lügänu. Sb. GEG, 1925, Tartu, 1927.

⁵ Ed. Sturms. Die Kulturbeziehungen Estlands in der Bronze- und frühen Eisenzeit. Sb. GEG, 1932, Tartu, 1935.

⁶ H. Moor a. Neue Funde der Bronze- und frühen Eisenzeit in Estland. Sb. GEG, 1937, I, Tartu, 1938.

⁷ Muistse Eesti linnused. Tartu, 1939, стр. 17 и сл.

⁸ Там же, стр. 53 и сл.

режье Вирума в Паде и Иебере, А. Фриденталя,¹ там же, в Оявески, Е. Лайда в южной Эстонии в Ханнусте, об исследованиях А. М. Тальгрена, Г. Моора и А. Вассара в средней части Эстонии, в Нурмсе и др.

Отчеты ряда этих работ опубликованы, остальные готовятся к печати; готовится к печати большая работа А. Вассара.

Данные языкознания говорят, что эстонские племена в первые века нашей эры соприкасались с восточными германцами. Предполагалось, что это могло происходить на северном побережье. До этого времени отсутствовали археологические данные, подтверждающие, что германцы действительно заходили сюда. Несколько лет тому назад О. Саадре на Северном побережье случайно наткнулся на могильник, обряд погребения которого является совершенно чуждым эстам, но близок к скандинавскому и южному побережью Балтики.² Уже до этого М. Шмидельм доказывала, что именно в этот период северная Эстония была уже связана с низовьем Вислы.³ Но не может быть и речи о массовом переселении сюда германцев. Это были лишь торговые связи.

О заселении и экономических условиях развития территории современной ЭССР в этот период говорит Г. Моора в своей работе о раннем железном веке в Латвии.⁴ О времени V—VIII вв. н. э. до сих пор было мало известно. Могильники, которые за прежние века представлены в большом числе, в этот период забрасываются, а новых могильников известно очень мало. По всем признакам это связано с разложением родового строя. Но и этот период за последние десятки лет обогащен новым материалом.⁵ Найдено несколько кладов, дающих важный материал для более точной хронологизации.⁶ Среди редких памятников этого периода особенно бросаются в глаза некоторые коллекции серебряных предметов.⁷ Важный материал дали два городища, раскопанные за последние годы и относящиеся к V—VIII вв. н. э.⁸

Период 800—1200 гг. н. э. и особенно последние два века очень богаты археологическими памятниками. Конец периода освещается также письменными памятниками, что дает возможность гораздо лучше проследить историю этого времени, чем предшествующего. В это время возникла территориальная община, в некоторых местах замечается рост феодальных отношений. Если в могильниках первых веков н. э. прослеживалось некоторое единство обряда погребения, то в этот период формы погребения отличаются очень часто по отдельным районам. Правда, они до сих пор еще не настолько исследованы, чтобы можно было получить вполне ясную картину. Необходимо отметить еще, что в восточной части ЭССР Б. Нерманом и О. Саадре раскапывались кур-

¹ A. Friedenthal. Ein Hügelgrab aus der älteren und mittleren Eisenzeit Nord-Estlands. Beitr. zur Kunde Estlands, XX, Tallinn, 1932. — M. Schmiedehelm. Ein Grabfeld der älteren Eisenzeit in Lügänuise. Eurasia Septentrionalis Antiqua, III, Helsinki, 1928.

² O. Saadre. Ein neuer kaiserzeitlicher Grabtypus aus Nordestland. Sd. GEG, 1937, I, Tartu, 1938.

³ M. Schmiedehelm. Über die Beziehungen zwischen dem Weichselgebiet und Estland zur römischen Eisenzeit. Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum, Rigae, 1931.

⁴ H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., II. Verhandl. der Gelehrte. Estn. Gesellsch., XXIX, Tartu, 1938.

⁵ M. Schmiedehelm. Der Fund vor Kirimäe in Estland. SMYA, XXXV, Helsinki, 1924.

⁶ H. Moora. Der Verwahrfund von Piilsi. Sb. GEG, 1933, Tartu, 1935.

⁷ M. Schmiedehelm. Keskmise rauaaja aareleide Kambjast. Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat, IX—X, Tartu, 1934 (с рефератом на английском языке: Silver Finds of the Middle Iron Age at Kambja).

⁸ Muistse Eesti linnused, стр. 53 и сл., стр. 101 и сл.

ганы.¹ Однако самые значительные раскопки могильников этого периода происходили в 1940 г. на о. Саарема под руководством Р. Индреко, М. Шмидегельм и А. Вассара. А. Фриденталь тоже раскопал несколько могильников в юго-западной части Эстонии.²

Кроме могильников, исследовались еще два поздних городища: Варбола в 60 км южнее Таллина и Лыхавере в 25 км севернее Вильянди. Раскопки обоих городищ, кроме интересных данных о постройке укреплений и социальной жизни, дали много других находок; особенно ценными являются найденные в колодцах деревянные предметы. Результаты раскопок частично опубликованы,³ материалы же последних лет ждут опубликования.

Из печатных работ следует отметить исследование Б. Нермана об отношениях между Скандинавией и Восточной Прибалтикой.⁴ Формы отдельных предметов анализирует Г. Моора,⁵ а М. Шмидегельм найдено очень интересное погребение на Северном побережье и клад, состоящий из серебряных вещей, в г. Тарту.⁶ Г. Моора исследовал вопрос о возникновении г. Тарту на основе как археологических, так и исторических источников.⁷ Е. Лаид опубликовал два своеобразных предмета, между прочим сделанную из глины голову человека, датируемую VIII—XII вв. и, по его мнению, имеющую votivное значение.⁸

Необходимо упомянуть, что по археологической литературе для ряда лет имеются библиографические обзоры, которые печатались Ученым эстонским обществом в библиографических ежегодниках.⁹

Таковы краткие данные об археологических исследованиях в Эстонии. Во всех отраслях работы и жизни эстонского народа происходят сейчас большие перестройки. Эстонские археологи начали также пересмотр своих материалов на основе учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, что открывает новые широкие перспективы в изучении исторического прошлого, в частности и нашей, теперь советской Эстонской Социалистической Республики.

Эстонская археология начинает новый период.

Г. Моора

¹ B. Nerman. Archäologische Untersuchungen bei Izborsk. Sb. GEG, 1923, Tartu, 1926.

² A. Friedenthal. Ein Brandgräberfeld der jüngeren Eisenzeit aus West-Estland. Beiträge zur Kunde Estlands, XXI, Tallinn, 1938.

³ Muistse Eesti linnused, стр. 139 сл. и 183 сл.

⁴ B. Nerman. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929.

⁵ H. Moora. Bemerkungen über einige Schmucksachen der jüngeren Eisenzeit, I, Sb. GEG, 1928, Tartu, 1929; II, Sb. GEG, 1929, Tartu, 1930.

⁶ M. Schmiedehelm. Ein münzdatierter jungeneisenzeitlicher Grabfund aus Jila. Verhandl. der GEG, XXX, Tartu, 1938. — M. Schmiedehelm. Ein Depotfund aus Tartu. Eurasia Septentrionalis Antiqua, IV, Helsinki, 1929.

⁷ H. Moora. A propos de la fondation de Tartu. Sb. GEG, 1933, Tartu, 1935.

⁸ E. Laid. Quelques objets de caractère votif trouvés à Haljava (Estonie). Verhandl. der GEG, XXX, Tartu, 1938.

⁹ Jahresbericht der estnischen Philologie und Geschichte. Tartu (печатается, начиная с 1922 г.).

Археологическое обследование среднего течения р. Десны, проведенное за последние годы Трубчевским музеем (Орловская обл.), впервые обрисовало состав и характер памятников одной из важнейших, но в то же время почти неизвестных в археологическом отношении областей Европейской части СССР. По обоим берегам р. Десны на участке от г. Брянска до устья р. Судости в 1935—1940 гг. на многочисленных дюнах и по краю береговой террасы открыт целый ряд памятников: стоянок, селищ, городищ и курганов, относящихся к разному времени. Материалы обследований позволяют уже сейчас дать первичную классификацию памятников и ставят перед будущими, более углубленными археологическими работами целый ряд существенных вопросов как археологических, так и общеоисторических.

Наиболее древней группой памятников, открытых в 1935—1940 гг., являются остатки поселений эппалеолитического возраста, располагающиеся обычно на дюнах по берегам р. Десны и ее притоков. К ним относится, например, стоянка на дюне Холм, расположенная в низовьях р. Нерусы, впадающей в Десну вблизи г. Трубчевска. На поверхности дюны, помимо материалов неолитической эпохи и более позднего времени, речь о которых будет идти ниже, встречен целый ряд изделий из кремня, эппалеолитический возраст которых не вызывает никаких сомнений (рис. 34, а—д). Здесь имеется несколько наконечников стрел с черешком, изготовленных из ножевидных пластин, пластины с ретушью, миниатюрные острия, концевые скребки и т. д. В целом материал очень напоминает эппалеолитические памятники Оки, Верхней Волги и Сожа, принадлежащие к кругу поздней свидерской культуры.¹

Подобные же находки были сделаны на урочище Новая Речка на р. Десне около Трубчевска и в некоторых других местах.

Поселения эпохи неолита, открытые свыше чем в десяти пунктах, принадлежат к памятникам ямочно-гребенчатой культуры, напоминая отчасти синхронные стоянки берегов р. Сожа, исследованные за последние годы К. М. Поликарповичем.² По некоторым признакам деснинский неолит сближается также с памятниками бассейна р. Донца, известными по работам Н. В. Сибилева.³ Наиболее значительный материал неолитического возраста собран на упомянутой выше стоянке Холм. Там найден ряд лавролистых наконечников стрел, скребков, топоров и большое число керамики с разнообразной ямочно-гребенчатой орнаментацией (рис. 34, з—м). Ряд находок следует рассматривать, возможно, как ранненеолитические — это крупные скребки, большие пластины с ретушью, топоры с наточенным лезвием и обломки керамики с острыми днищами (рис. 34, е, ж, н). Возможно, что эти ранние изделия неолитической керамики и описанные выше вещи свидерского типа в какой-то части синхронны. В последнем убеждает как будто бы материал стоянки Новая Речка, где вещи свидерских форм также сочетаются с грубыми каменными орудиями ранненеолитического характера. Окончательные

¹ М. В. Воеводский. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эппалеолита на территории Восточной Европы. Тр. II Межд. конф. Асоц. по изуч. четверт. периода Европы, V, 1934.— М. В. Воеводский и П. И. Борисковский. Стоянка Елин Бор. Сов. археол., III, 1937.

² К. М. Поликарпович. Дагстарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа. Працы катэдра археалогіі, Менск, 1928.

³ Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, вып. I—IV. Изюм, 1926—1930.

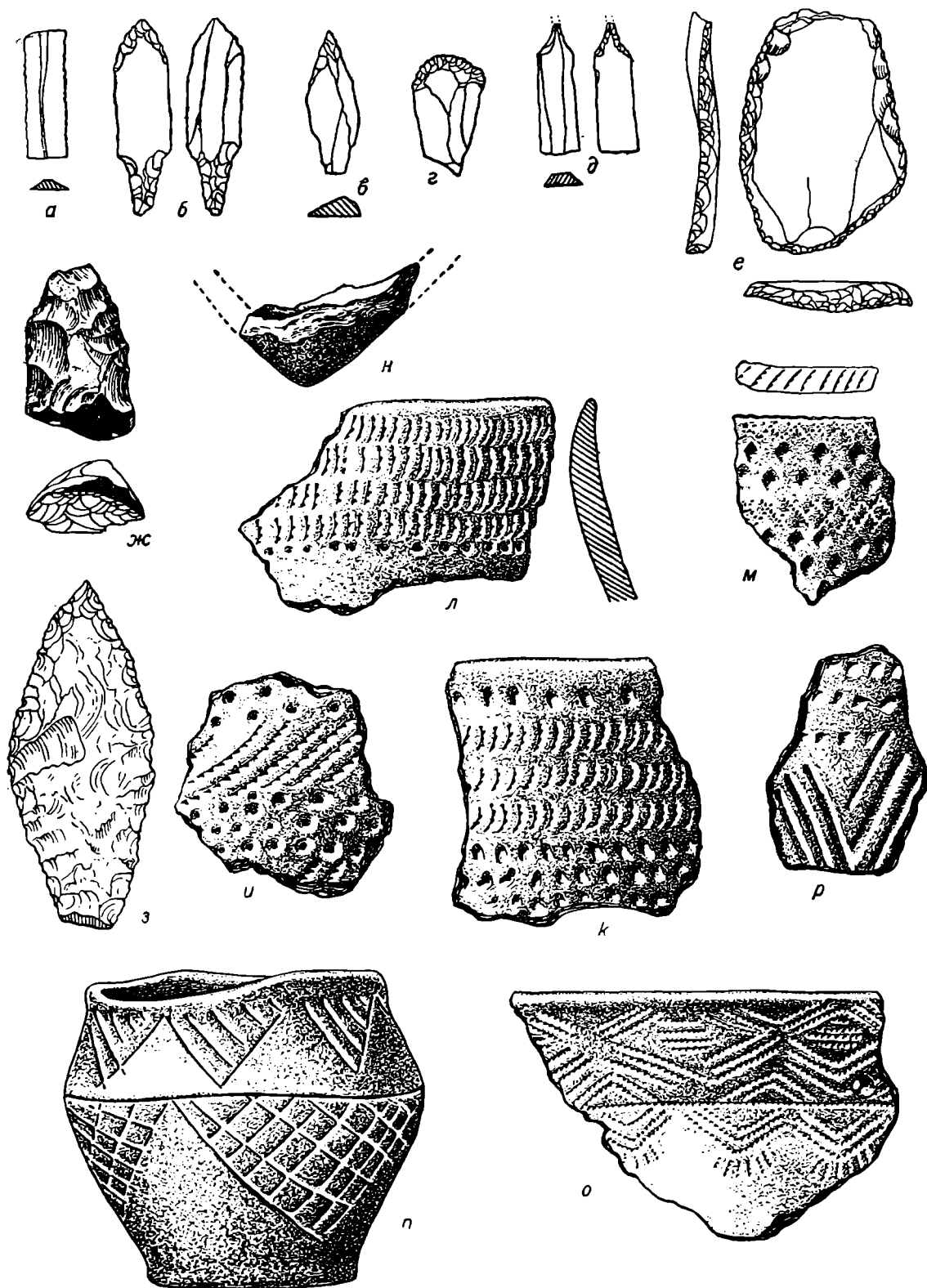

Рис. 34. Находки на стоянке Холм

выводы по этому вопросу могут быть сделаны лишь в результате раскопок, так как подъемный материал может легко ввести в заблуждение.

Неолитические орудия довольно архаичного облика были найдены в небольшом числе на стоянках у залива Гоголь и у Колесных бугров на берегу Десны.

Значительно обильнее рассеяны по дюнам берегов р. Десны стоянки развитого и позднего неолита. У д. Сагутьево найдены обломки ямочной керамики, кремневый наконечник копья и прекрасный костяной гарпун; на урочище Жаденова Гора у д. Кветунь, у б. Спасо-Чолнского монастыря, и на урочище Уборок близ с. Муравьев встречена неолитическая керамика; на урочище Бугор в Холмовском лесоучастке и на берегу озера Большое Жерено найдены керамика, каменные орудия и т. д.

Значительно хуже среди материалов 1935—1940 гг. представлены остатки культуры эпохи бронзы, но и они достаточно интересны. На той же дюне Холм были найдены обломки глиняной посуды эпохи бронзы, близко напоминающие керамику абашевского типа, известную в области лесостепного Поволжья и в бассейне р. Оки (рис. 34, о). На ряду с ней на этой же дюне найден целый сосуд „срубного“ типа (рис. 34, л). Таким образом, в эпоху бронзы здесь намечается сочетание степных и лесостепных форм культуры, известное и в других областях средней полосы Восточной Европы.

Наиболее обильной группой археологических памятников среднего течения р. Десны оказались городища и селища первого тысячелетия до н. э. и первого тысячелетия н. э. Городища этого времени цепью располагаются по высокому правому коренному берегу Десны, занимая оконечности отрогов террасы, изрезанной глубокими оврагами. Площадь городищ обычно не превышает 2000—2500 кв. м. Валы и рвы выражены обычно слабо, либо вовсе отсутствуют. Площади городищ, а нередко и склоны, покрыты мощными культурными наслоениями, имеющими сизовато-серый цвет благодаря высокому проценту зольности. На некоторых городищах мощность культурного слоя составляет 3—4 м, что свидетельствует о чрезвычайно долговременном пребывании людей на этих пунктах.

Хронологическая классификация городищ и отдельных горизонтов их культурного слоя в настоящее время еще далеко не разработана. Бесспорно лишь, что хронологическими рамками городища являются: V—III вв. до н. э. и VII—X вв. н. э. Древнейшие культурные наслоения датируются, в частности, по материалам известного Юхновского городища, исследованного Д. Я. Самоквасовым, где найдено несколько скифских наконечников стрел.¹ Позднейшие слои представлены культурными остатками так наз. роменского типа, лучше всего известными по раскопкам Н. Е. Макаренко на городище Монастырище в бассейне р. Сулы.² Поверх них нередко лежат слои с остатками культуры XI—XII вв., обычными для русских городищ этого времени.

Наиболее интересным вопросом, который встает перед исследователем среднелеснинских городищ, является вопрос о преемственности культуры, вопрос о том, обитало ли на этих городищах в течение всего длительного времени их существования в качестве поселений одно и то же население. Как будто бы на этот вопрос следует ответить

¹ Н. В. Трубникова. К вопросу о Юхновском городище. Тр. Гос. Историч. музея, VIII, 1938.

² Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. Изв. Археол. комисс. вып. 22, 1907.

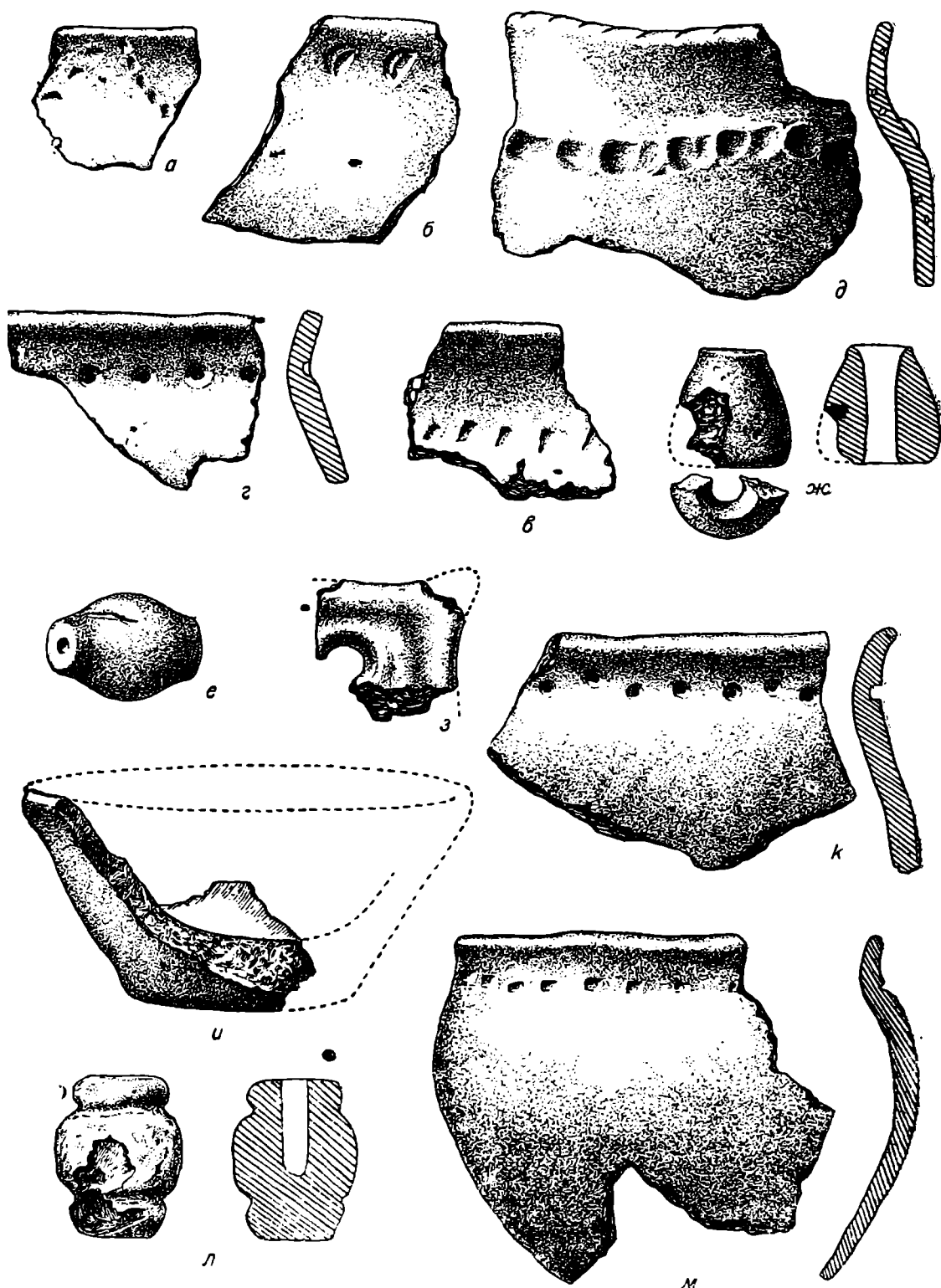

Рис. 35. Находки на Трубчевском и Селецком городищах

а — д — обломки глиняной посуды из нижних слоев Трубчевского городища; е, ж — глиняные изделия неизвестного назначения, откуда же; и — м — обломки глиняной посуды из городища у д. Селец.

положительно, а если это действительно так, то среднедеснянские городища приобретают огромный интерес в свете проблемы славянского этногенеза.

Одним из интереснейших памятников среднего течения Десны является городище, расположенное в черте г. Трубчевска на краю правого высокого коренного берега Десны. Его культурный слой местами достигает мощности до 4 м. Сверху он содержит остатки культуры XI—XIII вв.: керамику, обломки стеклянных браслетов, железные вещи и др., ниже идут находки роменского характера (VIII—X вв. н. э.), а под ними — мощный культурный слой с находками более древними, нижнюю хронологическую границу которых определить пока что не представляется возможным. Он дает черную лощеную керамику, гладкую лепную с примитивными узорами в верхней части (рис. 35, а—в), и, наконец, лепную керамику, близко напоминающую грубую посуду скифских городищ Полтавщины (рис. 35, г, д). Вместе с этой керамикой встречаются глиняные блоки разных форм, снабженные углублениями и сквозными отверстиями (рис. 35, е, ж), также заставляющие вспомнить материалы скифских городищ Полтавщины, например Бельского городища.¹ Среди этих изделий встречаются и так наз. рогатые кирпичи (рис. 35, з). Из древнего слоя происходит несколько костяных изделий: острий, игл и подвесок из камня и зубов животных.

Во время разведочных обследований Трубчевского городища установлено наличие полуземляных жилищ в виде ям, обмазанных глиной.

На городище у д. Кветунь, одном из наиболее живописных городищ окрестностей Трубчевска, верхний слой дал характерную роменскую керамику и нижний — более древнюю, близкую древней посуде Трубчевского городища. Такой же состав находок оказался на городище у с. Селец (рис. 35, и—м). Среди древнего керамического материала там встречена часть невысокой мисы. На городище у с. Любожичи, на селище Уборок около Трубчевска, на селище Егоров Рог и в ряде других мест найдена преимущественно керамика древнего типа, такая же, как происходящая из нижних слоев Трубчевского городища.

Последнюю группу памятников составляют городища, селища и курганы эпохи древней Руси, точнее XI—XII вв. н. э. Кроме Трубчевского городища (верхний слой), к их числу относятся селище в урочище Хохлы, в устье р. Пасорь, городище в урочище Осетинская Дача на р. Нерусе, курганы у с. Кветуни, с. Радутина и др. На ряду с ними имеется ряд более поздних городищ и селищ, относящихся к XIV—XV и XVI—XVII вв.

В. П. Левенок

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

в 1937—1940 гг.

В 1937 г. мною, по поручению ИИМК, были произведены разведки в Кирилловском и Чарозерском районах Вологодской обл. с предварительной шурфовкой ряда стоянок, частью уже известных по раскопкам К. Маркова. На базе этих разведок были произведены в 1938—

¹ В. А. Городцов. *Дневник археологических исследований в Зенковском уезде Полтавской губ. в 1906 г.* Тр. XIV Археол. съезда, III, М., 1911.

1939 гг. раскопки некоторых из этих стоянок по поручению Гос. Исторического, Вологодского областного и Череповецкого музеев.

Все обнаруженные в этих районах стоянки принадлежат к каргопольской культуре, известной по раскопкам М. Е. Фосс на берегу оз. Лача в Архангельской обл.

Древнейшей из раскопанных стоянок является стоянка в д. Погостище на левом берегу р. Модлоны. В 1937—1938 гг. здесь было вскрыто около 40 кв. м, и под дерновым слоем толщиной от 5 до 55 см и слоем торфа толщиной от 55 до 80 см, в нижней части этого торфа, на песке

(толщиной от 12 до 15 см), подстилаемом валунной глиной, было найдено несколько крупных кремневых орудий, кремневых осколков, каменные орудия, обломок сланцевого дисковидного навершия палицы и расколота муфта топора (рис. 36). Две последние находки и стратиграфия стоянки позволяют относить ее к IV—III тысячелетиям до н. э. Найденные кости животных принадлежат косуле, маралу, дикому быку, северному оленю, лосю, волку, бобру, кунице.

Несколько более поздней является стоянка в 6 км ниже по течению, на правом берегу р. Модлоны, против так наз. Гостиного берега. Шурфовка стоянки, произведенная в 1937 г., показала, что культурный слой находится здесь под дерном в верхней части разложившегося торфа,

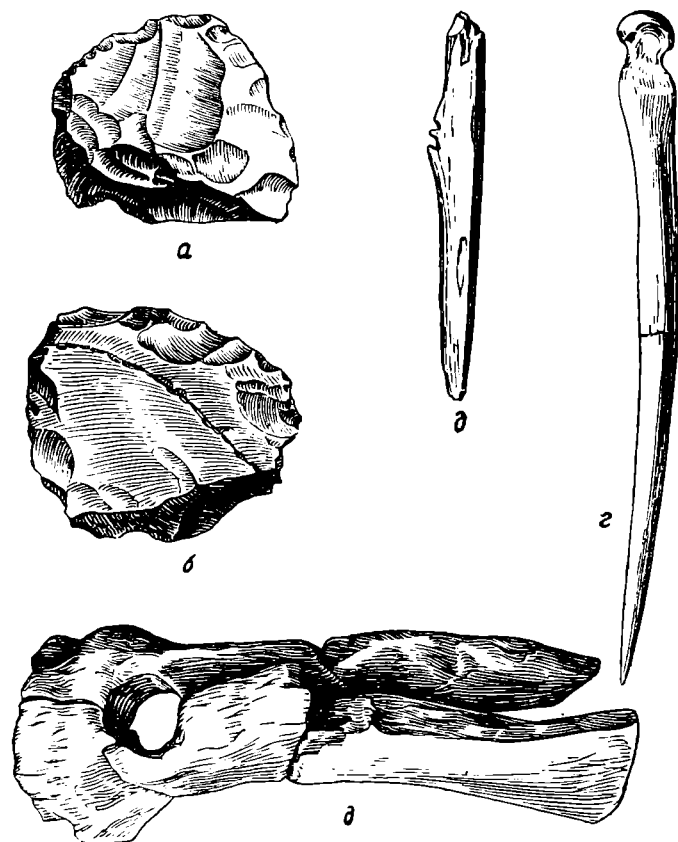

Рис. 36. Стоянка у д. Погостище.

а, б — кремневый нуклеус и скребок; в — обломок костяного гарпуна; 1 — костяное шило; 2 — роговая муфта топора. Около 1/2 nat. вел.

подстилаемого темной глиной, ниже которой идет синеватая илистая глина, слой песка и новый слой торфа. Глубина находок не превышала 60 см от поверхности. На 16 кв. см было найдено около ста сланцевых и кремневых орудий, кремневые осколки и около 1500 обломков глиняных сосудов. Найденные мелкие сланцевые долота, кремневые листовидные и треугольные черешковые наконечники стрел, скребки из отщепов, осколки кремня с ретушью по краю (ножи) и другие орудия не могут служить основой для датировки стоянки. По типичной же керамике, орнаментированной строгим ямочно-зубчатым узором, изредка переходящим в „геометрический“, и по стратиграфии стоянку эту можно отнести к III тысячелетию до н. э.

На западном берегу оз. Вожа (Чарондского) в 1937 г. были обследованы стоянки на Бревенном мысе и мысе Бык, известные по сборам К. Маркова и раскопкам М. Е. Арсаковой. Обе стоянки сильно размыты в своей восточной части, обращенной к озеру, на берегу которого

лежит масса кремневых осколков и орудий из кремня и сланца и бесчисленное множество орнаментированных ямочно-зубчатых узором обломков глиняных сосудов. Стоянка на Бревенном мысе размыта, повидимому, целиком. Стоянка на мысе Бык сохранилась в западной своей части под песчаным валом, нанесенным водою озера, и за валом. В заложенном здесь шурфе в 2×2 м было обнаружено два культурных наслоения: более позднее в слое темной почвы, непосредственно под песчаным валом, более раннее в нижележащем слое разложившегося торфа. Основываясь не столько на находках в шурфе, где их было очень немного, сколько на значительном подъемном материале (очевидно соответствующем нижнему культурному наслоению), стоянку на мысе Бык, а вероятно и стоянку на Бревенном мысе, надо относить, судя по сходству в типах найденных вещей, приблизительно к тому же времени, что и стоянку против Гостиного берега. На Бревенном мысе среди подъемного материала найдены были кости лося, северного оленя и бобра.

К тому же времени относятся, повидимому, стоянка и могильник на правом берегу р. Еломы (рукава р. Модлоны) в местности Караваиха (рис. 37). Здесь, в 1938—1939 гг. была вскрыта часть стоянки и могильника, на котором обнаружено было 22 погребения. Могильник этот существовал долгое время, так как повсюду в засыпке встречались кости из разрушенных повторными погребениями старых могил.

Из сохранившихся погребений одни довольно густо засыпаны красной охрой (детские погребения — в сплошном слое охры), другие иногда имеют подсыпку охры только в головах и ногах. Первые тесно расположены в юго-западной части стоянки, очевидно на краю ее, так как культурный слой здесь очень беден и незначителен. Вторые расположены полосой в западной части стоянки и в некоторых случаях лежат под толстым (до 50—60 см) культурным слоем. Первые имеют различную ориентировку и положение костяка (вытянутое на спине и на боку, сидячее); вторые строго ориентированы головою на СЗ в вытянутом на спине положении. Судя по тому, что в двух случаях погребениями первого типа были частично разрушены погребения второго типа, последние надо считать более древними. Ямы погребений — овальные, неглубокие, выкопанные всегда только до слоя плотной глины или галечника, подстилающих выходящий на поверхность разложившийся торф.¹ Найденные кости животных принадлежат лосю, северному оленю, бобру и собаке.

К более позднему времени относится открытое в 1938 г. свайное поселение на правом берегу р. Модлоны, в 6 км ниже сел. Погостище, на узкой стрелке между Модлоною и впадающей в нее р. Перечной. Остатки этого свайного поселения находятся на поверхности плотно слежавшегося торфа, покрытого сверху песком, глиной и супесью в общем на глубине 1.40—1.50 м. В средней части глины находится более поздний культурный слой, резко отличающийся от культурного слоя свайного поселения типом керамики и занимающий только узкую прибрежную полосу, за пределами которой он резко обрывается. Культурный слой свайного поселения, размытый реками после оставления стоянки, занимает нижнюю часть глины и песок, а в торфе и на площади домов, где он был защищен от размыва водою, вещи лежат *in situ*.

Раскопками 1938—1940 гг. была вскрыта площадь около 100 кв. м,

¹ А. Б р ю с о в. Караваевский могильник. Тр. Гос. Историч. музея, вып. XII, М., 1941.

на которой открыты остатки трех домов. Сохранившиеся части построек позволяют точно выяснить их конструкцию и форму (рис. 38). На довольно беспорядочно вбитых в болотистую почву сваях сооружалась небольшая платформа неправильно-четыреугольной формы, длиною по каждой стороне в 3.0—3.5 м. Сваи представляют собой простые сосновые, еловые, березовые, осиновые, реже можжевельниковые бревна с затесанными концами: по большей части поверхность свай не обработана

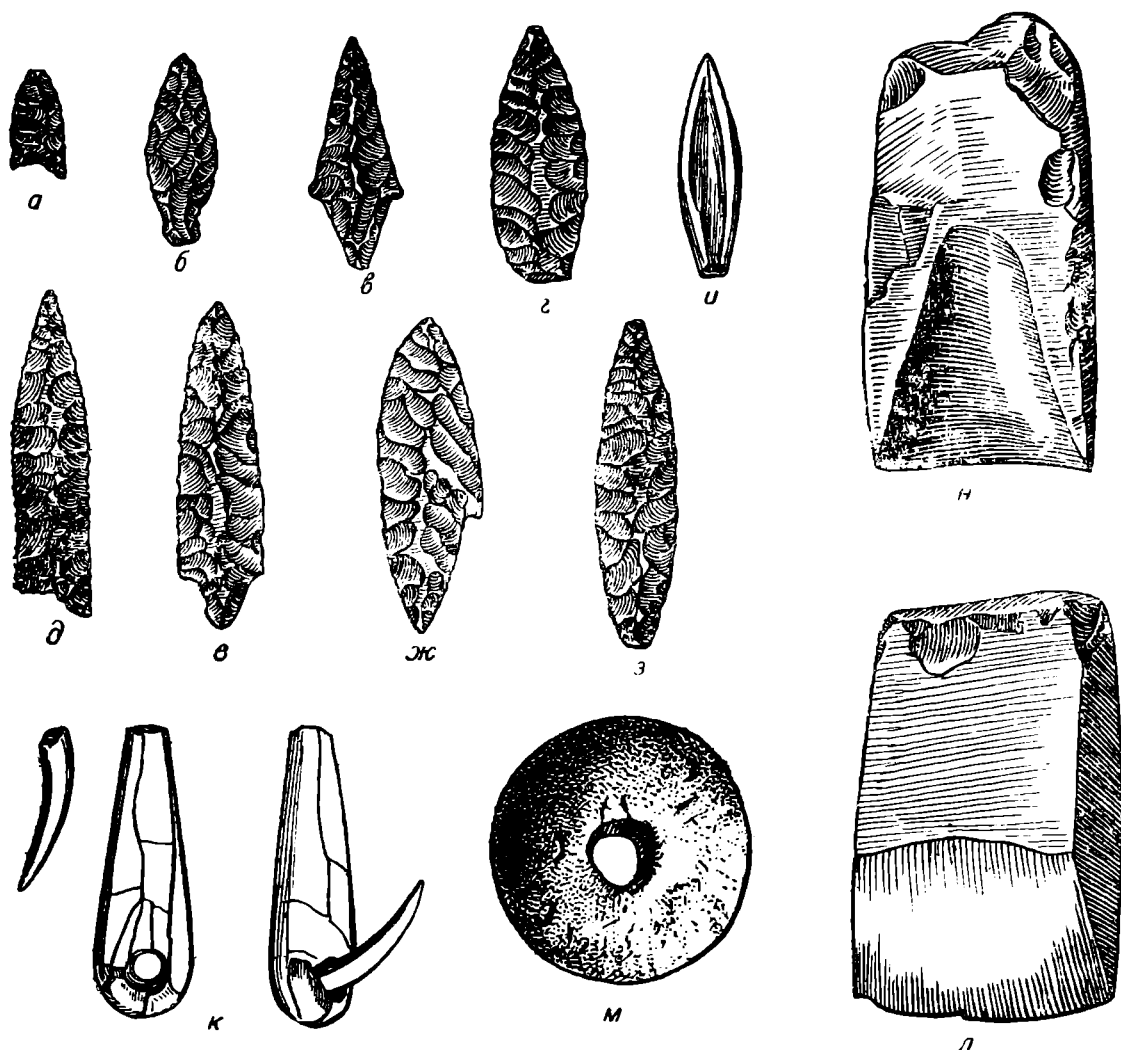

Рис. 37. Караваевская стоянка и могильник.

а — з — кремневые наконечники стрел; и — костяной наконечник стрелы; к — костяной крючок; л — сланцевое долото; м — глиняное грузило; н — сланцевое тесло.

и сохраняет кору. Скрепление их с несущими балками осуществлялось двояко: иногда балка укладывалась концом на развилину, образованную верхушкой свай с оставленным концом толстого сука, но чаще вбивали две сваи и между ними на вице укрепляли балку. На этих балках настился пол из толстых слег и бревен, которые для ровности обмазывались сверху толстым слоем глины. Стены сплетались из прутьев. Крыша делалась двускатной и покрывалась сверху большими кусками сосновой и березовой коры, которые придавливались тяжелыми камнями. У одного дома, с юга, была сделана небольшая пристройка в 1 м шириной (открытая?). Между домами делались узкие мостки на сваях.

От дома № 1 сохранилась только часть, так как северная половина его, у берега Модлоны, размыта водою. Лучше сохранился дом № 2, северная стена которого обрушилась в сторону Модлоны; среди остатков оказался лежавший посредине столб с развилиной, на которую опиралась князевая слега кровли; над этими остатками лежало множество сосновой и березовой коры и около десятка крупных камней. Такой же столб с развилиной был обнаружен среди остатков обвалив-

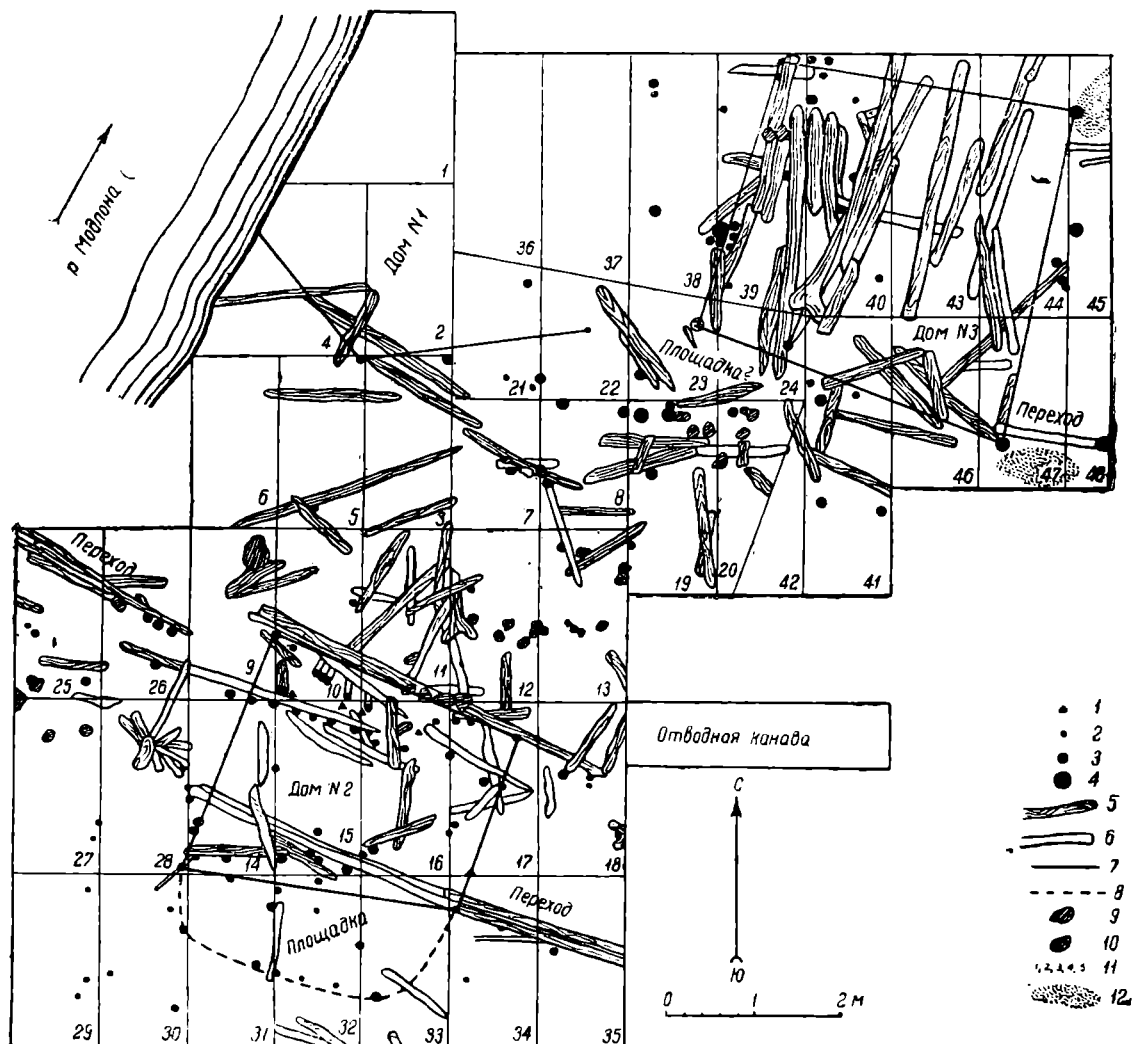

Рис. 38. План раскопок свайного поселения на р. Модлона.

1938 г. — участки 1—5; 1939 г. — участки 7—24; 1940 г. — участки 25—48.

1 — колышек; 2 — свая толщиной до 7 см; 3 — свая толщиной от 8 до 12 см; 4 — свая толщиной свыше 12 см; 5 — балка или слега на торфе; 6 — балка или слега, погруженная в торф; 7 — предполагаемые границы дома; 8 — предполагаемые границы площадки перед домом; 9 — камень на торфе; 10 — камень в торфе; 11 — номера участков; 12 — места скопления рыбных костей и чешуи.

Примечание. На плане показаны только крупные сохранившиеся балки и слуги.

шейся северной стены дома № 3, от которого сохранился почти весь настил пола.

Площади, занимавшиеся домами, отчетливо можно было определить по залегающему между песком и остатками пола слою смешанной с песком глины (обмазка пола), под которым всякие находки прекращались. Напротив, вне домов многие вещи, выброшенные или упавшие некогда на болотистую почву, нередко оказывались глубоко погруженными в торф, особенно около свай, где, очевидно, почва была жиже.

Больше всего это относится к отбросам пищи (кости, чешуя рыбы и т. п.) и большим плетеным рыболовным ловушкам, заглаженные и иногда заостренные с одного конца прутья от которых встречались на некоторых участках. Предметы украшения встречались по преимуществу на самом полу жилищ, в частности все янтарные изделия. По находкам

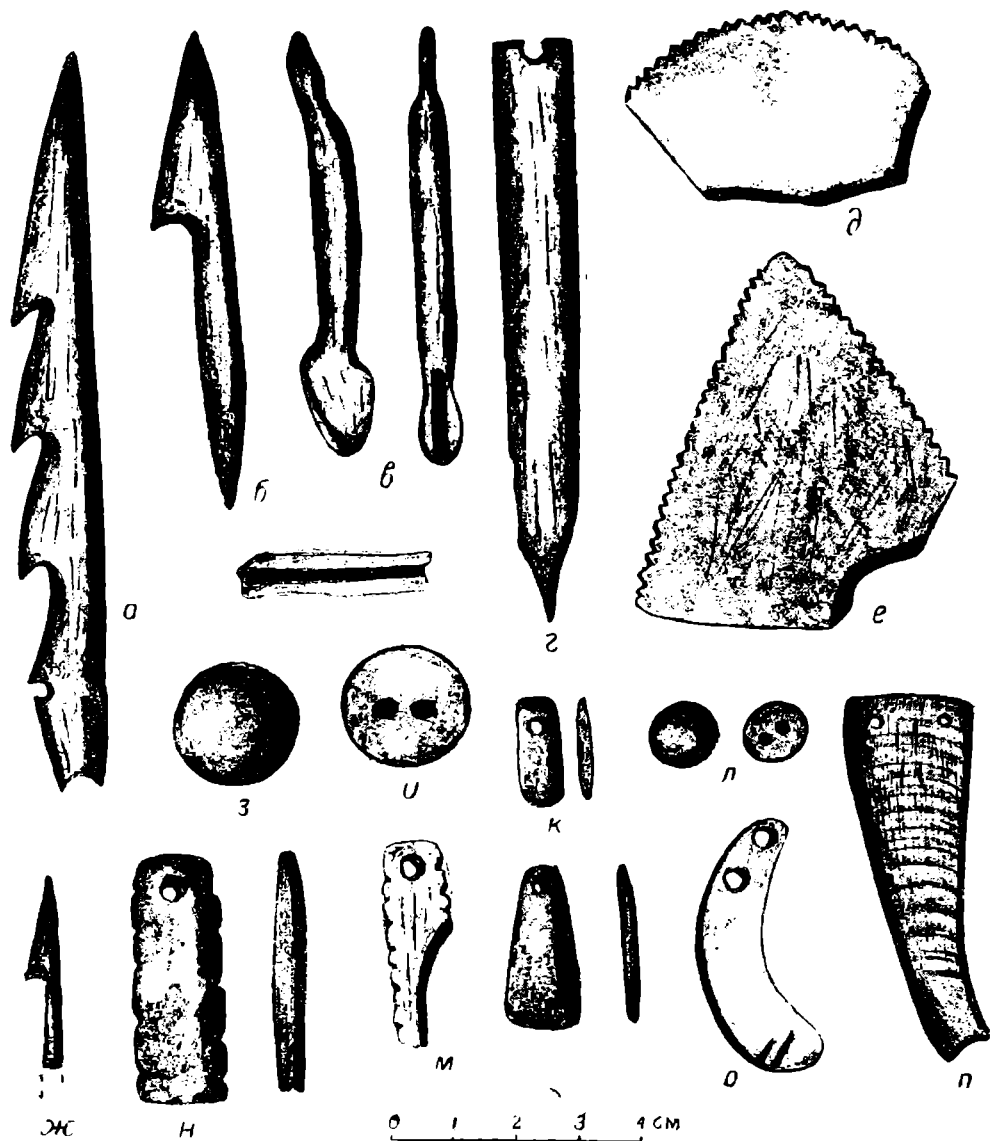

Рис. 39. Свайные поселения на р. Модлоне.

а, б, ж — костяные гарпуны; в — стержень составного рыболовного крючка; з — шило; д, е — каменные штампы для орнаментации глиняных сосудов; з, о — подвески и пуговицы из янтаря, кости и слюды; п — нож из кабаньего клыка.

вне жилищ можно судить, какие стены были глухими, так как около таких стен находок в торфе не было; наоборот, их было особенно много около площадки (открытой?), обнаруженной у южной стены дома № 2 и около переходов между домами.

Количество находок было очень большим и достигало в среднем более 1000 предметов на 1 кв. м, причем более 100 из них приходилось на каменные, костяные, деревянные и янтарные орудия и украшения (рис. 39, 40).

Хорошо датирующими время существования свайного поселения на р. Модлоне являются янтарные украшения. Они представлены почти всеми типами янтарных украшений Прибалтики, бытовавшими до начала II тысячелетия до н. э.:¹ пуговицы с V-образным отверстием, симметрические и асимметрические привески, длинные пронизи, кольца. Значительное количество таких украшений, найденных во всех трех домах, исключает предположение о возможности случайного долгого сохранения их в обиходе, после того как прекратилась их выделка, а не местный материал и типичность формы не оставляют сомнения в их привозном происхождении. Таким образом, помимо прочной даты, мы можем утверждать несомненность постоянных связей местного населения с населением Прибалтики, непосредственных или через соседние племена, едва ли, впрочем, через область карельской культуры, где такие предметы найдены только в единичных случаях. Эта дата подтверждается находкой в 1940 г. фрагментированного сланцевого наконечника стрелы узкого, без шипов, типа, характерного для конца III и начала II тысячелетия до н. э. в северо-западной Норвегии. Что тип этот не местный, доказывает тем, что он является единственным среди 400 кремневых наконечников, почти исключительно листовидного типа.

Из других вещей, найденных на этой стоянке (кремневые резцы, резчики, скребки, скобели, сверла, ножи, сланцевые топоры и долота, костяные долота, шилья, проколки, гарпуны, рукоятки, шиферные и костяные подвески), можно отметить характерные маленькие серпообразные, ретушированные по всей поверхности, скобели (?) и костяные рыболовные составные крючки; последние интересны в том отношении, что при раскопках М. Е. Фосс стоянки Веретье на оз. Лача в нижнем слое этой стоянки встречались только цельные крючки, а в верхнем слое только составные; поскольку мы имеем дело с одной и той же каргопольской культурой, обстоятельство это имеет значение для датировки обоих памятников.

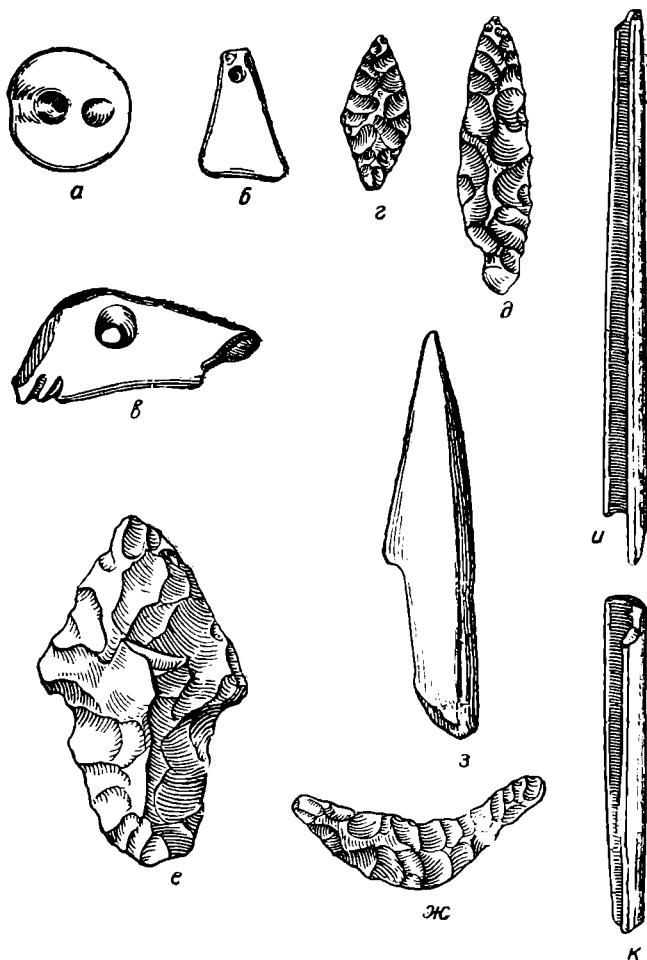

Рис. 40. Свайное поселение на р. Модлоне.

а — в — янтарные пуговицы и подвеска; г, д — кремневые наконечники стрел; е — кремневый наконечник дротика; ж — кремневый скобель; з — к — обломки костяных предметов. Около 1/4 нат. вел.

¹ Около 2000 г. до н. э. тип их изменяется.

Торф сохранил также деревянные изделия. Помимо заостренных колышков, досок с пробитым в них отверстием, странного серпообразного предмета с одним утолщенным и другим заостренным концом и т. п., назначение которых трудно определить, были найдены: веселка, обломки весел, много прутьев от развалившихся рыболовных ловушек (лежащих массою около домов), маленький ладьеобразный ковшик с отломленной ручкой и две резных ручки от таких же ковшей, из них одна в виде

головы собаки (рис. 41, а).

Обломков глиняных сосудов сравнительно мало. На некоторых из них нанесен типично - ямочно - зубчатый орнамент древнего типа (рис. 42). Большинство же имеет совсем иной характер; узор на них выполнен теми же ямочными и зубчатыми вдавлениями, но ромбические ямки исчезают совершенно, ямки — неглубокие, с плоским дном, и их немного; полосы зубчатых вдавлений часто образуют заштрихованные большие треугольники, вершиной книзу. Нередок мелкий резной орнамент, в котором бросаются в глаза орнаментальные пояски из наклоненных друг к другу под углом коротких насечек — тип узора, встречающийся в некоторых окских стоянках¹ и заимствованный из орнамента катакомбной культуры. Интересно разнообразие глиняного теста — чистая глина и глина с примесью толченой дресвы, роговообманкового асбеста и особенно толченых раковин.

Среди найденных костей животных большинство при-

надлежит бобру; кроме того, найдены кости лося, северного оленя, медведя, косули, куницы или соболя и домашней собаки. Судя по большому числу костей собак (8 особей), они служили, вероятно, ездовыми животными.

Верхний культурный слой, обнаруженный в глине под свайным поселением, занимает узкое пространство по самому берегу Модлоны и резко выклинивается на расстоянии 6—8 м от берега. От свайного поселения он отличается по типу керамики, среди которой господствуют черепки от гладких плоскодонных сосудов, черепки с отпе-

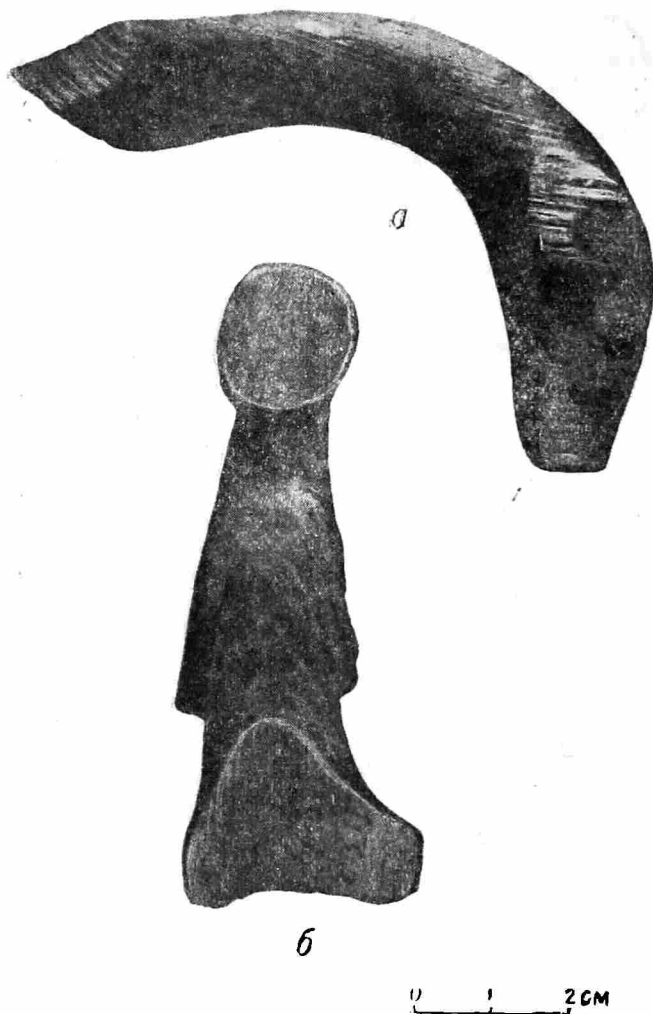

Рис. 41. Свайное поселение на р. Модлоне. Деревянные ручки ковшей.

¹ Стоянки Коренец, Алектаново, Ловедские Борки. См. коллекции в Гос. Историческом музее в Москве.

чатком ткани и с редким орнаментом из зубчатых и ямочных вдавлений только у края; нередко орнаментальные пояски из выпуклин. Глиняное тесто — или чистое, или с примесью толченой дресвы. Из немногих находок, состоящих из мелких кремневых и полированных сланцевых орудий и нескольких изделий из кости, следует отметить отломившуюся от какой-то фигурки глиняную человеческую головку в обычной северной трактовке — с совиным носом и отсутствием рта; на лбу и щеках даны ряды мелких ямок (татуировка?). Никаких хорошо датирующих вещей в этом слое не найдено. Судя по тому, что кремневые и костяные орудия его не отличаются от таковых же в свайном поселении и что отдельные черепки типа, характерного для верхнего слоя, встречаются в нижнем и наоборот, можно думать, что оба слоя разделяет сравнительно небольшой промежуток времени. Найденные кости животных принадлежат лосю, северному оленю, бобру, медведю, кунице, собаке.

К более поздней дате относится, несомненно, так наз. Селище в 10 км ниже устья р. Перечной, на левом берегу р. Модлоны, против о. Гагатмина. В 1938 и 1940 гг. здесь было заложено по небольшому шурфу (2 × 2 и 1.5 × 4 м). Культурный слой начинается непосредственно под дерном до глубины в 35—40 см. Помимо одного небольшого кремневого листовидного наконечника стрелы и обломка (жала) костяного рыболовного крючка, найдены были обломки глиняных сосудов — гладкие или со скупо нанесенными, преимущественно по верху, горизонтальными нарезными полосами, оттисками веревочки, треугольниками из овальных и мелких неправильных ямок

и т. д. Подобная керамика известна по раскопкам М. Е. Фосс в верхнем слое стоянки Веретье на оз. Лача, где по аналогии ряда вещей с позднедьяковской культурой устанавливается для подобной керамики дата около середины I тысячелетия до н. э.

В 1937 г. под г. Кирилловым на обнажившейся вследствие сильного спада воды верхушке бывшего небольшого островка были открыты следы стоянки, большей своей частью погруженной, повидимому, в воду. В заложенном здесь шурфе найдены были кремневые осколки, керамика, близкая по типу к керамике Селища, и кости лося, волка, бобра, и собаки.

Западнее Чаровдского озера, на северном берегу Белого озера, в селце Троицком, было осмотрено место выборки гравия, где, по

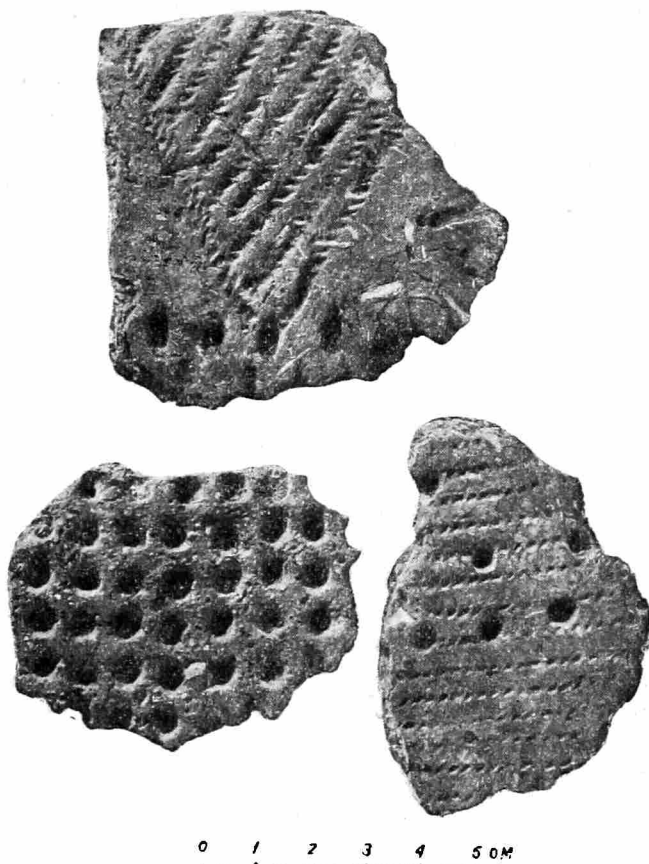

Рис. 42. Свайное поселение на р. Модлоне.
Образцы керамики.

слухам, были сделаны находки бронзовых вещей. Выяснено было, что карьером уничтожен довольно большой могильник. В выбросах найдены человеческие кости, несколько черепков гладкой глиняной посуды и фрагментированная круглая бронзовая бляха позднепьяноборского типа.

Еще западнее, вблизи устья р. Водобы, было заложено несколько шурфов на площади известной Водобской стоянки,¹ относящейся уже по находкам типичных огромных, желобчатых сланцевых долот, топоров русско-карельского типа и т. д. к карельской культуре (в керамике этой стоянки имеется значительное число черепков каргопольского типа). Ничего нового эта шурфовка не дала.

Наличие в районе Чарондского озера ряда стоянок, стратиграфические условия которых позволяют расположить их в относительной хронологической последовательности, возможность точной датировки некоторых из них в абсолютной хронологии, открытие на р. Модлоне свайного поселения, хорошая сохранность вещей в торфе, заключающем в себе культурные слои некоторых из стоянок, все это придает особый интерес археологическим работам в этом районе.

А. Я. Брюсов

ИЗ РАБОТ КУЙБЫШЕВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Согласно плану работы Куйбышевской экспедиции на 1940 г., в задачи 3-го отряда входило, во-первых, производство раскопок Луговского могильника и стоянки, расположенных в поселке Луговом Елабужского района Татарской АССР, и, во-вторых, археологическое обследование берегов р. Камы от пристани Рыбная слобода до Камского устья.

Раскопки Луговского могильника и стоянки являлись продолжением работы Куйбышевской экспедиции 1938—1939 гг. Луговской могильник, датируемый ананьинской эпохой, был открыт в 1938 г. Он находится в саду поселка Лугового, на краю невысокой надпойменной террасы и не имеет на поверхности никаких признаков могил. Земля в этом месте много лет распахивалась и изредка заливалась высокими весенними разливами Камы. Край террасы размывается ежегодно, и в обнажениях изредка попадаются обломки глиняной посуды и кости животных, относящиеся к поселению конца бронзовой эпохи, существовавшему на месте могильника. Культурный слой стоянки в этом месте выражен очень слабо и содержит мало находок. Очевидно, это была окраина древнего поселения, центр которого находился на расстоянии около 0.5 км к востоку, у восточного края поселка Лугового, где и производились раскопки Луговской стоянки.

В 1940 г. на могильнике было вскрыто 21 погребение (№ 41—61). Могилы, как и в предшествующие годы, располагались двумя горизонтальными рядами, разделенными расстоянием в 4—5 м. Часть их находилась в пахотном слое на глубине 20—30 см, и в этом случае проследить очертания могильных ям было невозможно, часть — на глубине 50—80 см в слое светлого песка, и тогда могильные ямы резко выделялись в виде темных четырехугольников с округлыми углами, вытянутых

¹ Раскопки там производила М. Е. Арсакова.

с севера на юг с небольшими отклонениями к востоку и западу. Костяки в могилах лежали на глине, подстилающей слой песка, головами на север, в вытянутом положении на спине, почти всегда с вытянутыми вдоль тела руками. Сохранность костей в среднем была довольно плохая: мелкие кости скелета в большинстве случаев не сохранились, часть черепов также была в плохом состоянии.

В некоторых случаях погребения находились одно над другим, разделенные тонким слоем земли (около 10 см), возможно, что иногда в одной могиле. При этом изредка можно было наблюдать, как более поздние погребения нарушали более ранние. В могилах обычно лежал один костяк. Исключение представляют 2 могилы, в которых лежало по 2 костяка; в одном случае мужской и женский (погр. №№ 45—46), в другом — взрослого и ребенка (погр. № 47).

При погребениях были обнаружены обычные для ананьинской культуры вещи: при мужских — главным образом оружие и орудия труда (бронзовые втульчатые топоры-кельты, бронзовые и железные наконечники копий, железный кинжал, костяные и каменные наконечники стрел); при женских и детских — украшения, состоящие из бронзовых пронизок, бубенчиков, бляшек, и глиняные сосуды. Иногда украшения встречались и в мужских могилах. В общем, погребальный инвентарь — довольно бедный. Исключение представляют лишь некоторые могилы. Особенно богато было мужское погребение № 57, при котором находились следующие вещи: на черепе — круглая бронзовая литая бляшка с узором из концентрических кругов на лицевой поверхности и с петлей на обратной; к северо-западу от черепа — группа предметов, состоящая из бронзового кельта, железных кинжала, наконечника копья и ножа и пяти костяных наконечников стрел. Кельт — обычного ананьинского типа, небольшой, с овальной в сечении втулкой. На обеих поверхностях находится орнамент, состоящий из горизонтального пояса параллельных рельефных линий, расположенных вокруг втулки, от которого спускаются вниз по две расходящихся рельефных линии с каждой стороны. Особенно интересен большой железный кинжал скифского типа с перекрестьем в виде крыльев бабочки. Длина его 42 см (рис. 43).

После того как кинжал был подвергнут химической чистке, обнаружили следующие детали рукоятки. Золотая инкрустация навершия образовала рисунок из ромбов, сохранившийся лишь частично. Под навершием открылась медная (или бронзовая) позолоченная обоймица с тремя треугольными прорезями на лицевой стороне, которые, очевидно, были чем-то заполнены (может быть белой или цветной пастой). На обратной стороне обоймица скреплялась посредине при помощи узкой пластинки. Отдельные частицы позолоченной меди (или бронзы) находились в средней и нижней частях рукоятки, а кусочек золотой проволоки — в верхней части клинка. Раскрылась форма перекрестья в виде крыльев бабочки с красивым, но необычным для скифских кинжалов острым выступом в средней части. Окончательно определилась изящная форма клинка с рельефной полосой посредине. Клинок постепенно расширяется вниз, примерно до трех четвертей его длины, и затем плавно суживается, образуя колющее острие. Общая форма клинка и навершия рукоятки, а также техника инкрустации позволяют сравнивать луговской кинжал с кинжалами из Галльштатского могильника. Кинжал был воткнут в дно могилы в наклонном положении. Под ним лежал железный наконечник копья скифского типа, также сильно окисленный, со слегка несомкнутой в нижней части втулкой и довольно узким пером, посредине которого проходит выпуклый стержень. Верхняя часть пера частично разрушена.

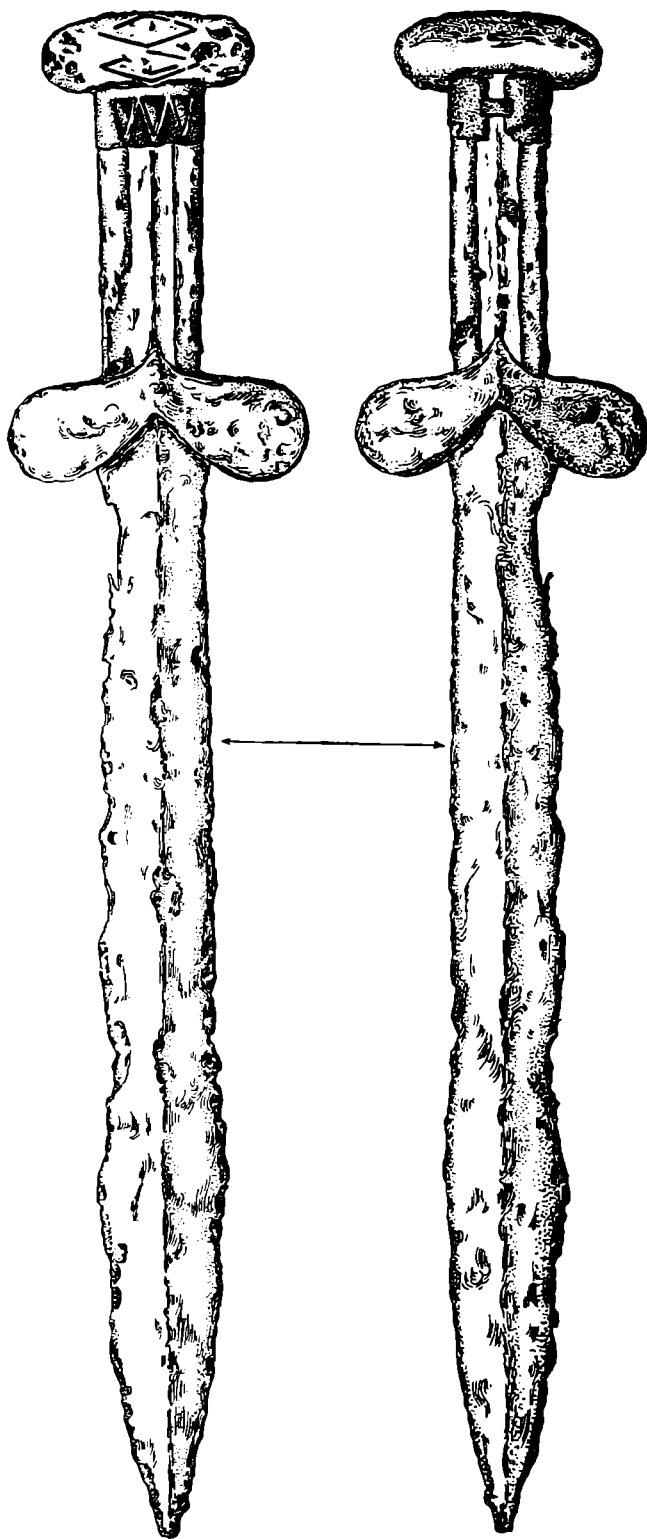

Рис. 43. Луговской могильник. Погребение № 57. Железный княжал с инкрустацией из золотых проволочек на рукоятке.

На раскопанной площадке были обнаружены остатки трех жилищ-землянок, одно из которых было вскрыто целиком. Оно представляет собой четырехугольную впадину, с выступом в западной части, углубленную ниже поверхности культурного слоя примерно на 1 м. В высту-

О форме ножа судить трудно, так как он состоит из 5 небольших сильно разрушенных фрагментов.

Наконечники стрел также сохранились довольно плохо. Из них четыре — обычные трехгранные, черешковые, с уплощенным путем среза одной из граней черешком и один совершенно иного типа. Он представляет собой полую внутри, с сильно утолщенным широким краем (другой край разрушен) трубку, в которую вставлялся деревянный стержень. Такие наконечники стрел с тупым концом употреблялись для охоты на мелкого пушного зверя, чтобы не портить ценные шкурки.

Наконец, у левой руки погребения лежали 2 плечевые кости лошади — правая и левая (от разных особей).

Луговская стоянка расположена на дюне, заросшей лесом и травой, и тянется примерно на полкилометра к западу и востоку от конца поселка Лугового, вдоль края надпойменной террасы, параллельно которой внизу вытянута цепь пойменных озер. Очевидно, древнее поселение находилось на берегу р. Камы, которая затем отступила к югу (в настоящее время река протекает в расстоянии около километра от края надпойменной террасы, образуя в этом месте широкую пойму).

Слой с культурными остатками древнего поселения состоит из рыхлой темной супеси, пронизанной гумусом, и довольно богат находками. Толщина слоя 30—40 см.

пающей в виде четырехугольника западной части находился большой очаг. Длина его около 4 м, ширина около 2 м. Нижняя поверхность очага была несколько выше дна жилища, так что очаг находился как бы на небольшом возвышении. В углистом слое очага была найдена масса обожженных и необожженных костей (между которыми встречались кости и части черепа человека), обломков глиняной посуды, обожженные и необожженные камни.

Остатки двух других жилищ были раскопаны лишь в незначительной части. Они представляют собой западный край и угол четырехугольных землянок.

Характер материала, полученного во время раскопок стоянки и состоящего из небольшого количества бронзовых предметов и каменных орудий, обломков глиняной посуды и костей животных, позволяет отнести время существования древнего поселения к концу эпохи бронзы в бассейне Камы.

Обследование берегов р. Камы от пристани Рыбная Слобода до Камского устья дало очень интересные результаты. В этом месте река на большом протяжении подмывает высоты правого берега и отлагает наносы у левого, образуя широкую пойму, которая в некоторых местах достигает 18 км ширины. Пойма заросла густым лесом, кустами и травой и ежегодно заливается водой за исключением более высоких грив. Высоты левого берега расположены очень далеко.

В текущем году основное внимание было обращено на обследование правобережья Камы, особенно в районе устья реки. Был осмотрен целый ряд памятников, относящихся к различному времени, и несколько местонахождений костей ископаемых животных как на берегу Камы, так и в оврагах по течению ее притоков близ устья последних. Самым интересным из них является известное место близ д. Мысы, где кости ископаемых животных встречаются в пойме на поверхности широкой полосы гравия, в которой ведутся разработки. Здесь было собрано большое количество костей мамонта, носорога, оленя и других животных, а также кремни со следами обработки.

Памятники, относящиеся к бронзовой эпохе, были обследованы в районе устья р. Камы. Здесь, близ д. Табаево и на мысу, между Камой и Волгой, были обнаружены остатки четырех поселений конца эпохи бронзы, из них Табаевская стоянка была в прошлом столетии описана проф. Штукенбергом. Наиболее интересна Усть-Камская стоянка, расположенная на краю издпойменной террасы, на берегу небольшого пойменного озера Аю-куль (Медвежье озеро). Здесь были обнаружены остатки шести жилищ, соединенных в группы по три в каждой. Материал из обнажения обрыва террасы и шурфов невелик, но очень своеобразен.

Памятники ананьинской эпохи были представлены четырьмя городищами; из них очень интересно городище Широкая Гора близ с. Троицкий Урай с мощным культурным слоем, обитаемое в ананьинскую и более позднюю эпоху.

Три городища и могильник, а также остатки двух больших городков представляют памятники болгарско-татарского времени. Среди них следует отметить городок близ с. Шуран, где с внутренней стороны грандиозного вала находится большое количество ям — вероятно следы жилищ.

А. В. Збруева

НЕКРОПОЛЬ НА ТЕРРИТОРИИ ОЛЬВИИ

(Из работ ольвийской экспедиции 1940 г.)

Как и в предыдущие годы,¹ в 1940 г. производилось исследование некрополя, расположенного на территории северо-восточной части ольвийского городища. Экспедицией 1940 г., организованной Институтом археологии украинской Академии наук, здесь было открыто 6 погребений.

Погребения эти естественным образом распадаются на две группы. Первую группу составляют могилы, обнаруженные в юго-западной части участка И,² на верхней террасе: это погребения №№ 29, 30, 32. Все они открыты на территории, составляющей непосредственное продолжение к югу участка, раскопанного в 1937, 1938 и 1939 гг.; они лежат приблизительно на том же уровне и относятся к тому же времени, что и могилы, исследованные в 1937—1939 гг. Вторую группу составляют погребения №№ 28, 31, 33; они расположены в северо-западной и северной частях участка И, открыты не при планомерных раскопках, а благодаря различного рода случайным обстоятельствам, и, как мы увидим, принадлежат несколько более позднему времени. Рассмотрим обе группы погребений.

I. Погребения, расположенные в юго-западной части участка И

На сравнительно большой площади (27.50 × 10.00 м) в 1940 г. было открыто всего три погребения. Это число не соответствует, впрочем, количеству могил, находившихся здесь в VI в. до н. э. Именно на этой территории были позже устроены сооружения, нанесшие особенно значительный ущерб древнему некрополю: в IV и III вв. до н. э. здесь были произведены большие работы по устройству углубленных в землю помещений (ям и подвалов), служивших хранилищами разного рода продуктов. При этих работах был несомненно разрушен целый ряд погребений, о чем свидетельствует значительное количество обломков архаической керамики, встречающихся в культурном слое IV—III вв. до н. э. Вспомним, далее, что на исследованной в 1940 г. территории находилась „1-я траншея“ Б. В. Фармаковского, где в 1925 г. было открыто по крайней мере одно погребение.³ Можно думать поэтому, что могилы на расследуемом участке находились в количестве не меньшем, чем на территории раскопок 1937—1939 гг. Хорошие и характерные экземпляры керамики, имеющиеся среди найденных в 1940 г. в слое IV—III вв. архаических фрагментов, дают нам возможность сделать кое-какие заключения и об этих не сохранившихся погребениях. Об этом будет речь впереди. Сейчас обратимся к рассмотрению открытых в 1940 г. погребений.

¹ О работах по исследованию погребений на территории участка И в 1937, 1938, 1939 гг. мною составлены три статьи (см. Советская археология, VII, стр. 92 и 302, и Краткие сообщения ИИМК, VI, стр. 80).

² Об участке И см. Л. М. Славин. Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг. Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. 9 сл. (план Ольвии с обозначением участка И на стр. 8).

³ Б. В. Фармаковский. Отчет о раскопках в Ольвии в 1925 г. СГАИМК, I, 1926, стр. 179 сл. Сопоставление описания Б. В. Фармаковского с данными осмотра сохранившейся выемки, в которой лежала в 1925 г. амфора, приводит к заключению, что здесь находилось не одно, а два погребения; из них нижнее — обычное для Ольвии захоронение ребенка в амфоре.

Погребение № 29. Погребение в амфоре. При расчистке подвала, расположенного в восточной части раскапывавшегося в 1940 г. участка, в прилегающем к западной стенке подвала обрезу материка была обнаружена часть выемки в материке размерами 0.80×0.45 м, в которой лежала большая часть разбитой амфоры архаического типа; внутри амфоры оказалось несколько косточек очень маленького ребенка. Погребение повреждено при рытье подвала: восточная часть выемки срезана, амфора сдвинута со своего первоначального положения, вследствие чего не представляется возможным определить ориентацию погребения. Амфора имеет небольшие размеры и отличается очень широким туловом и горлом; она украшена росписью в виде поясков и полосок.

Погребение № 30 (рис. 44, а). Могила в материке, у южного обреза раскопанного в 1940 г. участка; могильное ложе на глубине от современной поверхности 1.10—1.15 м. Могила имеет форму четырехугольника с закругленными углами; длина сохранившейся ее части 1.78 м, ширина 1.05—1.10 м. Ориентирована на В.

Погребение сильно повреждено завалом камней и плотной глиной, которой, очевидно не случайно, была затрамбована восточная часть могилы. От черепа сохранились только обломок нижней челюсти, несколько кусочков черепной коробки и рассыпанные в восточной части могилы зубы. Из остальных костей не сохранились плечевая и лучевая кости левой руки; сдвинуты с мест ребра, кости предплечья правой руки сломаны, кости левой кисти и кости стопы обеих ног в беспорядке; все кости в трещинах.

Костяк лежал головой на В, на спине, в вытянутом положении, с руками, вытянутыми вдоль туловища. Общая длина сохранившейся части костяка 1.08 м; рост равнялся, повидимому, 1.15—1.20 м. Могильное ложе было выстлано растительной (камышевой?) подстилкой; сверху лежал второй слой растительного настила, еще выше — деревянное перекрытие.

При удалении лежавшего над восточной частью погребения завала камней было вынуто находившееся в поврежденной части могилы бронзовое зеркало (диам. 0.147 м, с ручкой 0.262 м) с ободком на обратной стороне и с желобчатой ручкой, заканчивающейся схематизированной бараньей головкой (рис. 45, а). В ногах костяка находились три упавшие на бок сосуда — разбитый навкратийский кубок (выс. 0.11 м) с изображением трех пляшущих человеческих фигурок (рис. 46), коринфский арибалл со схематизированным растительным орнаментом (выс. 0.068 м; рис. 45, в) и самосский сосудик без ручек, покрытый коричневатой-красной глазурью (выс. 0.087 м; рис. 45, г). У навкратийского кубка отсутствуют одна из ручек и небольшие кусочки стенок и ножки: очевидно, он был поврежден при работах по устройству большого подвального помещения, стенка которого срезала западную часть могилы. Налево от группы сосудиков были найдены кусочки какого-то белого и синего вещества. На костях правой ноги, под слоем дерева, лежали четыре кости, повидимому бараньи.

Судя по характеру костей и по инвентарю, здесь была погребена девочка-подросток.

Погребение № 32 (рис. 44, б). Могила в материке, в юго-западном углу участка И; западным концом она уходит под субструкцию, подстилавшую западную стену находившегося здесь в эллинистический период здания.

Могильная яма имеет почти правильную четырехугольную форму с одним (западным) закругленным углом; ориентирована на СВ. Длина

могилы 2.00 м, ширина 1.36 м; глубина могильного ложа от поверхности материка 0.42 м, от современной поверхности 2.07 м.

Юго-западная часть погребения повреждена при возведении перерезавшей могилу в направлении с Ю на С субструкции; очертания могильной ямы прослеживаются и здесь, но в могиле не сохранилось ничего — ни костей, ни остатков каких-либо предметов.

Могильное ложе выстлано растительным настилом. Стенки могилы обложены деревом; деревянный настил перекрывает также погребение сверху. Следует отметить очень хорошую сохранность дерева (особенно близ восточного угла). Интересно, что на стенках волокна дерева идут в горизонтальном направлении, а в углу (восточном) — в направлении вертикальном: повидимому, здесь находился столб. Гвоздей не обнаружено, что делает маловероятным захоронение в гробу; с этим согласуется также и отсутствие дерева на дне могилы.

Костяк лежал головой на СВ, на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, слегка склонившись на правый бок. Не сохранились левая нога и большая часть правой; в остальном сохранность костей хорошая, незначительные повреждения имеются лишь на костях таза и в затылочной части черепа.

В головах, справа, лежал упавший на бок ионийский лекиф с исполненной коричневато-красной глазурью росписью — волнистой линией на плечах, поясками и полосками на тулове, венчике и подставке; стенки лекифа в трещинах, дно пробито. В засыпи, у головы, найден трехгранный наконечник медной стрелки; в средней части могилы, особенно у правой руки — мелкие кусочки красной краски.

Из описанных погребений погребение № 29 дает мало — оно лишь вновь подтверждает распространенность в Ольвии VI в. до н. э. обычая хоронить маленьких детей в сосудах; к тому же плохая сохранность погребения не дает возможности установить все детали ритуала. Зато два других погребения представляют бесспорный интерес.

Погребение № 30 привлекает внимание прежде всего своим инвентарем. Найденный здесь набор предметов очень типичен для Ольвии. Зеркало принадлежит к числу тех металлических изделий скифского типа, которые в значительном количестве производились в Ольвии VI в. до н. э. и частью употреблялись самими ольвиополитами, частью вывозились в Скифию. В данном экземпляре элементы типичного для таких изделий „звериного стиля“ подверглись значительной схематизации: баранья головка, которой заканчивается ручка, приобрела здесь характер чисто орнаментальной детали. Зеркала, почти совершенно идентичные зеркалу погребения № 30, встречались и раньше как в самой Ольвии,¹ так и в области Скифии.² Очень характерны и три архаических сосуда: все три представленные ими группы — навкратийская, коринфская и самосская — принадлежат к числу излюбленных категорий греческого импорта в Ольвию. Отмечу, что навкратийский кубок, встречающий многочисленные аналогии как по форме, так и по росписи,³ является

¹ Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, вып. 34, табл. X, 4.

² Там же, табл. XIII, 5.

³ Кубок из погребения № 30 принадлежит группе, описанной Price под названием „Naucratis Chalices Komos Style“ (Elinor R. Price. Pottery of Naucratis, JHS, т. XLIV, ч. II, 1924, стр. 219—220). Обломки сосудов этой группы воспроизведены там же на табл. XI; изображения некоторых из них очень близки изображениям нашего кубка. Близкую аналогию форме представляет изданный Н. А. Эрман кубок с о. Березани.

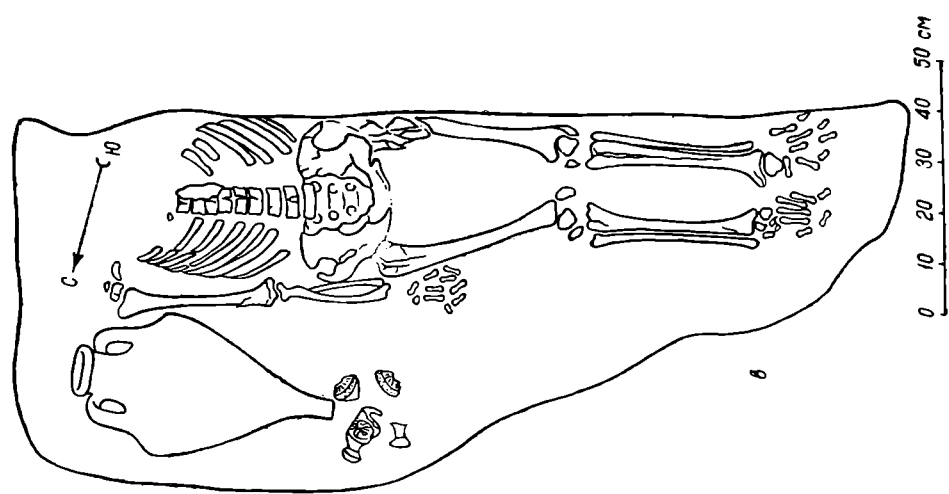
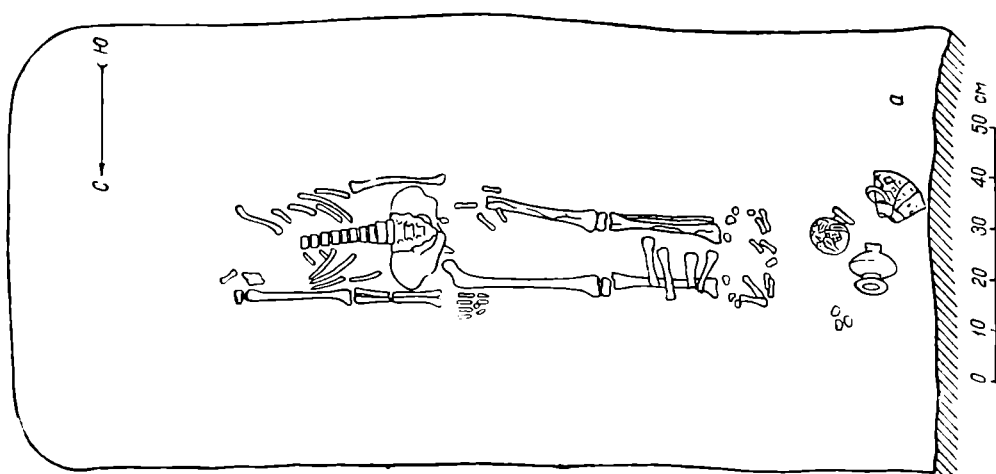
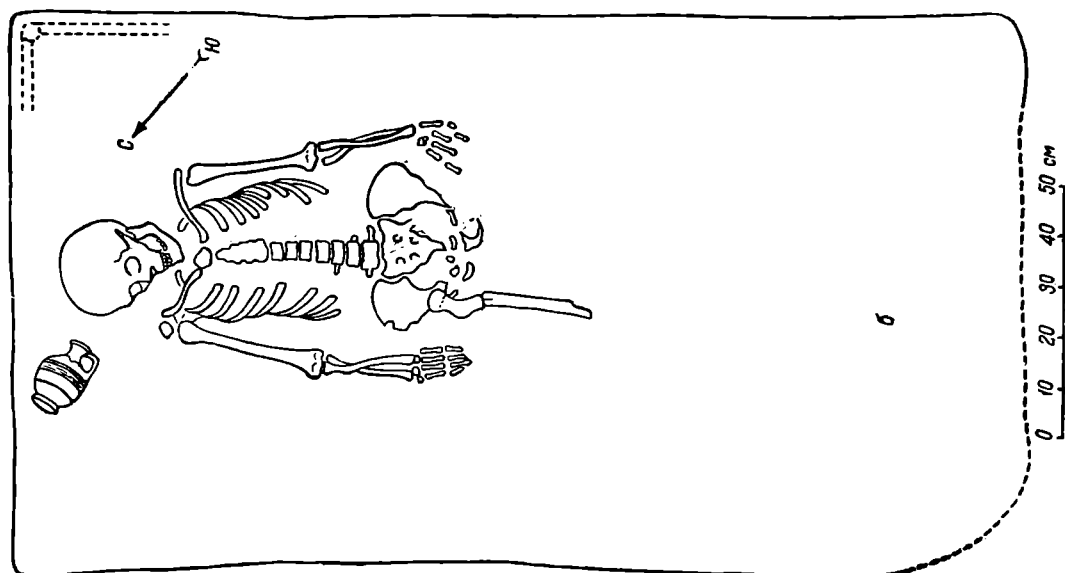

Рис. 44. Ольвия. Некрополь.
а — погребение № 30; б — погребение № 32; в — погребение № 28,

Рис. 45. Ольвия. Некрополь.

а — бронзовое зеркало из погребения № 30; б — лекиф из погребения № 28; в — коринфский арибалл из погребения № 30; з — самосский сосуд из погребения № 30.

единственным известным мне целым (или почти целым) сосудом с такой росписью. Что касается коринфского арибалла, то он принадлежит к числу сосудов типа, очень распространенного как в Ольвии,¹ так и вне ее.² Исследованиями Burrow's и Ure'a, обнаруживших большое количество арибаллов с подобного рода росписью в некрополе Ритсоны в Беотии, была установлена классификация этих арибаллов и выяснена датировка отдельных разновидностей данной группы. Разновидность, представленная арибаллом из погребения № 30, датируется временем около середины VI в. до н. э.³ С этой датировкой вполне согласуется также и стиль росписи навкратийского кубка, принадлежащего ко второй, более поздней группе навкратийской керамики.⁴ Очень часто встречаются в погребениях ольвийского архаического некрополя также и маленькие самосские сосудики, подобные третьему сосуду из погребения № 30. Обычай помещать их в могилы идет несомненно из Ионии, где, особенно в Самосе, такие сосудики являлись постоянным, иногда и единственным инвентарем могил.⁵

По особенностям устройства погребение № 30 также является очень типичным для ольвийского архаического некрополя. Два слоя растительного настила, один выстилающий дно могилы, другой покрывающий погребенного, в сочетании с покрывающим могилу деревянным перекрытием, представляют элементы обряда, многократно встречавшегося в исследованной в последние годы части ольвийского некрополя; характерна и очень правильная ориентация погребения на В. Интересно, что все эти черты наблюдаются в погребении, принадлежащем к числу самых ранних в некрополе Ольвии: мы видели, что и коринфский арибалл, и навкратийский кубок датируются временем, близким к середине VI в. до н. э.

В целом погребение № 30 представляет один из лучших образцов той группы ольвийских погребений, в которой заметно выступают черты греческие, при наличии особенностей, свойственных именно Ольвии.

Иной характер носит погребение № 32. Оно интересно устройством в виде сруба четырехугольной формы, имевшего, повидимому, столбы по углам. Не подлежит сомнению, что этот тип восходит к местным погребениям области Приднепровья. Расследованные Бобринским курганные погребения, конечно, сложнее, крупнее; но родство их несомненно — в погребении № 32 мы имеем дело с упрощением этого устройства, приспособлением его к типу могил грунтового некрополя. Не случайно, что это погребение ориентировано не на В, а на СВ: такое нарушение обычной ориентации встречалось и раньше во всех погребениях с выраженными туземными чертами, как, например, погребения скорченников 1937

(ИАК, вып. 40, стр. 142—143, рис. 1), также кубок с о. Родоса, находящийся в Лувре (воспроизведен там же, стр. 152, рис. 8). Березанский кубок близок кубку погребения № 30 также и по росписи внутренней стороны, выполненной у обоих сосудов в одной манере, с одинаковой степенью схематизации. Обломок кубка, подобного нашему, был также найден в 1938 г. в Ольвии; издан в статье Е. И. Леви (Сов. археол., VII, 1941, стр. 315, рис. 4, 3).

¹ Целый ряд арибаллов с росписью того же типа издан И. П. Малевым (ИАК, 54, стр. 85, 87, 89).

² Н. Рауле. *Necrocorinthia. A study of Corinthian art in the archaic period.* Oxford, 1931, стр. 320 сл. (там же указана и важнейшая литература об арибаллах этой группы).

³ См. статьи Ure'a в JHS, XXIX 1909, стр. 309 сл. и 'Εφην. 'Αρχ., 1912, стр. 113 сл. Ср. также Рауле, ук. соч., стр. 320.

⁴ Price, ук. соч., стр. 192.

⁵ Boehlau. *Aus ionischen und italienischen Nekropolen.* Лейпциг, 1898, стр. 145 и табл. VIII, 5, 6, 10, 12.

и 1938 гг. (погр. №№ 6 и 18). Об инвентаре можно говорить только условно, поскольку в поврежденной части могилы могли быть предметы, до нас не дошедшие. Но все, что здесь найдено — ионийский кувшинчик, медная стрелка, куски красной краски — представляет элементы инвентаря, повторяющиеся во многих туземных погребениях VI в. до н. э.

Описанное устройство встретилося в некрополе на участке И впервые: оно представляет еще один пример туземного погребения, находящегося в той же части некрополя, в которой был обнаружен ряд могил выраженного греческого типа.

В заключение представленного краткого обзора исследований некрополя в юго-западной части участка И коснусь уже упоминавшихся мною находок в культурном слое IV—III вв., несомненно происходящих из разрушенных архаических погребений.

В настоящей предварительной публикации я не могу, конечно, дать полный перечень и характеристику всех этих, очень многочисленных, находок; ограничусь самой краткой сводкой. Прежде всего бросается в глаза большое количество фрагментов остродонных амфор архаического типа, с простейшей росписью; некоторые из этих фрагментов были очень крупны, составляя большую часть сосуда. Не подлежит сомнению, что большинство этих фрагментов принадлежит захоронениям в амфорах: количество такого рода погребений на данном участке было, очевидно, еще значительнее, чем известное нам число их. Остальные обломки принадлежат менее крупным архаическим сосудам различных категорий: представлены как группы простейшей ионийской керамики без росписи или с простейшей росписью (ионийские кольцеобразные аски, лекифы и энохи с волнистым орнаментом, подобные лекифу погребения № 32, светильники и т. д.), так и группы более художественные, как, например, сосуды стиля Фикеллур, родосско-милетские, коринфские, навкратийские. Весь этот материал принадлежит середине и второй половине VI в. до н. э.; отмечу присутствие в нем очень хороших экземпляров, как, например, фрагмент сосуда с частью фигуры льва, близкого по стилю одному из изданных Н. Э. Радловым фрагментов поздних сосудов родосско-милетской группы.¹

II. Погребения, расположенные в северной части участка И

Как уже указывалось, расположенные в северной части участка И могилы были открыты в 1940 г. не при планомерных раскопках, а благодаря случайным обстоятельствам. Погребение № 28 было обнаружено в результате сильных ливней, после которых, еще в апреле 1940 г., рабочими были замечены обнажившиеся на обрыве человеческие кости; погребения №№ 31 и 33 были открыты при расчистке частей амфор, выступивших во время рытья канавы, на дне ее.

Погребение № 28 (рис. 44, в). Погребение расположено на расстоянии 1.30 м к С от северной стены помещения, прилегающего с Э к так наз. северному зданию; глубина могильного ложа от современной поверхности 2.33 м.

Могильное ложе имеет неправильные очертания и сильно расширяется к голове; размеры его не поддаются определению, так как сохранилась только часть его, длиной 1.80 м, шириной 0.67 м. Могильное ложе

¹ ИАК, 37, табл. IV.

Рис. 46. Ольвия, Некрополь. Навратийский кубок из погребения № 30.

выстлано растительным настилом, другой слой такого же настила покрывал погребенного сверху.

Южная часть погребения, выходящая на обрез, смыта: отсутствует вся левая рука и левая верхняя часть грудной клетки. Не сохранились также череп, верхняя часть позвоночника, ключицы. Грудная клетка раздавлена, кости потрескались; повреждены коленные суставы.

Костяк лежал головой на В, с небольшим отклонением к С, в вытянутом положении, с руками, вытянутыми вдоль тела.

У правого плеча костяка — небольшая остродонная амфора, в нижней части растрескавшаяся. Около днища амфоры — разбитый на части аттический лекиф (выс. 0.12 м) с изображением орнамента пальметок по белой облицовке (рис. 45, б).

Погребение относится к более позднему времени, чем три описанных погребения южной части участка И. Амфора имеет тулово, более вытянутое и очерченное более прямолинейно, чем это свойственно ранним типам амфор VI и начала V в. до н. э. Аттический лекиф с орнаментом пальметок по белой облицовке также принадлежит к группе, характерной уже для V в. до н. э.; особенности данного экземпляра говорят, повидимому, даже не о начале V в., а о времени несколько более позднем.¹

Открытие погребений №№ 31 и 33 явилось результатом расчистки появившейся при рытье канавы, на дне ее, верхней части амфоры. При расчистке был обнаружен завал частей двух амфор, вместе с которыми лежал хорошо сохранившийся чернолаковый килик V в. до н. э. Расширение исследуемой площади к востоку открыло верхнюю половину сильно разрушенного костяка, нижняя часть которого была целиком срезана канавой. После удаления амфор и килика было обнаружено второе погребение (№ 33): остатки черепа оказались прямо под завалом, костяк в вытянутом положении лежал на ЮЗ от завала. Несомненно, что эти погребения относились к разному времени, причем более вероятно, что погребение № 33 было вырыто позже.

В настоящей предварительной публикации я не буду подробно описывать эти погребения, поврежденность которых не дает возможности установить, которому из них принадлежал килик, и принадлежали ли какому-либо погребению амфоры. Коснусь лишь одной детали. Погребение № 33 интересно тем, что в нем, впервые на данном участке, встретилось захоронение в деревянном гробу: вполне ясно сохранились части дна, стенок и крышки гроба и ряд железных гвоздей, целых и обломков. К сожалению, мы не можем с уверенностью говорить о времени этого погребения; дальнейшее расследование северной части участка И может выяснить, не является ли обычай хоронить умерших в гробах для Ольвии более поздним, сменившим прежние более простые перекрытия.

¹ Тип такого рода лекифов, возникающий еще на рубеже VI и V вв., держится долго, что затрудняет датировку каждого отдельного экземпляра. Наиболее близкие аналогии как форме, так и росписи лекифа из погребения № 28, принадлежат уже не началу V в., а стоят ближе к его середине. Очертания лекифа встречаются аналогии среди краснофигурных лекифов V в. Ср. *Corpus Vasorum Antiquorum, Great Britain*, вып. 6, Cambridge, вып. I, табл. XXIX, где ближе всего нашему по форме лекиф № 3, датированный издателем временем около 450 г. Орнамент на плечах лекифов №№ 1—4 на той же таблице также близок нашему; эти сосуды датированы временем от 475 до 420 г. Близкие пальметки имеет аттический лекиф с белой облицовкой, воспроизведенный там же (табл. XXX, 3) и датированный 460—450 гг. Два лекифа с аналогичной нашему росписью на тулове (там же, табл. XXII, 25 и 34) не представляют близких аналогий лекифу погребения № 28: более близкий из них по росписи (№ 34) имеет иную форму.

Подводя итоги, мы видим, что незначительные по количеству открытых погребений раскопки некрополя в 1940 г. привели все же к существенным результатам: они выяснили нам ряд новых для данной части некрополя деталей погребального обряда и вместе с тем дали интересные находки, из которых первое место занимает, конечно, комплекс погребения № 30.

Т. Н. Книпович

СЛАВЯНСКАЯ (ДНЕПРОВСКАЯ) ЭКСПЕДИЦИЯ 1940 г.

I

Изучение славянских древностей в области Среднего Поднепровья до последнего времени ограничивалось, главным образом, памятниками Древней Руси. Интересы исследователей сосредоточивались на древнем Киеве с его замечательными монументальными памятниками, на богатейших некрополях Чернигова и на ряде других, главным образом, городских центрах древности, известных по русской летописи. В результате многолетних археологических исследований культура Киевской Руси во всех ее сложных проявлениях получила углубленную и подробную характеристику. Облик экономики, быта, искусства и других черт культуры среднеднепровского славянства IX—XII вв. уже не составляет загадки. Новые исследования, открывающие ранее неизвестные и нередко поразительные факты, лишь дополняют, уточняют и конкретизируют эту характеристику.

История восточного славянства началась, однако, задолго до возникновения Киевского государства. Древняя Русь могла сложиться лишь в результате длительного предшествующего развития славянских племен, истоки ее культуры восходят к отдаленному прошлому, теряясь, повидимому, где-то в первых веках н. э. вместе с их носителями — славянскими племенами. Древнейшее прошлое восточного славянства и сложнейшая проблема происхождения славянских племен до последнего времени находились вне пристального внимания археологической науки, причем если о древних северных восточнославянских племенах все же скопились кое-какие археологические данные,¹ то памятники древних племен Среднего Поднепровья до настоящего времени оставались и остаются почти неизвестными.

Некоторое исключение составляли лишь городища и курганы так наз. роменского типа, рассеянные в области днепровского левобережья и относящиеся к VIII—X вв. н. э. Культура роменских городищ, наиболее известная по раскопкам Н. Е. Макаренко в бассейне р. Сулы,² многими исследователями рассматривалась как характерная культура среднеднепровского славянства, предшествующая культуре Древней Руси. В последнее время была даже сделана попытка интерпретировать роменскую культуру в качестве культуры антов.³ Как мы увидим ниже, такая оценка роменской культуры не соответствует действительности. Роменские памятники оставлены не древними среднеднепровскими племенами,

¹ П. Н. Третьяков. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. Краткие сообщ. ИИМК, V, 1940.

² Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. ИАК, вып. 22, 1897 (и другие работы того же автора).

³ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. Вестн. древн. ист., I, 1939, стр. 319 и сл.

а населением, генетически восходящим к одной из групп северного славянства, обитавшей в бассейне Десны и Сейма. Древняя культура собственно среднеднепровских славян — антов — была значительно выше роменской, хотя и имела с ней много общего.

Среднее Поднепровье не только в эпоху Древней Руси, но и в предшествующее время являлось наиболее важным очагом формирования восточнославянской культуры. Начиная с глубокой древности, племена степи встречались здесь с племенами лесостепной и лесной полосы; античный мир Причерноморья в течение многих столетий сталкивался здесь с восточноевропейским варварством. Случайные находки вещей середины I тысячелетия н. э., в частности богатые клады этого времени, говорят о высоком уровне культуры Среднего Поднепровья в ту эпоху, когда византийским авторам здесь были известны анты.¹ Воздействие антской культуры испытывали, по-видимому, многие северные восточнославянские племена, значительно более отсталые и долгое время сохранявшие примитивные формы производства и быта. В более раннее время, в начале нашей эры, значение Среднего Поднепровья, как наиболее передовой области Восточной Европы, выявляется не менее отчетливо.

Изложенными выше соображениями уже в значительной мере объясняется, почему именно в Среднем Поднепровье, а не в какой-либо другой части восточнославянской территории, было признано целесообразным сосредоточить работы по изучению древнейших славянских памятников: они здесь известны хуже, чем в других местах, в то же время изучение среднеднепровского славянства должно дать несравненно больше для понимания древнейшей истории и этногонии восточных славян, чем изучение славянских племен в других областях Восточной Европы. Сказанным выше вполне определяются и те конкретные задачи, которые должны быть разрешены в процессе полевых работ. Эти задачи сводятся к выявлению славянских памятников в разных областях Среднего Поднепровья, к характеристике древнейшей культуры славянских племен Среднего Поднепровья на разных этапах ее развития, наконец, к определению нижних хронологических границ бытования этой культуры и выявлению того культурного и этнического субстрата, на основе которого возникают и развиваются среднеднепровские славянские племена.

Обеспечить выполнение указанных задач и тем самым открыть для исторической науки новую, неизвестную до сего времени страницу истории славян, возможно лишь путем археологических исследований очень значительного масштаба. Речь идет об обследовании берегов Днепра и ряда его притоков, таких, как Десна, Припять, Тетерев, Сула, Псел, Ворскла, Россь и др., о раскопках десятков памятников — селищ, городищ и могильников, о последующем перенесении работ в бассейн Днестра и далее на запад в Северное Прикарпатье. Выполнение этой работы, организацию которой взяли на себя Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР и Институт археологии АН УССР, рассчитано на ряд лет. Истекший 1940 г. являлся первым годом работ Днепровской (Славянской) экспедиции, тем не менее, некоторые результаты полевых работ 1940 г. заслуживают того, чтобы на них специально остановиться.

¹ А. А. Спицын. Древности антов. Сб. Отд. русск. яз. и словесн. АН СССР, т. CI, № 3 (сборник в честь А. И. Соболевского), 1928, стр. 492 и сл.

Работы Днепровской (Славянской) экспедиции 1940 г. были сосредоточены в двух частях Среднего Поднепровья: на Левобережье в среднем течении р. Ворсклы и на Правобережье в области Киевского полесья.

Среднее течение Ворсклы было избрано областью работ 1940 г. прежде всего потому, что в 1938 г. Институтом археологии АН УССР производились археологические обследования верхнего течения этой реки и раскопки одного из расположенных здесь славянских городищ роменского типа.¹ Работы на Ворскле, проведенные в 1940 г., явились непосредственным продолжением работ 1938 г. Другой, не менее существенной причиной сосредоточения работ в бассейне Ворсклы явилась намечавшаяся уже ранее возможность окончательного разрешения вопроса о появлении здесь славянской культуры роменского типа, речь о чем будет идти ниже. Работы в области Киевского полесья были начаты в соответствии с общим планом работ экспедиции в Правобережье, согласно которому обследования начинаются в более северо-восточных областях, граничащих с бассейном Припяти, изученным за последние годы археологами БССР, и лишь впоследствии переносятся в более южные и западные районы.

В среднем течении Ворсклы были обследованы оба берега реки от сс. Бельска и Куземина, крайних пунктов работ 1938 г., до Полтавы. По правому высокому коренному берегу реки обнаружены в большом числе остатки поселений скифского времени — „зольники“ и городища; в меньшем количестве они оказались на противоположном низменном берегу. Скифские „зольники“ и городища, как правило, сопровождаются курганными группами, расположенными дальше от реки на высотах водораздела. Большой удачей следует признать находку поселения римского времени, обнаруженного около ст. Свинковки в районе с. Кантемировка, где уже раньше были известны „поля погребений“ начала нашей эры. Одно из таких „полей“, открытое в 1940 г., расположено вблизи упомянутого выше поселения. Славянские памятники, принадлежащие к группе роменских городищ, были встречены в двух местах: в с. Глинске и в с. Опошни. Как и в верхнем течении Ворсклы, они располагаются здесь компактными группами, состоящими из двух-трех городищ, селища и курганного могильника. Время возникновения поселений — IX в. Одно из городищ у с. Опошни относится к более ранней эпохе. Точнее его время сейчас определено быть не может.

На городище IX—X вв. у с. Опошни были произведены небольшие раскопки, открывшие остатки трех полуземляных жилищ обычного для роменских городищ типа.

Работы в среднем течении Ворсклы были проведены группой Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР и Полтавского областного музея под общим руководством И. И. Ляпушкина.

В области Киевского полесья были осуществлены работы значительно большего масштаба. Одной из групп, организованной Институтом археологии АН УССР в пределах Киева, начаты раскопки древнего городища Киселевки, другая группа Института археологии совместно с Искоростенским музеем обследовала городища Искоростеня. Правобережная группа Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР обследовала памятники по берегам р. Тетерева от с. Городска

¹ Обзор полевых археологических исследований 1938 г. Краткие сообщ. ИИМК, I, 1939, стр. 22.

до устья, по берегам р. Звизжа, притока Тетерева, от Брусилова до устья, по берегам Ирпеня от с. Жерновки до устья, и, наконец, в междубережье Звизжа и Ирпеня в районе среднего течения этих рек.

Раскопки на Киселевке, проведенные под руководством В. Е. Козловской, выявили прекрасно прослеживаемую смену наслоений на небольшой площади, примыкающей к склону городища. Наслоения охватывают длительную эпоху приблизительно от I—II до XVI—XVII вв. В течение I тысячелетия н. э. жизнь на городище протекала, повидимому, без перерывов. Отношение слоя IX—X вв. к нижележащим осталось не вполне выясненным, но возможно, что он последовательно замыкает свиту наслоений I тысячелетия н. э. Выше лежали слои XI—XII вв. и слой XV—XVII вв., принадлежащий бывшему в эти столетия на „Киселевке“ литовскому замку.

В основании культурных наслоений встречена керамика эпохи бронзы.

Археологические обследования по берегам рек Киевского полесья, произведенные под руководством П. Н. Третьякова, выявили значительное число памятников, относящихся к разному времени, преимущественно к I тысячелетию до н. э. и к I и началу II тысячелетия н. э.

Здесь оказались окруженные валами со всех сторон городища скифского времени, отличающиеся сравнительно небольшими размерами, и большое число селищ этой же эпохи, расположенных на дюнных всхолмлениях в пойме и на первых террасах берега. Памятники I тысячелетия н. э. представлены исключительно селищами. Среди нескольких десятков обследованных городищ ни одно не принадлежало этому времени. Как и остатки поселений скифской эпохи, селища I тысячелетия н. э. очень невелики по размерам, имеют незначительные культурные наслоения и плохо сохранились вследствие распахивания и движения дюн. Эпоха Киевской Руси (IX—XIII вв.) представлена как селищами, так и городищами, причем также очень небольшими. Повидимому, в этом лесном крае люди селились в древности совсем маленькими поселками, что наблюдалось по всей лесной полосе. Интересно, что в более южных частях обследованной территории, ближе к границам полесья, размеры остатков древних поселений значительно вырастают.

Наконец, среди городищ встречены памятники XV—XVIII вв.: остатки укрепленных усадеб и военные сооружения.

На одном из городищ X—XIII вв., расположенном на берегу Тетерева у с. Городска, сотрудниками экспедиции А. В. Дмитриевской и И. М. Фещенко были произведены небольшие раскопки, во время которых были обнаружены остатки полуземляного жилища XI в.

Работами в районе Искоростеня на р. Уж, притоке Припяти, проведенными М. И. Гончаровым и И. В. Довженком, были обследованы 7 городищ IX—XII вв., расположенных компактной группой и составлявших некогда летописный Искоростень. Все городища отличаются очень плохой сохранностью. На некоторых из них были поставлены небольшие раскопки.

III

Одним из важнейших результатов полевых работ 1940 г. является окончательное определение места роменских памятников среди других славянских древностей Среднего Поднепровья. Обследования в области правобережья, охватившие значительную территорию, показали, что ни роменских городищ, ни аналогичных им памятников в правобережье не имеется. Роменская культура, таким образом, не является культурой

всех или большинства среднеднепровских племен конца I тысячелетия н. э. Она имела в Среднем Поднепровье ограниченное распространение, связываясь с лесными и лесостепными областями Левобережья. Мало того, обследования в среднем течении Ворсклы как будто бы подтвердили намечавшийся уже ранее вывод, что носители роменской культуры появились на берегах Сулы, Псла и Ворсклы не ранее VIII—IX вв., перемкнувшись сюда с севера из бассейна Десны и Сейма.

Другим, еще более существенным результатом работ 1940 г. являются впервые обнаруженные, и в большом числе, остатки мест поселений собственно среднеднепровских славян середины и второй половины I тысячелетия н. э. Предварительное обследование ряда селищ по Тетереву и Ирпеню позволяет высказать предположение, что культура среднеднепровского славянства этого времени генетически связывается с культурой „полей погребений“. Одним из наиболее ярких свидетельств правильности этого соображения является свита напластований на Киселевке.

Остатки славянской культуры последних столетий I тысячелетия н. э., подобные происходящим из многочисленных селищ, оказались и в нижних горизонтах культурных наслоений ряда городищ эпохи Киевской Руси, в частности на городищах Искоростеня, на разрушенном городище у с. Подол (Фрунзиновка), в низовьях Тетерева, кажется, на одном из Городских городищ и т. д. Это служит веским доказательством принадлежности населения I тысячелетия н. э. предкам тех самых славянских племен, которые населяли Киевское полесье в более позднее время.

П. Н. Третьяков

ПАМЯТИ ВИЛЬГЕЛЬМА ДЕРПФЕЛЬДА

1940 год в летописях археологии — памятный год. 13 декабря исполнилось 50-летие со дня смерти Генриха Шлимана, 26 апреля скончался верный друг и ближайший соратник Шлимана, Вильгельм Дерпфельд (Doerpfeld).

Имя Шлимана хорошо известно не только в ученой среде, но и образованной публике вообще. Его биография вошла в издаваемую у нас серию „Жизнь замечательных людей“ Имя Дерпфельда не так популярно, но оно пользуется большим уважением среди всех тех, кто занимается изучением древней Греции, будут ли это археологи, историки, филологи, ибо в каждую из этих отраслей гуманитарного знания Дерпфельд внес свою лепту. И неудивительно, что он, не прошедший университетского курса, не защищавший никаких диссертаций, давно уже признан был доктором *honoris causa* многими университетами как Германии, так и других европейских стран, а также и несколькими американскими университетами.

Дерпфельд родился 26 декабря 1853 г. в Бармене (город в округе прусской Рейнской провинции), где отец его был директором местной гимназии, где обучался и Дерпфельд-сын. По окончании ее он поступил в берлинскую техническую Hochschule и окончил ее курс со званием архитектора, после чего короткое время служил в Берлине по своей специальности. С 1877 по 1881 г. Дерпфельд работал в Олимпии при производившихся там раскопках в качестве „технического сотрудника“, затем с 1882 по 1912 г. состоял в Афинском отделении Германского археологического института, сначала в качестве „прикомандированного“, затем второго и, наконец, первого секретаря — фактически директора — упомянутого Института. В 1912 г. Дерпфельд „вышел на пенсию“ и все последующие годы до своей смерти занимался отчасти руководством раскопочных кампаний, а главным образом научно-исследовательской деятельностью. Таков краткий „послужной список“ Дерпфельда.

Участие Дерпфельда на заре его деятельности в олимпийских раскопках должно было сыграть в них очень важную роль. Не забудем, что это были первые раскопки, проводимые строго методически и систематически, раскопки, ставившие своей целью не добывание „вещей“, а планомерное вскрытие всего прошлого Олимпии и ее окружения, поскольку это прошлое было сокрыто в недрах земли. Не менее важно было то, что к олимпийским раскопкам был привлечен ряд крупных немецких ученых, общение с которыми должно было принести Дерпфельду большую пользу, возмещая те недостатки в отношении специально научного образования, которое не мог получить Дерпфельд в свое время в высшей технической школе, где больше обучали, конечно, практике, чем истории и теории архитектуры, в особенности античной, виднейшим

специалистом и знатоком которой стал впоследствии Дерпфельд. Он уже на олимпийских раскопках преуспел настолько, что по окончании их был привлечен к участию в монументальном издании результатов этих раскопок, именно открытых при них архитектурных памятников (Olympia. II. Die Baudenkmäler, 1890—1894); сверх того Дерпфельду же (вместе с Каупертом) поручено было составление и издание двух больших карт и общего плана Олимпии и ее округи. Чтобы не возвращаться в дальнейшем к работе Дерпфельда, связанной с Олимпией, нужно сказать, что как тщательно ни велись раскопки в ней в 70-х годах, при них до самых глубоких слоев не „докопались“. И не кто иной, а именно Дерпфельд, был инициатором того, что в начале 30-х годов XX в. в Олимпии под его руководством были произведены дополнительные разыскания как на раскопанных уже ранее, так и на нетронутых прежними раскопками участках. Результаты этих дополнительных раскопок, вскрывшие пред нами историю Олимпии в начальную пору ее существования, были изложены Дерпфельдом в его сочинении „Alt-Olympia“, вышедшем в 1935 г.

В первый же год своего пребывания в Афинах Дерпфельд познакомился с Шлиманом, отправлявшимся на раскопки в Трою, начатые им еще в 1871 г. и приостановленные в 1874 г. Начиная с 1882 г., во всех троянских „кампаниях“ Дерпфельд, при жизни Шлимана, принимал участие, а после его смерти вел их единолично. Таким образом, если слава открытия Трои принадлежит Шлиману, то научная разработка и обработка результатов троянских раскопок должна быть всецело приписана Дерпфельду, который принимал участие и в редактировании трудов Шлимана, вышедших в свет после 1882 г., и уже один издал два больших сочинения, посвященных Трое: „Troja“ (1893) и „Troja und Ilion“ (1902). В последнем из этих трудов подведены итоги всех открытий, сделанных при троянских раскопках вплоть до 1894 г. Главный результат работы Дерпфельда над изучением Трои состоит в том, что на месте древней Трои существовала в свое время микенская культура, что с так наз. гомеровской Троей должен быть отождествляем не второй „город“, как предполагал Шлиман, а шестой (теперь, как думают некоторые, — седьмой).

В 1884 г. Дерпфельд сотрудничал со Шлиманом в его раскопках в Тиринфе. В изданной в 1886 г. Шлиманом книге „Tiryns“ ряд „приложений“ составлен Дерпфельдом. Эти „приложения“ касаются, главным образом, выяснения системы тиринфских укреплений и остатков громадного тиринфского дворца.

К своим раскопкам Трои Шлиман, как известно, был приведен в результате увлечения чтением „Илиады“ Гомера, в историческую достоверность показаний которой он безусловно верил. Эту веру в Гомера разделял и Дерпфельд. Достоверность показаний Гомера он пытался доказать на разборе гомеровской „Одиссеи“. Этому разбору посвящены два сочинения Дерпфельда: „Homerische Odyssee“ (1924) и „Die Heimkehr des Odysseus“ (1925). В обоих этих сочинениях имеется немало правильных наблюдений и остроумных соображений. Но эти сочинения не вплетают новых лавров в венок Дерпфельда. Подходить к разбору „Одиссеи“, не считаясь с пресловутым и все еще окончательно не решенным гомеровским вопросом, невозможно. Для Дерпфельда вопроса этого не существовало; он брал „Одиссею“ в таком виде, в каком она дошла до нас, и верил в абсолютную достоверность ее показаний вплоть до того, что чуть ли не по дням пытался распределить странствования Одиссея, что, при остроумии Дерпфельда, ему и удалось доказывать и порою даже убеждать в правильности приводимых им комбинаций чита-

теля, который лишь после внимательного продумывания аргументов, приводимых Дерпфельдом, убеждался в их несостоятельности или, во всяком случае, шаткости. Но в локализации родины Одиссея, которой по Гомеру была Итака, Дерпфельд, как это ни может показаться странным, усомнился. По его мнению, та Итака, царем которой был Одиссей, не теперешняя Итака, а соседний с ней остров Левкада. И обсуждению этого вопроса Дерпфельдом посвящено было особое сочинение „Alt Ithaka“ (1927), где сообщаются результаты раскопок, произведенных Дерпфельдом на Левкаде в последние десять лет его жизни.

Как бы ни относиться к штудиям Дерпфельда в связи с Гомером, не на них зиждется его слава. Он был, несомненно, первоклассным знатоком техники раскопок и в этом отношении создал целую школу последователей, в числе которых был у нас и покойный Б. В. Фармаковский, который раскопчный метод Дерпфельда (с ним он познакомился во время двухлетнего своего пребывания в Греции в середине 90-х годов прошлого века) применил столь удачно при своих раскопках в Ольвии.

Помимо Трои и Левкады, Дерпфельд руководил разведками в Пилосе (в Мессении), где им открыты куполообразные могилы микенской эпохи, в Коринфе. Особенно же богатые результаты дали руководимые Дерпфельдом в 1900—1912 гг. раскопки в Пергаме, где тогда были открыты городские ворота, рынок, портик, храм Деметры, остатки водоема, несколько „гимнасиев“, ряд улиц, не говоря уже о памятниках скульптуры, надписях и пр. Эти раскопки (отчеты о них помещались Дерпфельдом в „Athenische Mitteilungen“) явились продолжением больших пергамских раскопок, произведенных немцами в 70-х годах прошлого века.

Деятельное участие принимал Дерпфельд и в производимых Греческим археологическим обществом раскопках на афинском акрополе. Результаты этих раскопок привели Дерпфельда к очень важным выводам касательно строительной деятельности в Афинах в эпоху Кимона и Перикла. Исследование Пропилей привело Дерпфельда к выводу, что план их восходит к эпохе еще Кимона, причем план этот был значительно более грандиозен, чем он осуществлен был Периклом. И фундамент Парфенона, по мысли Дерпфельда, заложен был также при Кимоне. Замечательно было принадлежащее Дерпфельду открытие остатков, рядом с Эрехфейоном, древнего храма Афины, воздвигнутого при Писистратах и погибшего во время разгрома Афин персами. Дерпфельд же произвел раскопки между ареопагом и Пниксом, что дало важные результаты для большего уяснения топографии Афин. По мнению Дерпфельда, на западном склоне ареопага находился знаменитый источник Эннеакрунос, святилище Диониса Ленейского. Если эти соображения Дерпфельда и вызвали в ученом мире разногласие, то его исследование театра Диониса и в связи с ним устройства греческих театров вообще произвело в свое время сенсацию, а теперь стало, можно сказать, общим достоянием. В большом труде, составленном в сотрудничестве с Рейшем, вышедшем в 1896 г. под заглавием „Das griechische Theater“, Дерпфельд неопровержимо доказал, что первоначально, в классическую эпоху аттической драмы, местом действия актеров и хора была орхестра, задним же планом служила постройка с плоской крышей, а не возвышенная сцена. Это открытие было важно не только для греческой архитектуры, но и для истории греческой драматургии, для уяснения самих драматических представлений. В области же греческой архитектуры Дерпфельду принадлежит и установленный им (в 1891 г.) ответ на очень дебатировавшийся ранее вопрос об освещении так наз. гипэтральных храмов.

Дерпфельд доказал, что освещение закрытого помещения посредством верхнего света было греческим храмам неизвестно. Заговорив о работах Дерпфельда в области греческой архитектуры, нужно упомянуть и о его работах об употреблении терракот на карнизах и крыше греческих архитектурных сооружений, а также о соотношении между дорийским храмом и строительной техникой эгейской эпохи. Последняя, мне недоступная работа Дерпфельда, вышедшая в 1939 г., стоит в связи с производящимися американцами раскопками на афинской агоре. Вот ее заглавие: *Alt Athen und sein Agora. Untersuchungen über die Entwicklung der ältesten Burg und Stadt Athens und ihres politischen Mittelhofs des Staatsmarktes.*

Троя, Афины, Пергам — вот наиболее значительные места, где со всем блеском отразились и методика и интуиция раскопной деятельности Дерпфельда, вот где вырабатывалась та школа раскопного дела, которая теперь стала канонической. А сколько еще других менее сложных, но не менее важных пунктов подвергнуто было раскопкам под руководством Дерпфельда, при скольких раскопках, произведенных другими лицами и учреждениями, он присутствовал, давал советы и указания. Не нужно забывать, что время 30-летнего пребывания Дерпфельда в Афинах было временем самой оживленной раскопной деятельности, когда производились грандиозные раскопки в Эпидавре, в Элевсине, в Дельфах, на Делосе, на Крите и т. д., когда в Афинах, помимо старых археологических учреждений, Французской школы, Немецкого института, Греческого археологического общества, стали действовать Английская и Американская археологические школы. Во всех этих учреждениях Дерпфельд был желанным гостем, разумеется, неоднократно посещал производимые ими раскопки и, когда было нужно, давал советы и делал указания. В течение 30 лет Дерпфельд и возглавляемый им Немецкий институт были в Греции археологическим центром. Все же, конечно, Дерпфельд любил сам производить раскопки, и неудивительно, что на задаваемый ему вопрос, каково его любимое занятие, был неизменный ответ: *Ausgrabungen.*

Дерпфельд был не только первоклассным „раскапывателем“, не только удивительно ясно и наглядно объяснял результаты, добытые его раскопками, но замечательно толково объяснял и результаты чужих раскопок. Об этом сужу по личному опыту. Я могу считать себя счастливым, что в свое время слушал, в числе других, как Дерпфельд объяснял результаты греческих раскопок в Элевсине, французских на Делосе, английских раскопок на Мелосе, в Кноссе на Крите, итальянских в Фесте на Крите, немецких раскопок в Пергаме (осмотр с объяснениями продолжался без малого 6 часов, с небольшими перерывами), наконец, в Трое. Здесь искусство Дерпфельда руководить обзором руин сказалось в превосходной степени. Заявив о том, что краткость времени не дает возможности объяснять развалины подробно, Дерпфельд остановил внимание обозревающих на наиболее существенном и с таким мастерством исполнил это, что внимательному обозревателю вполне возможно было ориентироваться во всех девяти последовательных слоях Трои. Затем уже, на пароходе, Дерпфельд еще вторично, по огромному плану Трои, повторил осмотр развалин Трои, причем коснулся здесь и вопроса об отношении микенской культуры к гомеровской. На другой день, на том же пароходе, Дерпфельд читал двухчасовую лекцию о плане „Одиссеи“, как он ему представляется (это был зародыш того, что позднее нашло свое отражение в двух упомянутых выше книгах Дерпфельда). В Афинах Дерпфельд в течение почти трех часов объяснял на акрополе древний храм Афины и Эрехтейон. В числе слушателей был

и покойный Виламовиц-Мёллендорф, который по поводу некоторых пунктов толкования Дерпфельда не соглашался с ним. Но Дерпфельд не принадлежал к числу тех людей, которые сдают свои позиции перед авторитетами, как бы громки они ни были. И этот благородный научный „агон“ двух мастеров — каждый в своем деле — запечатлелся в моей памяти.

Бесспорно, Дерпфельду принадлежит одно из первых мест среди археологов последнего пятидесятилетия. Не говоря уже об общепризнанных заслугах его в области практической археологии — полевой работы, он, соединяя в себе археологические знания с пониманием архитектурной техники, оказал большие услуги углублению наших сведений в области древней, преимущественно греческой архитектуры. Как образцовый директор Немецкого института в Афинах, он оставил по себе память, между прочим, и как инициатор, организатор и руководитель тех ученых экскурсий по Греции, островам Архипелага и Малой Азии (Peloponesos-Reisen и Insel-Reisen), которые облегчали ученым всех стран, бывавшим в Афинах, ознакомление с остатками эллинской старины. Орган Немецкого института „Athenische Mitteilungen“ наполнен статьями Дерпфельда, всегда дающими свежий материал, всегда интересными и поучительными в методическом отношении. Дерпфельд принадлежал к числу тех ученых, которые не боятся „дерзать“ в науке и которые умеют будить мысль.

Судьба послала Дерпфельду долгий век, и он прожил его не даром, так как много поработал. Когда он хоронил своего друга Шлимана в Афинах, он закончил свою надгробную речь словами „Спи спокойно, ты много потрудился“. Эти слова можно было бы смело применить и к Дерпфельду при погребении его тела на той Левкаде, которая, по его мнению, должна быть гомеровской Итакой. Если в будущем, при дальнейших археологических разысканиях, эта смелая мысль нашла бы себе фактическое подтверждение, каким великолепным венком оказалась бы увенчанной могила Дерпфельда.

Акад. С. А. Жебелев

В. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ольвия, т. I, Издательство Академии Наук УССР, Киев, 1940,
стр. 302+XLIX таблиц, in 4°

Выпуском первого тома „Ольвии“ Институт археологии Академии Наук УССР, как указано в предисловии к книге, открывает серию своих трудов, посвященных изучению Ольвии и других античных поселений на территории УССР.

Первый том посвящен публикации результатов раскопок Ольвии в 1935—1936 гг. По содержанию своему книга состоит из следующих основных частей: I — отчеты, II — материалы, III — исследования.

Первый том „Ольвии“ отличается многообразием представленного в нем материала, освещающего различные стороны материальной культуры и истории Ольвии.

Нельзя не отметить того обстоятельства, что последний отчет о раскопках Ольвии, производившихся еще под руководством покойного Б. В. Фармаковского, вышел в 1929 г.,¹ и что на протяжении последующих 10 лет не вышло ни одной публикации ольвийских археологических отчетов.

Однако важен не только самый факт возобновления систематической публикации ольвийских археологических материалов, но важно и то, как Институт археологии УССР разрешил эту задачу. И с этой точки зрения нужно сказать, что т. I „Ольвии“ производит чрезвычайно хорошее впечатление — это фундаментальная книга, к тому же превосходно оформленная, чего вполне заслуживают ценные материалы, добытые новейшими раскопками в Ольвии.

Следует признать, что впервые за все время раскопок Ольвии научная публикация ольвийских археологических материалов сделана с таким широким размахом, который свидетельствует прежде всего о том, что Институт археологии УССР высоко ценит научное значение этого замечательного памятника античной культуры

на территории УССР. Мы в праве поздравить руководителей Института археологии УССР с безусловно большим достижением, каким является выход в свет т. I „Ольвии“.

Книга начинается отчетом о результатах раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг., составленным руководителем раскопок Л. М. Славиным.

Ознакомление с отчетом убеждает, что в указанные годы раскопками достигнуты весьма существенные результаты. Открыто немало интересных памятников, значительно расширяющих наши представления о различных сторонах жизни античной Ольвии. Что касается архитектурных памятников, то здесь прежде всего нужно отметить открытие нескольких обширных зданий эллинистического периода в верхнем городе (раскоп И), дающих новый важный материал для изучения гражданской архитектуры Ольвии во всем ее местном своеобразии. Равным образом интересны и результаты раскопок в нижнем городе (раскоп НГ). Большим успехом является обнаружение здесь остатков крепостной стены. Она была построена при восстановлении Ольвии после гетского разгрома, когда территория города значительно сократилась и когда городу уже не под силу было сооружение монументальных оборонительных стен. Тогда Ольвия была обнесена, по словам Диона Хрисостома, „низенькою непрочною стеною“. И действительно, стена, открытая на раскопе НГ, шириною 1.70 м, вполне могла производить такое впечатление в сравнении с более ранними мощными ольвийскими фортификационными сооружениями догетского времени. С открытием линии крепостной стены послегетского периода в нижнем городе выявлена точная граница заселенной части Ольвии в римское время. Ценен и комплекс строительных остатков, обнаруженных к югу от указанной крепостной стены, где особо нужно отметить „здание пекарни“.

¹ Б. В. Фармаковский. Розкопування Ольвії р. 1926. Одеса, 1929.

Отчет Л. М. Славина дает читателю полную возможность составить себе ясное представление об открытых архитектурных остатках. Заметим, что многие из архитектурных комплексов отличаются сложностью, обусловленной тем, что они представляют собою результат нередко многократных перестроек, производившихся на протяжении длительного времени их существования. В отчете дается не только описание построек в их окончательно сложившемся облике, но и тщательно выясняется последовательность тех изменений и перестроек, которым подвергался каждый архитектурный памятник.

Отчет снабжен большим, вполне достаточным количеством хороших фотографий, которые очень помогают уяснению описания открытых раскопками памятников. С особым удовлетворением необходимо отметить, что отчет сопровождается прекрасными чертежами с планами и разрезами раскопанных участков, выполненными А. Н. Карасевым. Не совсем удачна ретушь кладок фасадов стен на разрезах. При изготовлении клише значительное уменьшение привело к чрезмерному и довольно неприятному сгущению штриховой ретуши. В дальнейшем это обстоятельство необходимо иметь в виду при подготовке чертежей к репродуцированию. В общем отчет Л. М. Славина это — обстоятельный, строго научный отчет, дающий полную возможность пользоваться изданным материалом любому исследователю, который пожелает подвергнуть тот или иной памятник, представленный в отчете, специальному изучению.

Таким образом, основная задача, стоящая перед всяким археологическим отчетом, здесь успешно разрешена. Но поскольку отчет Л. М. Славина является первым в серии аналогичных отчетных публикаций, которые несомненно должны появиться в дальнейшем, мы позволим себе ниже сделать и несколько критических замечаний.

Наиболее подробно в отчете Л. М. Славина дано описание „большого северного здания“, занимающего на участке И обширную площадь, около 300 м². Не может быть сомнений в том, что это очень интересный архитектурный памятник Ольвии эллинистического периода. Желательно, однако, чтобы в отчете была дана мотивировка, на основании которой следует считать весь этот сложный архитектурный комплекс действительно одним зданием, а, скажем, не двумя? Расположенные вокруг трех дворов одинадцать помещений, судя по плану, не кажутся безусловно принадлежащими одному зданию.

Поскольку „северное здание“ в своем окончательном виде образовалось не сразу, а является итогом разновременных пере-

строек, частичных перепланировок и расширений, крайне важно было бы дать при отчете схематический план здания с обозначением на нем различных по времени архитектурных „наслоений“, которые обычно принято именовать „строительными периодами“. Наличие таких схем при описании сложных архитектурных комплексов весьма облегчило бы усвоение их описания.

Что касается непосредственного описания строительных остатков, то мне кажется, что следовало бы описание технических приемов, характерных для каждого памятника, выделить в виде специального раздела, причем эту характеристику необходимо дать по отношению ко всему памятнику в целом, сохранив при этом, разумеется, всю конкретность характеристики. Это разгрузило бы отчет от повторения подробностей, касающихся строительной техники. В самом деле, дав в одном месте характеристику основных приемов постройки стен, примененных в данном сооружении в различные „строительные периоды“, не нужно было бы описывать характер кладки каждой стены, каждой вымостки отдельно, прибегая при этом к стереотипным определениям: „вымостка состоит из плит больших, средних и мелких размеров“, „плиты плотно пригнаны одна к другой“ и т. п. Кстати заметим, что вряд ли целесообразно оперировать такими довольно расплывчатыми, мало говорящими определениями, как „большие, средние и мелкие размеры“, в отношении плит, камней и т. д.

Думаем, что вообще при наличии в отчете большого числа фотографий, являющихся, в сущности, важнейшими документами, точно передающими и общие виды и детали памятников, при наличии в отчете чертежей, на которых представлены планы и разрезы архитектурных остатков с обозначением всех подробностей (характер кладки стен, вымосток и т. д.), вполне возможно несколько сократить описательные данные, не представляющие особенно существенного значения. В частности, например, вряд ли нужно всегда перечислять количество сохранившихся рядов камней кладки стен. Сомнительна необходимость также и детального описания каждой стены помещения, если это не вызывается какими-либо особо важными соображениями. Устранение чрезмерной описательной детализации безусловно облегчило бы восприятие отчета, поскольку второстепенное не заслоняло бы главного, основного.

Разумеется, необходима согласованность чертежей и описания. И в этом отношении ольвийский отчет, насколько мы могли заметить, погрешностей не имеет, если не считать одного случая. На стр. 19 в отчете говорится, что во дворе (центральном) северного здания были обнаружены остатки

стилобата со следами мест, где стояли колонны, из чего следует, что в один из периодов двор, повидимому, представлял собою перистиль. Факт — важный и интересный. Однако на плане „северного здания“ (табл. I) ни следов стилобата, ни колонн нет.

Наиболее серьезного возражения, с нашей точки зрения, заслуживает то обстоятельство, что описание зданий, и это в первую очередь, конечно, относится к „большому северному зданию“ на участке И, дано в отчете без указания, какой именно вещественный материал (керамика, монеты и т. д.) был найден в этих зданиях, в их помещениях (сказанного на стр. 29, конечно, недостаточно). Правда, в этой же книге, в разделе „Материалы“, напечатаны специальные статьи, в которых публикуются отдельные группы вещественных находок. Но ведь в этих публикациях охвачен отнюдь не весь материал, а кроме того, — и это особенно важно, — публикуемые в этих статьях вещественные находки совершенно не связаны с описанием строительных остатков. Исключение составляют только терракоты (публикация М. М. Худяка) и костяные изделия (публикация М. А. Наливкиной), поскольку в конце описания каждой вещи указывается и место находки. В остальных статьях (Е. И. Леви, Г. Н. Книпович и др.) вещи описываются и анализируются вне всякой конкретной связи этих вещей с описанными в отчете Л. М. Славина архитектурными комплексами. В этом смысле они совершенно „независимы“ от отчета. Можно для примера привести такой факт. В подтверждение своей гипотезы о назначении „большого северного здания“ (о чем речь будет ниже) Л. М. Славин приводит (на стр. 29) указание на то, что в этом здании найдено „около десяти небольших известняковых алтариков и значительное количество глиняных форм для литья медных и бронзовых украшений“. Но, к сожалению, в отчете не указано, где именно, в какой обстановке, в каком вещественном окружении поименованные вещи были найдены. Иначе говоря, нет характеристики вещественных комплексов, связанных с определенными архитектурными объектами. Между тем, даже краткая характеристика этих комплексов несомненно оживила бы строительные остатки и послужила бы важным критерием при выяснении функций, назначения различных частей здания, помещений и т. д. Досадное отсутствие должной характеристики вещественного инвентаря зданий раскопа. И в других частях отчета в такой полной мере не наблюдается, но все же и там, где характеристика дается, она обычно отличается чрезмерной обобщенностью, неконкретностью (см., например, стр. 41, 59 и др.).

Полагаем, что специальные публикации вещественных находок, печатаемые как бы

в виде приложений к отчету, которые нужно всячески приветствовать, не должны исключать обстоятельной характеристики вещественного материала при описании архитектурных комплексов. При этом можно было бы пользоваться ссылками на публикуемые вслед за отчетом материалы, указывая, например, рисунки, на которых те или иные вещи, найденные в определенных комплексах, воспроизведены. Повторяем, что почти полная оторванность отчета от публикации материала является несомненным минусом, которого надлежит непременно избежать в дальнейшем.

Скажу несколько слов и относительно назначения „большого северного здания“. Л. М. Славич высказывает предположение, что это здание не было частным жилым домом, а являлось скорее всего „зданием общественным“ (стр. 29—30). Гипотеза эта при всей ее неопределенности представляется нам весьма сомнительной, поскольку остается неизвестным, каковы, по мнению Л. М. Славина, могли быть конкретные функции этого предполагаемого им „общественного здания“.

Нет в планировке и устройстве этого здания ничего такого, что давало бы право сближать его с какими-либо типами античных общественных зданий. Напротив, наличие в здании вместительных подвальных помещений, несомненно предназначавшихся для хранения хозяйственных припасов (как жаль, что в отчете не охарактеризованы находки в этих подвалах!), подсказывает с полной определенностью, что это — жилой дом (может быть два?), принадлежавший представителям среднего, по своему имущественному цензу, слоя ольвийских жителей, что подтверждается и сравнительным обилием находок привозной греческой керамики.

В полном соответствии с тем, что перед нами жилой дом, находится и тот факт, что в здании были найдены „известняковые небольшие алтарики“. Ведь это же обычная принадлежность домашней обстановки греческого жилища. Достаточно вспомнить хотя бы, например, Приену,¹ эллинистические дома на Делосе² и т. д. В тесной связи с этим домашним культом, требовавшим наличия небольших портативных алтарей, было и присутствие в жилых помещениях культовых терракотовых статуэток популярных божеств.

И, наконец, глиняные формы для литья медных и бронзовых украшений. Найдки их в здании на раскопе И — факт безусловно очень интересный, но почему из этого следует делать вывод об „обще-

¹ Wiegand-Schrader. Priene, стр. 288.

² Примеры приведены у М. Bulard (Peintures murales et mosaïques de Délos, Monuments Piot, XIV, стр. 13).

ственном" назначении самого здания? Не правильнее ли думать, что жители здесь занимались ремесленным производством?

Таким образом, нет оснований рассматривать „большое северное здание“ как некое сооружение общественного назначения. Это, конечно, остатки жилья, причем нужно признать, что открытый на раскопке И ряд зданий представляет большой интерес для изучения частных жилых домов Ольвии.

Разумеется, те замечания и возражения, которые мы сделали выше, отнюдь не могут умалить значения большой и плодотворной работы, выполненной Л. М. Славным и как автором отчета, и как научным руководителем раскопок, выявивших замечательно интересные памятники.

Переходим ко второму разделу книги („Материалы“). На первом месте мы здесь находим составленную М. М. Худяком публикацию терракот, в числе которых имеется ряд интересных в художественном отношении произведений коропластики (напр. фигура нерейды на гиппокампе, к сожалению, фрагментированная, женские головки, любопытный обломок фигурного сосуда с изображением негра и др.). Для изучения ольвийских культов представляют интерес терракоты с изображением божеств (Кибела, Афина, Деметра). Иногда, однако, автор публикации, может быть чересчур безоговорочно, определяет, кого именно изображает терракота, хотя для этого иконографических данных не вполне достаточно (напр. протомы № 1970/36, рис. 69, определена как изображение Деметры, по видимому, по одному лишь тализну калафа). Заставляют желать лучшего и некоторые воспроизведения, например рис. 89.

Е. И. Леви в статье „Привозная греческая керамика из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг.“ дает подробное описание и датировку фрагментов импортированной керамики, найденной при раскопках указанных лет. Выполнена работа очень добросовестно, с знанием дела. Правда, предметом детального описания и исследования являются подчас такие незначительные фрагменты, которые вряд ли могут представить существенный интерес даже для сугубо специального исследования. Несколько занижены датировки чернолаковой керамики, особенно со штампованной орнаментацией. Это особенно ясно в свете показаний обильного аналогичного материала из раскопок Олинфа, публикациями которого Е. И. Леви при составлении своей работы еще не располагала.

Рисунки, которыми иллюстрируется статья Е. И. Леви, далеко не на должной высоте по своему качеству.

Сомнительна необходимость столь крупных профилей чернолаковой керамики (табл. XV—XXIV), производящих неприят-

ное впечатление своими необоснованно большими размерами.

Статья Т. Н. Книпович „Керамика местного производства из раскопа И“ посвящена публикации глиняной посуды ольвийского производства эллинистического периода, найденной на одном лишь раскопе И. В статье рассматриваются различные по техническому оформлению группы керамики, которые с значительной вероятностью можно рассматривать как продукцию ольвийских гончарных мастерских: 1) керамика лепная, 2) керамика, изготовленная на гончарном круге, без внешней отделки, 3) керамика с глазурованной поверхностью, 4) расписная керамика. Статья Т. Н. Книпович представляет собою по существу первую специальную публикацию местной ольвийской керамики. Стройность внутренней структуры данной работы, исчерпывающая полнота и ясность описания отдельных типов керамики с выявлением, где это представляется возможным, происходивших в них частичных изменений на протяжении эллинистического периода, учет местных туземных влияний на греческие формы, все это заставляет оценивать статью Т. Н. Книпович как образцовую публикацию, хотя и построенную на ограниченном материале одного лишь раскопа.

Как уже отмечалось по отношению и к статье Е. И. Леви, публикация Т. Н. Книпович снабжена таблицами, на которых профили сосудов даны непомерно крупными (особенно табл. XXXVI).

Теснейшим образом примыкает к публикации Т. Н. Книпович ценная статья О. А. Кульской, в которой приведены химические и петрографические анализы местных ольвийских глин, а также образцов готовых глиняных изделий, найденных в Ольвии и внешними своими признаками дающих возможность видеть в них ольвийскую продукцию. Сопоставление анализов сырья и готовой продукции убедительно подтверждает предположение о местном происхождении ряда групп находимых в Ольвии керамических изделий. Крайне желательно, чтобы эти интересные работы по изучению местного ольвийского производства, ведущиеся с участием специалистов-химиков, были продолжены и расширены.

Статья М. А. Наливкиной содержит обстоятельную публикацию костяных изделий, представленных преимущественно образцами простейших бытовых предметов (иглы, булавки, ложечки и т. п.). Очень хорошо, что обращено внимание и на этот материал, в прошлом, как правило, игнорировавшийся. Досадно только, что на таблицах нередко срезаны края предметов, хотя места для их воспроизведения хватает с лихвою (см., напр., рис. 1, 2 на табл. XLIII, рис. 3 на табл. XLV).

Радует содержательная публикация И. Г. Пидопличка сведений о находках костей

домашних животных в раскопках Ольвии за два отчетных года. Как известно, этого рода материал в прошлом недооценивался археологами-античниками; нередко ему попросту не придавалось никакого значения. Между тем, он позволяет осветить чрезвычайно интересные стороны хозяйственной жизни античных колоний.

И. Г. Пидопличка, к сожалению, не отмечает, есть ли основания предполагать, что мясо лошади в Ольвии употреблялось в пищу. Наблюдается ли искусственная расколотовость трубчатых костей в целях извлечения из них костного мозга? Произведенные в этом направлении наблюдения над костями лошадей по находкам в наших раскопках Мирмекия и Тиритаки дали пока строгий ответ.

Публикация А. Н. Зографа „Монеты из раскопок в Ольвии в 1935 и 1936 гг.“ состоит из обширного списка монет, содержащего все необходимые сведения о каждой монетной находке и предваряющей список статьи, где дан анализ наиболее интересных в нумизматическом отношении находок. В списке монет А. Н. Зографом приведены точнейшие датировки всех поддающихся определению монет, что дает в руки исследователя исключительный по своей важности датировочный материал при изучении отдельных вещественных комплексов и целых слоев. Как всегда, работа А. Н. Зографа выполнена с огромной эрудицией и тонкой наблюдательностью, позволяющей А. Н. Зографу делать немало интересных выводов. Я только позволю себе усомниться, что карта на шите из Дура-Европос свидетельствует о наличии сухопутной дороги, по которой с западного Причерноморья римские войска будто бы обычно передвигались до Херсонеса, откуда они далее в Малую Азию на Восток следовали морем. На шите несомненно обозначены морские станции, одновременно являвшиеся и опорными пунктами римлян. Вряд ли, однако, был столь сложен путь передвижения римских войск из Мэзии на Восток.

В статье А. С. Коцевалова „Эпиграфические памятники из ольвийских раскопок в 1935 и 1936 гг.“ изданы обломки надписей и дана предварительная публикация сведений о находках керамических клейм, а также graffiti, подробное издание которых предполагается осуществить в следующем томе „Ольвии“.

К сожалению, надписи, изданные А. С. Коцеваловым в первом томе, дошли в крайне фрагментарном состоянии, и восстановление их при всех усилиях издателя не может, в некоторых случаях, привести к достаточно убедительным результатам. Особенно это относится к надписи № 1, очень плохо сохранившейся. Несмотря на это, А. С. Коцевалов делает ряд весьма смелых гипотез о наличии, например, у ольвийцев общего совета с миксалинами, что не находит аналогий ни в одном из ольвийских

эпиграфических документов. Рискованность такого восстановления вполне очевидна, если принять во внимание, что предполагаемый *σύλλογος* данными непосредственно самого памятника не обусловлен.

Гораздо убедительнее дана публикация надписи № 2, где при всей недостаточной сохранности документа можно с несомненностью предполагать почетный декрет в честь граждан Прусиады, что еще раз подтверждает тесные связи Ольвии с южным Причерноморьем в римское время.¹

В той же статье А. С. Коцевалова опубликованы некоторые сведения о керамических клеймах и graffiti, найденных при раскопках 1935 и 1936 гг. Интересны цифровые данные о количестве отдельных групп клейменой керамики. На первом месте стоят родосские клейма (234 клейма), а на втором синопские (71), далее следуют херсонесские (29), киндские, фасосские и т. д., тогда как на Боспоре обычно соотношение двух первых групп клейм обратное, т. е. количественно преобладают клейма синопские, а второе место занимают клейма родосские. Нужно отметить, что, поскольку родосские амфоры снабжались клеймами на двух ручках, общее количество клейм при статистических сопоставлениях с другими группами надлежит делить на два, но и при этом условии Родос представлен в Ольвии вдвое большим количеством клеймённых амфор, нежели Синопа.

Нельзя вместе с тем не отметить позиции А. С. Коцевалова в вопросе о происхождении амфор с астиномными клеймами, которые сначала В. Юргевич,² а позднее Б. Н. Граков определили как продукцию Синопы. Эта точка зрения была поддержана таким крупным знатоком керамической эпиграфики, как покойный Е. М. Придик.

А. С. Коцевалов придерживается в этом вопросе особого взгляда. По его мнению, местом производства амфор с клеймами астиномв являлись скорее Боспор или Ольвия. Ранее высказанную в том же направлении аргументацию (в рецензии 1933 г. на работу Б. Н. Гракова) А. С. Коцевалов повторяет и в своей последней статье, где ручки с именами астиномов, обычно относимые к Синопе, он помещает в рубрике „клейма неизвестного происхождения“.

Мы позволим себе здесь коснуться этого вопроса несколько подробнее. Дело идет о выяснении причерноморского античного центра, поставлявшего в греческие города западного и северного Причерноморья на

¹ Ср. М. И. Ростовцев. Понт, Вифиния, Боспор. Русск. историч. журн., 1917, 1—2, стр. 118.

² В. Юргевич. Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 г. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., XVIII.

протяжении всей эллинистической эпохи свою обильную продукцию, засвидетельствованную клейменными амфорами, черепицами, а также, как недавно установлено в Херсонесе, и пифосами.

Что же даст основание А. С. Коцевалову отвергнуть весьма основательно аргументированную гипотезу о синопском происхождении всей этой продукции? Главным образом данные ономотологии—уверяет А. С. Коцевалов. Он высчитал, сколько процентов имен, имеющих в так наз. синопских клеймах, встречается в надписях различных центров Причерноморья. Совершенно ясно, что такие статистические подсчеты имели бы до некоторой степени свой *raison d'être* при условии, если бы мы располагали более или менее полными сведениями по ономотологии всех причерноморских центров. Но этого-то, к сожалению, и нет. Для одних центров мы располагаем довольно значительным числом эпиграфических памятников, содержащих имена жителей, для других центров этих памятников имеется меньше, а для третьих их пока совсем мало. При таком положении высчитывать с помощью процентов, где имена, фигурирующие в так наз. синопских клеймах, встречаются чаще, где реже, — занятие достаточно бесполезное. И любопытно, что полученный А. С. Коцеваловым ряд цифр прямо пропорционален количеству эпиграфических данных по ономотологии в различных причерноморских областях. Первое место по количеству совпадений имен занял, как и следовало ожидать, Боспор (46.1%), затем Ольвия (20.8%) и Херсонес (14.8%), потом Синопа (10.1%) и, наконец, Тира (1.8%).

Дело, конечно, не в процентах. Более важно то, что в числе имен на астиномных ручках имеется значительное количество характерных малоазийских имен. И этого А. С. Коцевалов отрицать не может. Но независимо от всех этих соображений вернемся к основному тезису А. С. Коцевалова о том, что местом производства синопской клейменной керамики могли быть Боспор или Ольвия.

Мы уже однажды имели случай коснуться выдвинутых А. С. Коцеваловым аргументов о несинопском происхождении астиномных клейм,¹ но, повидимому, сделанные тогда нами возражения остались или неизвестными А. С. Коцевалову, или они не встретили благосклонного к себе отношения.

Напомним еще раз, что клейменная керамическая продукция Боспора очень хорошо известна, благодаря многочисленным боспорским черепицам, а также, как показал теперь Л. А. Ельницкий, и по клейменным боспорским амфорам. Мы узнаем боспорскую продукцию не только по харак-

терным внешним признакам глины, но, что особенно важно, по особой манере клеймения. Боспорская традиция клеймения имеет свои специфические особенности (сокращение собственных имен, отсутствие эмблем, лаконичность клейм и т. д.), что выделяет боспорские керамические клейма в стройную, вполне определенную группу, решительно ничего общего не имеющую с астиномными клеймами. Произведенный к свое время химический анализ образцов керамики с боспорскими и астиномными клеймами также подтвердил, что эти две группы изделий и по составу глины резко отличны.¹

Таким образом, мысль А. С. Коцевалова о Боспоре приходится решительно отклонить. Остается, по А. С. Коцевалову, еще Ольвия. Но попытка найти в Ольвии место происхождения астиномных клейм терпит полную неудачу в частности по соображениям химико-технологического порядка. Дело в том, что глина амфор и черепиц, снабженных астиномными клеймами, отличается обилием имеющих в ней примесей в виде черных минеральных крупинок, которыми буквально насыщена вся глиняная масса.

Несколько лет тому назад проба глины, взятой от одной ручки с астиномным клеймом, была передана из ИИМК в Петрографический институт АН СССР, где и подвергнута микроскопическому исследованию проф. Д. С. Белянкиным. Оказалось, что глина содержит в большом количестве (цитируем заключение проф. Д. С. Белянкина) „вулканический туфовой материал (обломки андезита и порфиroidных вкраплений—плагноклаза и пироксена). Есть отдельные включения известняка, причем только эти последние округлы, как бы сплавлены при обжиге, а все остальные обломки угловатые, без всяких следов оплавления... Крупными вкраплениями представлен окристаллизованный пироксен (авгит). Попал он механически с другими туфовыми материалами“. Данные анализа позволили проф. Д. С. Белянкину сделать заключение, что керамика, образец которой был им исследован, „вероятно... изготовлялась на туфогенной базе, как таковой“.

Характеристика глины, полученная в результате анализа, показывает ее неолвийское происхождение. Это сейчас особенно убедительно подтверждают сведения о типичных ольвийских глинах, которые приведены в упоминавшейся уже статье О. А. Кульской.

Можно ли игнорировать все эти данные. можно ли не считаться с фактами? Полагаем, что нельзя. Синопское происхождение астиномных клейм бесспорно является наиболее вероятным. Отметим в связи с этим появившуюся в 1933 г. статью т. Каптакузена о клеймах на амфорных

¹ Из истории Боспора. ИГАИМ, вып. 104, стр. 213 сл.

¹ Там же, стр. 234.

ручках, найденных в Румынии, в числе которых имеется и некоторое количество астиномных клейм.¹

Издатель этих клейм подверг рассмотрению и вопрос о возможном центре производства амфор с астиномными клеймами. Ему известна была лишь старая русская литература вопроса, книги Б. Н. Гракова он не знает. Тем интереснее, что Кантакузен приходит к выводу, что наиболее вероятным местом производства являлась Синопа.² Основывается он, главным образом, на характерных малоазийских именах. Попутно Кантакузен отмечает тесные взаимоотношения северного Причерноморья с Синопой, что подтверждается сообщением Диодора об услугах, оказанных синопцам боспорским царем Евмелом (Diod., XX, 25) и пребыванием синопцев в городах северного Причерноморья, засвидетельствованным эпиграфическими документами и т. д. По мнению Кантакузена, в синопских амфорах экспортировалось вино и оливковое масло, причем особенно важное значение могло иметь именно оливковое масло, поскольку в окрестностях Синопы в прибрежной полосе произрастали оливковые деревья. Через города западного Причерноморья синопские амфоры попадали вплоть до центральной части Дакии.

Показательно, что Кантакузен пришел к заключению о наибольшей вероятности синопского происхождения астиномных клейм в значительной мере самостоятельным путем.³

Но если предположение А. С. Коцевалова о боспорском или ольвийском происхождении астиномных клейм никак не является обоснованным, то высказанные им сомнения в хронологических группах синопских клейм Б. Н. Гракова заслуживают внимания. Мы, конечно, не можем согласиться с А. С. Коцеваловым, когда он начисто отвергает (стр. 270) разработанную Б. Н. Граковым хронологическую классификацию клейм. Следует, однако,

признать, что хронологические группы Б. Н. Гракова, повидимому, нуждаются в дальнейшем уточнении. Это относится, во всяком случае, к IV группе. Нам приходилось убеждаться в том, что из стратиграфически определенных слоев III в. до н. э. синопские клейма (из раскопок боспорских городищ) нередко попадают в IV хронологическую группу Б. Н. Гракова, датируемую 180—50 гг.

Отсюда мы в праве предполагать, что хронологические группы Б. Н. Гракова в известной своей части требуют коррективы. Но огульно отрицать на этом основании всю классификацию синопских клейм, разработка которой является безусловно большой заслугой Б. Н. Гракова, было бы абсолютно неправильно.

В разделе „Исследования“, на ряду с переизданием уже ранее напечатанной в „Известиях Таврической ученой архивной комиссии“ статьи С. А. Жебелева, опубликована чрезвычайно интересная статья С. А. Жебелева „Ольвия и Мифрадат Евпатор“. В ней С. А. Жебелев с большой убедительностью дает свое восстановление фрагментарно сохранившейся надписи (IosPE 12, 35), что позволяет выявить новый интересный факт в истории Ольвии, а именно наличие в ней в мифрадатовское время колонистов из малоазийской Армении, через посредство которых Мифрадат Евпатор очевидно пытался закрепить свое влияние и в этом пункте северного Причерноморья.

Статья А. Н. Зографа „Находки понтийских монет мифрадатовского времени в Ольвии“ дополняет, иллюстрирует положения, устанавливаемые исследованием С. А. Жебелева, фактами соответствующих монетных находок.

Издание столь богатого по содержанию первого тома „Ольвии“ является прекрасно начатой публикацией материалов и исследований. Будем надеяться, что в ближайшее время Институт археологии УССР порадует нас изданием следующих аналогичных томов.

И в заключение еще одно замечание. После смерти (в 1928 г.) Б. В. Фармаковского, многолетнего руководителя планомерных раскопок Ольвии, положившего начало подлинно научному изучению Ольвии, кое у кого естественно возникли сомнения, возможно ли будет с уходом Б. В. Фармаковского продолжать изучение Ольвии на таком же уровне, как вел покойный руководитель. Теперь можно прямо сказать, что скептицизм этот не оправдался. К числу заслуг Б. В. Фармаковского принадлежит и то, что он оставил после себя учеников, сумевших с успехом продолжить дело своего учителя и поднять на еще более высокий научный уровень археологическое изучение Ольвии.

В. Ф. Гайдукевич

¹ Cantacusène. Timbres amphoriques inédits trouvés en Roumanie. Dacia, III—IV, Бухарест, 1933, стр. 612 сл.

² Там же, стр. 614.

³ Синопское происхождение астиномных клейм признает и Хр. М. Данов в своем интересном и обстоятельном труде „Из древната икономическа история на западнато Черноморие до установяването на римското владичество“ (Известия на Българския археологически Институт, т. XII, св. II, 1938, стр. 223 сл.); в статью Данова вкралась, однако, досадная ошибка: на рис. 58 воспроизведено херсонесское астиномное клеймо, а в подписи под рисунком указано, что клеймо это якобы принадлежит синопской амфоре. Равным образом не прав Данов, относя начало клеймения синопских амфор к середине III в. до н. э. (там же, стр. 224).

VI. ИНФОРМАЦИИ

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ ФРИЗ НА СОСУДЕ ИЗ СТОЯНКИ КУБЕНИНО

Среди керамики стоянки Кубенино на р. Онеге обращают внимание фрагменты сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом и изображениями лебедей. При раскопках 1840 г. экспедицией Архангельского областного музея из культурного слоя стоянки было вынуто 59 черепков, принадлежащих этому сосуду. Черепки оказались рассеянными на пространстве в 14 кв. м. Повидимому, недостающие части сосуда находятся на нескрытой еще площади стоянки. Черепки сосуда встречались на глубине 18—20 см от поверхности. Необходимо отметить, что они рассеяны как раз на горизонте встреченных здесь двух погребений.

Сосуд с округлым дном сделан с примесью дресвы налепной техникой.

Диаметр сосуда, судя по крупным обломкам края, равняется 36 см. Его высота приблизительно такая же. Толщина стенок колеблется от 6 до 9 мм, кроме венчика сосуда, толщина которого достигает 1,5 см. Венчик скошен внутрь сосуда. Стенки внутри сосуда местами носят следы штрихов тем же гребенчатым штампом, которым украшалась внешняя сторона. Крупные, ясные и неокатанные черепки сосуда дают возможность реконструировать его вид (рис. 47, а).

Ямочный орнамент имеет вид поясков, перемежающихся полосами гребенчатого штампа. В самом низу ямки образуют треугольники, которых на сосуде должно быть 12. Диаметр ямок 8 мм, глубина 7—9 мм, дно их овальное (уплощенное). С подобной формы ямками и подобным гребенчатым штампом встретились фрагменты только двух сосудов среди громадного количества керамики, вынутой в 66 участках раскопанной площади.

Гребенчатый орнамент наносился небольшим (1 см длиной при ширине 2,5 мм) штампом из 5 зубчиков. Гребенчатый орнамент расположен по срезу сосуда и по верху в виде „елочки“. В других случаях отпечатки этого штампа расположены тес-

ными двойными рядами между поясками ямок, а в одном случае образуют косые полосы.

Тем же гребенчатым штампом сделаны изображения лебедей, расположенные под верхними полосками елочек и ямок. Всего на фрагментах сохранилось 15 изображений лебедей. Принимая во внимание окружность сосуда (114,61 см) и длину изображений лебедей (в среднем 3,8 см), на сосуде должно было быть изображено 24 лебедя.

Изображения лебедей сделаны неодинаково. Туловища некоторых состоят из трех прямых линий, у других из двух, крылышек бывает два, одно, или они не изображаются совсем, также иногда отсутствует и изображение хвоста лебедя (рис. 47, б). Какого-либо порядка в размещении различающихся друг от друга изображений на основании имеющегося материала не удалось установить.

Обращает на себя внимание одно изображение лебедя со знаком на шее в виде черты, сделанное, вероятно, уголком гребенчатого штампа, так как самых зубчиков в этой черте не видно (рис. 47, в). На обратной стороне одного из черепков мы видим тот же знак. Возможно, что этот знак имеет магическое значение, подобно тем добавочным деталям на изображениях лебедей петроглифов Онежского озера, которые исследователями рассматриваются как изображения орудий, наносящих раны животным.¹ На петроглифах черта эта нанесена спереди, тогда как на изображении нашего сосуда она сзади.

Сравнивая изображения стилизованных лебедей Кубенинского сосуда с подобными изображениями, встреченными на петроглифах, на сосуде из раскопок 1938 г. на р. Кузнечихе в Архангельске и с изоб-

¹ В. И. Равдоникас. Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений. Сов. археол., III, 1937, стр. 15—16.

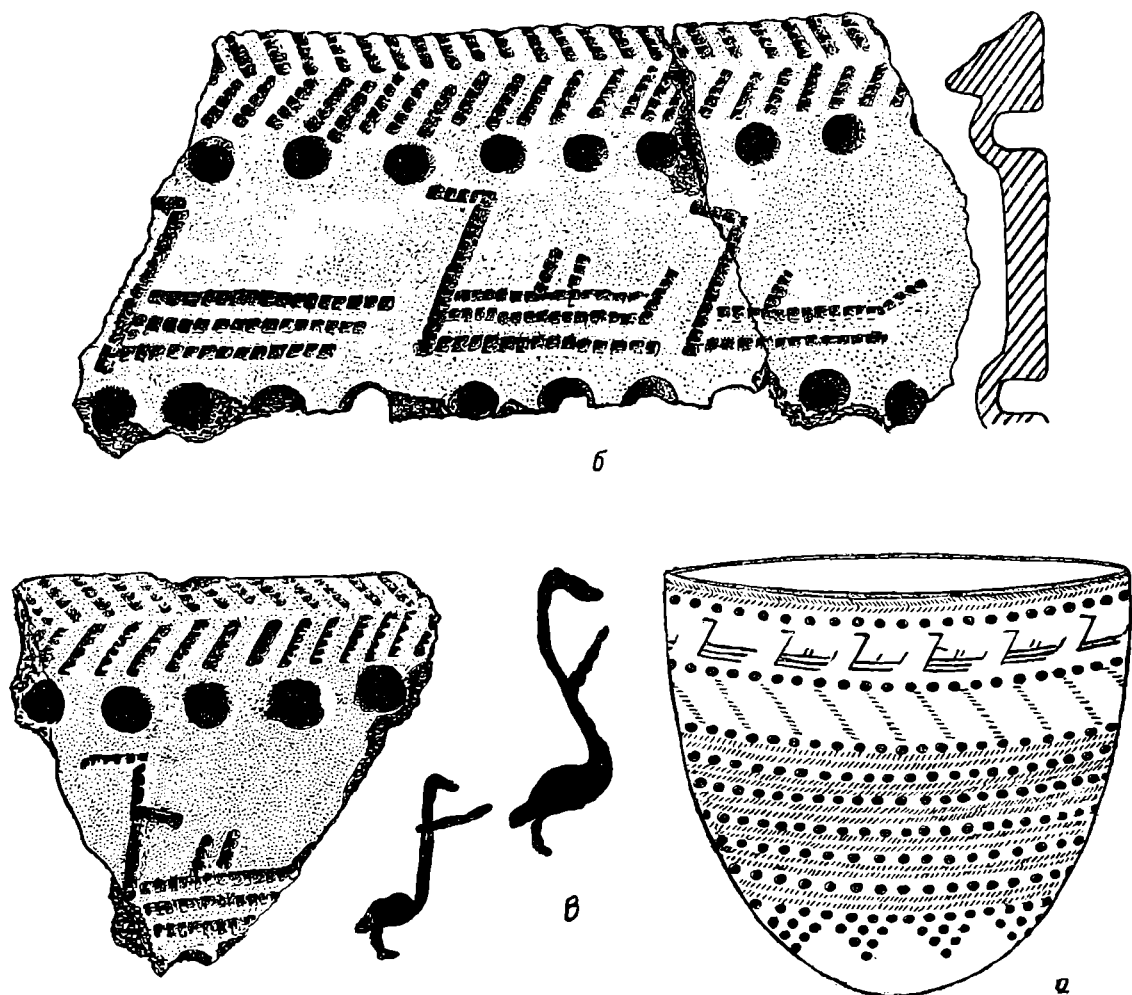

Рис. 47. Кубенино.

а — реконструкция сосуда с изображением лебедей; б — обломок сосуда с изображением лебедей; в — обломок сосуда с изображением лебедя со знаком на шее.

ражением на фрагменте сосуда из слоянки Вой-Наволока у г. Повенца,¹ мы видим ту разницу между ними, что спинка лебедей в петроглифах на сосудах Кузнечихи и уток Вей-Наволока изогнутая, тогда как в Кубенино все изображение более стили-

зовано, — здесь туловище дано только прямыми линиями.

По характеру керамики кубенинский сосуд и сосуд Кузнечихи можно отнести к позднему неолиту, причем кубенинский сосуд несколько старше сосуда Кузнечихи. Изображения уток Вей-Наволока и лебедей петроглифов ближе стоят к изображению на сосудах Кузнечихи.

¹ Н. Н. Гурьян. Неолитические поселения на северо-восточном берегу Онежского озера. Краткие сообщ. ИИМК, VII, 1940, стр. 28—36.

В. И. Смирнов

О НАХОДКЕ ЗУБА ДОМАШНЕГО БЫКА В РАННЕЙ СТОЯНКЕ БЛИЗ Г. ЯКУТСКА

В небольшой коллекции костных остатков животных, привезенной А. П. Окладниковым из Якутии, удалось обнаружить одну очень интересную находку — зуб домашнего быка (*Bos taurus*).

Согласно общепризнанным взглядам,¹ время появления скотоводства в бассейне р. Лены ориентировочно следует датировать XIII—XIV вв., когда на Лену проникают первые переселенцы южного происхождения — родоначальники современной якутской народности. Эти переселенцы-скотоводы впервые привели с собой в далекую северную тайгу домашний скот.

В течение трех-четырех столетий (к моменту появления в Якутии русских в XVII в.), вопреки неблагоприятным естественным условиям, пришельцы из степей Центральной Азии с поразительным упорством создали самое северное в мире, глубоко своеобразное скотоводство. Этот факт, однако, подтверждается лишь косвенными данными.

Тем интереснее, что среди доставленных А. П. Окладниковым остатков фауны, несомненно более древних, чем XIII—XIV вв., обнаружены остатки, принадлежащие, как будет показано, домашнему быку.

А. П. Окладников собрал свой материал при раскопках, произведенных им в 1940 г. в Якутской ССР, близ г. Олекминска, в 3 км выше города, на левом берегу р. Лены, в устье ее притока Малая

Мунку. Обследованную им стоянку А. П. Окладников относит ко времени позднего неолита (раньше X в. до н. э.).

Среди костей, найденных в культурном слое стоянки, установлены остатки следующих животных:

1. Бык домашний — *Bos taurus* L.
2. Северный олень — *Rangifer tarandus* L.
3. Косуля азиатская — *Capreolus pygargus* L.
4. Лось — *Alces alces* L.
5. Медведь бурый — *Ursus arctos* L.
6. Волк — *Canis lupus* L.
7. Заяц-беляк — *Lepus timidus* L.
8. Крыса водяная — *Arvicola terrestris* L.

Перечисленные дикие животные являются типичными и постоянными обитателями этих мест. Они в значительной части принадлежат к числу обитателей тайги.

Домашний бык представлен задним коренным зубом левой половины нижней челюсти (M₃), принадлежащим вполне взрослому животному: бугристость сглажена, функционирует весь зуб. Особь довольно мелкая.

К сожалению, большая часть коллекции с р. Малой Мунку хранится пока в Якутске, но и полученные данные имеют исключительный научный интерес, так как ими впервые документируется присутствие остатков домашнего быка для очень отдаленного прошлого.

Если эти данные будут дополнены такими же новыми материалами, то придется, повидимому, поставить вопрос о пересмотре установившихся взглядов на время возникновения скотоводства в Якутии, а вместе с тем и появления первых скотоводов в бассейне р. Лены.

¹ С. А. Токарев. Очерк истории якутского народа. Соцэкгиз, 1940. — Г. Ксенофонов. Ураанхай—Сахарар. Очерки по древней истории якутов, т. I, Иркутск, 1937. — В. Серошевский. Якуты, т. I, 1896.

Ширина двух передних колонок М ³ в мм ¹ .	Современный якутский скот		Серо-украинская	<i>Bos taurus</i> Олекминской стоянки ²
	Самец 25.0	Самка 23.0	Самка 28.5	24.0

¹ Сравнительный материал из коллекции Зоологического института АН.

² Третья колонка на зубе из Олекминска обломана.

В. В. Карачаровский

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. Доклады на пленуме Института.

Исследование городища Варахша и его окрестностей. — В. А. Шишкин. 3

II. Доклады на заседании секторов ИИМК

Палеолитические жилища в Бурети. — А. П. Окладников. 16

К вопросу о геологическом возрасте стоянки Буреть. — Н. В. Тюменцев. 31

Город Таллин в XIII—XVIII вв. — Х. Пеетс 40

Новгород и Таллин. — Л. А. Мацулевич. 47

Гончарные печи средневекового Херсонеса. — А. Л. Якобсон 53

III. Статьи.

Разновидности брахицефалии. — Е. В. Жиров. 63

Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве. — М. К. Каргер. 75

Анализ древней монгольской бумаги как памятника материальной культуры. — В. А. Петров. 86

IV. Полевые археологические исследования

Археологические исследования в Эстонии за последние 20 лет. — Г. Моора 89

Археологические работы Трубчевского музея. — В. П. Левенок. 95

Археологические работы в Вологодской обл. в 1937—1940 гг. — А. Я. Брюсов. 99

Из работ Куйбышевской экспедиции. — А. В. Эбруева. 108

Некрополь на территории Ольвии. — Т. Н. Книпович. 112

Славянская (Днепровская) экспедиция. — П. Н. Третьяков 120

Памяти Вильгельма Дерпфельда. — Акад. С. А. Жебелев 125

V. Критика и библиография

Ольвия, т. I. Изд. Акад. Наук УССР. — В. Ф. Гайдукевич. 130

VI. Информации

Орнаментальный фриз на сосуде из стоянки Кубенино. — В. И. Смирнов 137

О находке зуба домашнего быка в ранней стоянке близ г. Якутска. — В. В. Карачаровский 139

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. I—IX

(Содержание)

Вып. I.

От Редакции.

Пленум ИИМК, посвященный памяти Н. Я. Марра.

Обзор полевых археологических исследований ИИМК АН СССР в 1938 г.
„История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства“ (Сообщение).

Вып. II.

I. Доклады на сессии Отделения истории и философии Академии Наук СССР.
Археологические памятники восточнославянских племен в связи с проблемой этногенеза. — П. Н. Третьяков.

II. Доклады в секторах Института.

Кисть ископаемого человека из грота Кийк-коба и ее значение в проблеме антропогенеза. — Г. А. Бонч-Осмоловский.

Мустьерская стоянка в гроте Тешикташ в Узбекистане. — А. П. Окладников.

О черепе из Тешикташской пещеры. — Г. Ф. Дебец.

Палеолитическая стоянка Пушкина I. — П. И. Борисковский.

Итоги изучения „арктического палеолита“ за период с 1935 по 1938 г. на территории СССР. — Б. Ф. Земляков.

Неолитические стоянки Петровских озер и смежного отрезка Волги. — О. Н. Бадер.

Проблема датировки „больших кубанских курганов“. — Б. Е. ДегенКовалевский.

Поселения эпохи бронзы на среднем Дону. — Г. В. Подгаецкий.

Жилища эпохи бронзы в Пермском Прикамье. — Н. А. Прокошев.

Новые данные о городищах близ г. Кирова. — Н. А. Прокошев.

Древняя добыча металлов в верховьях Иртыша. — С. С. Черников.

Находки китайских тканей в могилах Ильмовой пади. — Г. П. Сосновский.

Памятники I тысячелетия до н. э. в Верхнем Поволжье. — П. Н. Третьяков.

Памятники I тысячелетия н. э. на территории Волхово-Мстинского района. — Г. П. Гроздилов.

Раскопки Михайловского могильника. — Я. В. Станкевич.

О дворце Андрея в Боголюбове. — Н. Н. Воронин.

Средневековое укрепление Исар близ сел. Чоргунь (Крым). — С. Н. Бибиков.

III. Археологические статьи и заметки.

Об изображении мамонта из „мамонтового грота“ Каменной могилы на Мелитопольщине. — Б. Ф. Земляков.

Рельефное изображение Геракла из Херсонеса. — С. Ф. Стрелецкий.

IV. Информации.

Об итогах научной конференции Института археологии Академии Наук УССР, посвященной изучению трипольской культуры. — Т. С. Пасек.

Археологическая конференция в Киеве.

Вып. III.

I. Доклады на пленуме Института, посвященном древней истории Западной Украины.

Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. — Е. Ю. Кричевский.

Зодчество Галицко-Волынской земли в XII—XIII вв. — М. К. Каргер.

II. Статьи.

К вопросу о взаимоотношении галицко-волынской и владими́ро-суздальской архитектуры XII—XIII вв. — Н. Н. Воронин.

III. Доклады на сессии Отделения истории и философии. Урарту и Закавказье. — Б. Б. Пиотровский.

IV. Полевые археологические исследования.

Пещерные палеолитические стоянки бассейна р. Юрюзани (Ю. Урал). — С. Н. Биби́ков.

Десятый сезон раскопок Саяно-алтайской экспедиции ИИМК и ГИМ. — Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев.

V. Информации.

О первом томе „Истории русской культуры“. — Н. Н. Воронин.

III конференция по изучению палеолита. — С. А. Трусова.

Экскурсия участников Киевской археологической конференции в бассейн р. Десны. — Б. Ф. Земляков.

Вып. IV.

Некролог, Д. В. Айналов.

I. Доклады на заседаниях Ученого совета и в секторах Института.

Мезолит и неолит Европы. — Е. Ю. Кричевский.

Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви. — М. К. Каргер.

II. Статьи и заметки.

Изучение следов работы на каменных орудиях. — С. А. Семенов.

К вопросу о неолите в Крыму. — С. Н. Биби́ков.

Арменийцы в Ольвии. — Акад. С. А. Жебелев.

Античная черепица с кровельным окном из окрестностей Херсонеса. — А. К. Тахтай.

III. Полевые археологические исследования. Работы Деснинской экспедиции в 1939 г. — М. В. Воеводский.

Палеолитическое поселение Костенки IV. — А. Н. Рогачев.

Островская палеолитическая стоянка близ г. Молотова. — М. В. Талицкий.

Археологические работы в Семиречье. — А. Н. Бернштам.

Зарафшанская археологическая экспедиция 1939 г. — А. Ю. Якубовский.

Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. — М. Е. Массон.

Итоги последних раскопок древней Тиритаки. — В. Ф. Гайдукевич.

Раскопки правобережного Цымлянского городища. — И. И. Ляпушкин.

IV. Информации.

ИИМК в 1939 г. — М. И. Артамонов.

Вып. V.

Старейший русский археолог Василий Алексеевич Городцов (к 80-летию со дня рождения).

I. Доклады на пленуме Института, посвященном памяти Н. Я. Марра.

Припонтийские халдеи и урарты. — Б. Б. Пиотровский.

Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. — П. Н. Третьякова.

II. Доклады в секторах Института.

К вопросу о происхождении и месте лука в истории культуры. — А. П. Окладников.

Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагадинке. — А. Н. Бернштам.

Жилые кварталы позднесредневекового Херсонеса. — А. Л. Яковсон.

Фрески XI—XIII вв. в Суздальском соборе. — А. Д. Варганов.

Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода. — С. А. Тараканова.

III. Статьи и заметки.

К истории использования олова в Приенисейском крае. — А. А. Иессен и Г. П. Сосновский.

Танаидские „братья-приемыши“. — Акад. С. А. Жебелев.

Древнейшее поселение на острове Березани. — О. А. Артамонова.

Античные клейменные пифосы из Херсонеса. — А. К. Тахтай.

Надземные погребения в Среднем Поволжье. — В. В. Гольмстен.

IV. Полевые археологические исследования.

Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья (к исследованиям в Бурети 1936—1939 гг.). — А. П. Окладников.

Неолитическая стоянка Вой-Наволоок 9 в свете раскопок 1938—1939 гг. — Н. Н. Гурина.

Археологические работы на Северном Кавказе. — А. П. Круглов.

Три года работы на городище Чудаки (Раскопки Челябинского музея). — К. В. Сальников.

Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева. — П. Н. Шульц.

Раскопки Теньгушевского и Нароватовского городищ в 1939 г. — Е. И. Горюнова.

Погребение киевского дружинника X в. — М. К. Каргер.

V. Информации.

Список трудов В. А. Городцова.

Вып. VI.

I. Доклады на сессии Отделения истории и философии Академии Наук СССР.

Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. — М. И. Артамонов.

ГАИМК — ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет. — А. Ю. Якубовский.

II. Статьи.

Поселения древнего Согда. — Г. В. Григорьев.

Согдийская колонизация Семиречья. — А. Н. Бернштам.

Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв. — А. М. Беленицкий.

Освоение огня. — П. И. Борисковский.

Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленего острова. — Е. В. Жиров.

Писаница на горе Кизех-тах. — Г. П. Сосновский.

Тиритакский клад. — А. Н. Зограф.

К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. — М. К. Каргер.

III. Полевые археологические исследования.

Амир-Темир, новый памятник каменного века в горах Байсунтау (Узбекистан). — А. П. Окладников.

Хорезмская экспедиция 1939 г. — С. П. Толстов.

Архаический некрополь на территории Ольвии. — Т. Н. Книпович.

Баня XIV в. в Великих Болгарах. — А. П. Смирнов.

IV. Тезисы диссертаций.

Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тимани по археологическим памятникам. — И. И. Ляпушкин.

V. Информации.

Новые данные о питекантропе. — Г. И. Петров.

А. В. Давидович (некролог).

Вып. VII.

I. Доклады на сессии Отделения истории и философии АН СССР

Основные проблемы истории культуры древней Руси X—XIII вв. — Н. Н. Воронин.

II. Доклады на пленумах Института.

Археологические памятники западной части Карело-Финской ССР. — В. И. Равдоникас.

Геологическая история Карело-Финской республики в четвертичное время в связи с проблемой заселения человеком севера Европы. — Б. Ф. Земляков.

Неолитические поселения на северо-восточном берегу Онежского озера. — Н. Н. Гурин.

III. Доклады на Ученом совете Института и в секторах.

Некоторые приемы исследования растительных остатков с мест археологических раскопок. — В. А. Петров.

Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава Мудрого. — Д. Г. Рохлин.

Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд. — В. В. Гинзбург.

Ярослав Мудрый в древне-северной литературе. — Е. А. Рыдзевская.

Опыт реконструкции физического облика Ярослава Мудрого. — М. М. Герасимов.

К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны. — М. К. Каргер.

IV. Статьи и заметки.

Пушкаревское палеолитическое жилище. — П. И. Борисковский.

Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири. — Г. П. Сосновский.

Новое погребение Глазковской стадии у с. Буреть (Раскопки 1939 г.). — А. П. Окладников.

О „загадочных предметах“ из скифских погребений. — Б. Е. Деген.

Башня Адюх в Черкесии. — Л. И. Лавров.

V. Информации.

Находка остатков неандертальского человека на горе Чирчео (Италия). — Г. И. Петров.

Вып. VIII.

I. Доклады в секторах Института.

К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. — Б. А. Куфтин.

Ранние кочевники Забайкалья. — Г. П. Сосновский.

О мордовском „феодализме“. — В. В. Гольмстен и Е. И. Горюнова.

II. Статьи.

Из истории Дунайского понизовья в неолитическую эпоху. — Е. Ю. Кричевский.

Древний город Тира-Белгород-Аккерман. — А. Н. Зограф.

Роль западного Причерноморья в сложении культуры Поднестровья и Поднепровья первых веков н. э. — М. А. Тиханова.

Проблемы этнического состава населения Восточной Прибалтики в освещении современной латышской археологической литературы. — Г. И. Мосберг.

Об искусственной деформации головы. — Е. В. Жиров.

III. Полевые археологические исследования.

Находка мустьерского остроконечника в Самарканде. — Г. В. Григорьев.

Исследование мустьерской стоянки у Волчьего Грота. — О. Н. Бадер.

Первая находка палеолита в долине Сейма. — С. Н. Замятин.

Неолитическая стоянка на р. Яне. — Л. Я. Крижевская.

Погребение бронзового века в Ангарской тайге. — А. П. Окладников.

Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ). — М. Е. Массон.

IV. Информации.

Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю. — К. Фляксбергер.

Новая находка куфических монет. — А. А. Быков.

Вып. IX.

I. Доклады на совещании Комиссии по этногенезу при Отделении истории и философии.

Итоги совещания по этногенезу народов Севера. — С. П. Толстов.

Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока. — А. П. Окладников.

Проблема заселения северо-западной Сибири по данным палеоантропологии. — Г. Ф. Дебец.

Очерк этногенеза обских югров. — В. Н. Чернецов.

Антропологическое изучение манси. — Н. Н. Чебоксаров и Т. А. Трофимова.

Происхождение ананьинской культуры. — А. В. Збруева.

Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье. — Т. А. Трофимова.

К этногенезу коми. — М. В. Талицкий.

Этногенез коми в свете антропологических данных. — Н. Н. Чебоксаров.

Происхождение якутской народности. — С. А. Токарев.

II. Доклады на Ученом совете Института. Археология и основные вопросы древней истории Якутии. — А. П. Окладников.

III. Статьи.

Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове. — А. В. Мачинский.

IV. Полевые археологические исследования.

Стоянка на р. Кузнечихе в г. Архангельске. — В. И. Смирнов.

О геологическом возрасте неолитической стоянки на р. Кузнечихе в г. Архангельске. — Б. Ф. Земляков и И. М. Покровская.

Стоянки древнего человека на р. Колве, Колва-вис и Сандибей-ю в Большеземельской тундре. — Г. А. Чернов.

Неолитические стоянки в районе г. Кеми. — Г. И. Горедький.

Результаты работ археологической экспедиции в Карело-Финскую ССР в 1940 г. — Н. Н. Гурина.

Н. И. Репников (некролог).

А. А. Марр (некролог).

V. Критика и библиография.

Г. А. Бонч-Осмоловский. Грот Книикоба. — А. П. Окладников.

VI. Информации.

Обзор прений на совещании по этногенезу народов Севера.

Материалы и исследования по археологии СССР.